

# ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

2024. Том 2. Номер 2

## Редакция

*В.В. Сидорин* – главный редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),  
*А.Ф. Макарова* – заместитель главного редактора (Институт философии РАН, Москва, Россия),  
*М.В. Шпаковский* – научный редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),  
*К.В. Ворожжихина* – редактор (Институт философии РАН, Москва, Россия),  
*М.С. Чернянцева* – заведующая редакцией (Институт философии РАН, Москва, Россия),  
*А.М. Куксюк* – ответственный секретарь (Институт философии РАН, Москва, Россия).

## Редакционная коллегия

*Ф.Е. Ажимов* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *К.М. Антонов* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия), *В.Н. Белов* (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия), *К.Ю. Бурмистров* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.А. Кара-Мурза* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.П. Козырев* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *С.А. Коначева* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), *О.И. Кусенко* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *А.В. Малинов* (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия), *М.А. Маслин* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Б.В. Межуев* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *А.В. Михайловский* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *В.Н. Порус* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Б.И. Пружинин* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *В.В. Сербиненко* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), *А.В. Смирнов* (Институт философии РАН, Москва, Россия), *Е.А. Тахо-Годи* (Дом А.Ф. Лосева, Москва, Россия), *А.А. Тесля* (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия), *А.В. Углева* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Т.Г. Щедрина* (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия).

**Учредитель** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

**Периодичность:** 4 раза в год. Выходит с 2023 г.

**Журнал зарегистрирован:** Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-85108 от 25 апреля 2023 г.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

**Адрес редакции:** Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 316

Тел.: +7 (495) 697-91-28

e-mail: of@iph.ras.ru

сайт: <https://np.iphras.ru>

# NATIONAL PHILOSOPHY

(OTECHESTVENNAYA FILOSOFIYA)

2024. Volume 2. Number 2

## Editors

*Vladimir V. Sidorin* – Editor-in-Chief (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Anna F. Makarova* – Deputy Editor-in-Chief (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Mikhail V. Shpakovsky* – Science Editor (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Ksenia V. Vorozhikhina* – Editor (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Maria S. Chernyavtseva* – Executive Editor (RAS, Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Aleksey M. Kuksyuk* – Executive Secretary (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia).

## Editorial Board

*Felix E. Azhimov* (National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia),  
*Konstantin M. Antonov* (Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia),  
*Vladimir N. Belov* (The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia),  
*Konstantin Y. Burmistrov* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey A. Kara-Murza*  
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey P. Kozyrev* (Lomonosov Moscow State  
University, Moscow, Russia), *Svetlana A. Konacheva* (Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russia), *Olga I. Kusenko* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Alexey V. Malinov*  
(St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *Mikhail A. Maslin* (Lomonosov Moscow  
State University, Moscow, Russia), *Boris V. Mezhuev* (Lomonosov Moscow State University,  
Moscow, Russia), *Alexander V. Mikhailovsky* (National Research University – Higher School  
of Economics, Moscow, Russia), *Vladimir N. Porus* (National Research University – Higher School  
of Economics, Moscow, Russia), *Boris I. Pruzhinin* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia),  
*Vyacheslav V. Serbinenko* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia),  
*Andrey V. Smirnov* (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), *Elena A. Takho-Godi* (House  
of A.F. Losev, Moscow, Russia), *Andrey A. Teslya* (Immanuel Kant Baltic Federal University,  
Kaliningrad, Russia), *Anastasia V. Ugleva* (National Research University – Higher School of  
Economics, Moscow, Russia), *Tatiana G. Shchedrina* (Moscow Pedagogical State University,  
Moscow, Russia).

**Publisher:** Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences  
Frequency: 4 times per year  
First issue: 2023

**The journal is registered** with the Federal Service for  
Supervision of Communications, Information Technology,  
and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media  
Registration Certificate No. FS77-85108 on April 25, 2023

All materials published in the “National Philosophy” journal  
undergo peer review process

**Editorial address:** 12/1 Gonchamaya Str., Moscow  
109240, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 697-91-28  
e-mail: of@iph.ras.ru  
website: <https://np.iphras.ru>

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Танюшина А.А.</i> Общй искусственный интеллект, информация и сознание: об интерпретации Д.И. Дубровского.....	5
<i>Эмануилов Ф.Р.</i> В.А. Базаров: от технологического эмпиризма к бергсонизму.....	18

### ПЕРЕВОДЫ

<i>Принж Э.</i> Дмитрий Гавронский: реальность и актуально бесконечно малые.....	32
--	----

### АРХИВ

<i>Майданский А.Д., Иллеш Е.Э.</i> Э.В. Ильенков и Московский логический кружок: материалы полемики.....	62
Приложение 1. Ильенков Э.В. О тождестве и различии между «логическими» и «онтологическими» определениями (категориями).....	69
Приложение 2. Ильенков Э.В. <Замечания о кандидатской диссертации А.А. Зиновьева>.....	75
Приложение 3. Ильенков Э.В. <Заметки о докладе А.А. Зиновьева>.....	80
Приложение 4. Ильенков Э.В. <О «специфике» мышления>.....	82
Приложение 5. Ильенков Э.В. <Итоговая оценка А.А. Зиновьева>.....	84

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Голубов М.Д.</i> Ранний В.В. Библихин. Рецензия на: Библихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб.: Владимир Даль, 2022. 816 с. ....	87
<i>Петриковская Е.С.</i> О смысле памяти. Рецензия на: Шор О.А. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2023. 229 с. ....	107
<i>Тесля А.А.</i> Разговоры на письме: эпистолярный архив Н.А. Бердяева. Рецензия на: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с. (Серия: «Мысль и слово»).....	120
<i>Ячменник В.А.</i> Современное прочтение наследия С.Н. Булгакова: обзор нового сборника. Рецензия на: Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations / Eds. В. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p. ....	126
Информация для авторов.....	137

## TABLE OF CONTENTS

### RESEARCH

<i>Alexandra A. Tanyushina. General Artificial Intelligence, Information and Consciousness: on D.I. Dubrovsky's Interpretation</i> .....	5
<i>Philip R. Emanuelov. V.A. Bazarov: From Technological Empiricism to Bergsonism</i> .....	18

### TRANSLATIONS

<i>Hernán Pringe. Dimitry Gawronsky: Reality and Actual Infinitesimals</i> .....	32
--	----

### ARCHIVE

<i>Andrey D. Maidansky, Elena E. Illesh. Evald Ilyenkov and the Moscow Logical Circle: Materials of Polemics</i> .....	62
Appendix 1. Ilyenkov E.V. On the identity and difference between “logical” and “ontological” definitions (categories).....	69
Appendix 2. Ilyenkov E.V. <Remarks on A.A. Zinoviev's Candidate Thesis>.....	75
Appendix 3. Ilyenkov E.V. <Notes on A.A. Zinoviev's Report>.....	80
Appendix 4. Ilyenkov E.V. <About the “Specifics” of Thinking>.....	82
Appendix 5. Ilyenkov E.V. <The Final Assessment of A.A. Zinoviev>.....	84

### CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Mikhail D. Golubov. Early V.V. Bibikhin. Review on: Bibikhin V.V. Selected Writings of 1965–1989. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 816 p.</i> .....	87
<i>Elena S. Petrikovsky. On the Meaning of Memory. A Review on: Shor O.A. Mnemologiya. Ed., introduction, prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 240 p.</i> .....	107
<i>Andrey A. Teslya. Written Conversations: N.A. Berdyaev's Epistolary Archive. A Review on: Nikolai Berdyaev: An Epistolary Conversation. Archival Materials. Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p.</i> .....	120
<i>Vyacheslav A. Yachmenik. Contemporary Reading of S.N. Bulgakov's Legacy: A Review of a New Book. Review on: Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.</i> .....	126
Information for authors.....	137

## ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.А. Танюшина*

### **Общий искусственный интеллект, информация и сознание: об интерпретации Д.И. Дубровского**

**Танюшина Александра Александровна** – кандидат философских наук, ассистент. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1; e-mail: a.tanyushina@gmail.com

Статья посвящена анализу концепции общего искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence; AGI) и её интерпретации, предложенной российским философом Давидом Израилевичем Дубровским в его недавних исследовательских работах. В первой части статьи кратко обозначены существующие сегодня подходы к определению понятия «общий искусственный интеллект», в том числе трактующие его как искусственную интеллектуальную систему, способную достигать общих целей в разнообразных средах. Ссылаясь на тексты наиболее влиятельных зарубежных исследователей и разработчиков, автор демонстрирует параллели между предложенными ими подходами к осмыслению общего искусственного интеллекта и теми трактовками, которые предлагаются Дубровским и его соавторами. В частности, показана общность в интерпретациях концепции «модель мира» (Ян ЛеКун) и концепции «техно-умвелт», а также параллели между гипотезой «универсально-воплощённого ИИ» (Бен Герцель) и рассуждениями российского философа о возможной реализации ИИ посредством его вовлечения в различные типы интеракций с разнообразными мирами, виртуальными и физическим. Во второй части статьи обозначен потенциал применения разработанного Дубровским информационного подхода к решению проблемы «сознание-тело» в качестве основания для объяснения феномена общего искусственного интеллекта. Показано, что несмотря на необходимость доработки предложенной философом концепции информационной причинности, его теория может способствовать лучшему пониманию связи возможных компетенций AGI с явлениями субъективной реальности. В заключении обозначаются ключевые проблемы, которые на данный момент затрудняют поиск ответа на вопрос о зависимости качеств общего искусственного интеллекта от наличия феноменального сознания. Делается акцент на необходимости продолжения междисциплинарного сотрудничества между представителями когнитивных наук, разработчиками и философами, чьё взаимодействие призвано способствовать решению характерных трудностей, связанных как с проблемой интерпретации понятия «общий искусственный интеллект», так и с проблемой выявления сознания у искусственных интеллектуальных систем.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, общий искусственный интеллект, Д.И. Дубровский, информационная теория сознания, универсально-воплощённый искусственный интеллект, «модели мира», субъективная реальность, феноменальное сознание

**Для цитирования:** Танюшина А.А. Общий искусственный интеллект, информация и сознание: об интерпретации Д.И. Дубровского // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 5–17.

Российский философ Давид Израилевич Дубровский снискал широкую известность в среде как отечественных, так и зарубежных учёных во многом благодаря развитию последовательного информационного подхода к объяснению феномена сознания. В рамках разработанной им целостной концепции, призванной, в частности, дать решение фундаментальной философской проблемы соотношения сознания и тела, философ не только предлагает информационную интерпретацию различных аспектов мыслительных процессов, но и углубляется в анализ сопутствующих вопросов из области онтологии, теории познания, нейробиологии, теории искусственного интеллекта и других смежных дисциплин.

В последние годы Давид Израилевич активно публикует работы, посвящённые проблематике общего искусственного интеллекта (англ. *artificial general intelligence*; далее – AGI)<sup>1</sup>. Общий искусственный интеллект представляет собой гипотетическую искусственную вычислительную систему, которая обладает способностью понимать и решать любые интеллектуальные задачи на таком же уровне, как и человек. В отличие от «слабого», или «узкого» ИИ, нацеленного на решение конкретных и узкоспециализированных задач, AGI должен демонстрировать такие навыки, как способность к обобщению и переносу знаний из одной области в другую, умение самостоятельно ставить цели, обучаться, рассуждать (*to reason*) и принимать решения в условиях неопределённости. Кроме того, некоторые исследователи также упоминают о таких возможных качествах общего ИИ, как креативность, эмоциональный интеллект и наличие здравого смысла<sup>2</sup>.

Разработка полноценного AGI остаётся одной из самых амбициозных и сложных задач в области искусственного интеллекта, требующей значительных теоретических и технологических разработок. Многие эксперты считают, что для создания AGI необходимы фундаментальные прорывы в понимании природы интеллекта, сознания и процессов мышления, причём не только у человека, но и у нечеловеческих животных<sup>3</sup>. По этой причине возможность скорой разработки AGI долгое время ставилась исследователями под сомнение.

Тем не менее появление ChatGPT в ноябре 2022 г. стало настоящим прорывом в области искусственного интеллекта, заставившим экспертов пересмотреть свои прогнозы относительно сроков создания AGI. Эта революционная модель генеративного искусственного интеллекта, основанная на архитектуре нейронной сети-трансформера, продемонстрировала настолько впечатляющие возможности в области обработки естественного языка и генерации осмысленных ответов на запросы пользователя, что многие специалисты существенно приблизили ожидаемые даты появления полноценного искусственного интеллекта, ни в чём не уступающего человеческому разуму. В 2023–2024 гг. стали активно разрабатываться альтернативные генеративные модели и чат-боты (в том числе и общедоступные модели с открытым исходным кодом), что также способствовало значительному ускорению прогресса в области нейросетевого моделирования и глубокого обучения. Таким

<sup>1</sup> См., напр.: Дубровский Д.И. Эпистемологический анализ социогуманитарной значимости новаций искусственного интеллекта в контексте общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 10–26; Дубровский Д.И. Значение нейронаучных исследований сознания для разработки Общего искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 83–93; Дубровский Д.И. Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы // Человек в системе искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022. С. 128–159; Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 39–49.

<sup>2</sup> Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы стратегии. М., 2016. С. 13.

<sup>3</sup> Butlin P. et al. Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness [Электронный ресурс] // Arxiv.org. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

образом, произошедшая за последние два года «GPT-революция» существенно всколыхнула сферу разработки искусственных интеллектуальных систем и повысила планку достижений ИИ-моделей, а также заставила научное сообщество переосмыслить временные горизонты, отделяющие нас от создания AGI, потенциально способного изменить траекторию развития человечества. По этой причине представляется, что последовательный концептуальный, методологический и философско-теоретический анализ концепции AGI является сегодня как никогда актуальным.

Далее в настоящей статье будут рассмотрены основные философско-теоретические основания концепции AGI, в том числе анализируемые Дубровским в его статьях. Также будут разобраны методологические вопросы, связанные с созданием общего искусственного интеллекта, и выявлена роль междисциплинарных подходов к разработке и оценке эффективности интеллектуальных систем, претендующих на статус AGI. Наконец, учитывая теоретическую совместимость интерпретации AGI, предложенной Дубровским, с толкованиями ведущих зарубежных исследователей, будет продемонстрирован потенциал применения информационного подхода к объяснению природы феноменального сознания в качестве философско-теоретического фундамента, на котором может базироваться наше дальнейшее концептуальное и онтологическое описание систем общего искусственного интеллекта.

### **AGI: проблема определения и оценки**

Во введении мы уже предварительно обозначили некоторое самое общее понимание выражения «общий искусственный интеллект». Однако следует отметить, что на данный момент в мире не существует ни одного общепринятого способа интерпретации концепции AGI. Набор качеств и компетенций, которым должна обладать подобная интеллектуальная система, остаётся крайне размытым, ведь такие критерии, как «адаптивность», «универсальность» и др., очевидно, не являются удовлетворительными в силу своей концептуальной неоднозначности.

Как уже было отмечено выше, один из наиболее распространённых подходов к трактовке AGI связан с предложением считать искусственную модель обладающей «общим» интеллектом, если она способна воспроизводить любые функции, которые может выполнять носитель естественного интеллекта, т.е. человек. Однако такого рода интерпретация является крайне проблематичной в силу отсутствия единого стандарта человеческого интеллекта, а также подходящих измерительных систем и средств, способных дать объективную оценку естественных когнитивных способностей. Исследователи подчёркивают, что большинство существующих сегодня психометрических тестов являются неадекватными для измерения интеллектуальных способностей человека, и по этой причине оформление аналогичных тестов для оценки интеллектуального уровня искусственных моделей также представляется затруднительным<sup>4</sup>. Так, стандартный тест Тьюринга, а также все его возможные вариации («минимальный тест Тьюринга», «социальный тест Тьюринга» и др.), нацеленные на выявление имитационных и функциональных способностей искусственных вычислительных систем, уже признаются ведущими исследователями неактуальными для оценки эффективности существующих сегодня больших языковых моделей<sup>5</sup>. Дубровский в своих работах также отмечает непригодность теста

<sup>4</sup> Карелов С.В. «Ловушка Гудхарта» для AGI: проблема сравнительного анализа искусственного интеллекта и интеллекта человека // Учёные записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 3. С. 5–22.

<sup>5</sup> Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R., Gehrke J., Horvitz E., Kamar E. et al. Sparks of Artificial General Intelligence: Early Experiments with GPT-4 [Электронный ресурс] // Cornell University. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.12712.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

Тьюринга для оценки деятельности как существующих сегодня моделей, так и будущих систем, потенциально способных стать основанием для разработки AGI:

Для создания AGI в первую очередь следует преодолеть ограниченности традиционной методологии разработки ИИ, основы которой заложены А. Тьюрингом. Согласно этой методологии, понятие «интеллект» трактуется в сугубо функционально-операциональном смысле, исключая роль сознания, вся сложная проблематика которого выносится за скобки. Исследование сознания представляется излишним в данном случае: существует когнитивная или практическая задача, которая формулируется и решается посредством сугубо операциональных методов с помощью компьютерных программ... Однако сегодня мы переходим к новому этапу, нуждающемуся в существенных теоретико-методологических обновлениях. Парадигма функционализма, в формирование которой А. Тьюрингом внесён первостепенный вклад, естественно, остаётся действующей, но она требует более широкой интерпретации с учётом её роли в объяснении сознания и способов использования новейших результатов исследований сознания для развития ИИ<sup>6</sup>.

Другой подход к интерпретации AGI, предложенный ещё в 2000-е гг., основан на представлении об универсальной целенаправленности искусственного агента, предполагающем способность AGI достигать разнообразных целей в разнообразных условиях и средах<sup>7</sup>. Так, футуролог и специалист по компьютерным наукам Бен Герцель, в своё время популяризовавший выражение “artificial general intelligence”, определил ключевую компетенцию общего искусственного интеллекта как «способность достигать общих целей в сложных средах»<sup>8</sup>. Подобное определение представляется многим исследователям уже более уместным для дальнейшего конструирования интеллектуальных систем и оценки их деятельности, ведь разработчики, занимающиеся машинным обучением, уже достаточно давно предлагают развивать посттьюринговую оценочную методологию, предполагающую, помимо прочего, критический анализ перспектив развития ИИ-систем в контексте их способностей к генерации осмысленного текста.

Наиболее влиятельной и цитируемой работой, посвящённой данной проблематике, является статья «Искусственный интеллект и пределы языка», написанная в 2022 г. философом Якобом Браунингом и специалистом по машинному обучению Яном ЛеКуном<sup>9</sup>. В данной работе учёные утверждают, что, несмотря на впечатляющие достижения больших языковых моделей в области обработки естественного языка, они по-прежнему страдают от фундаментальных ограничений, обусловленных самой природой их архитектуры и принципами обучения: будучи натренированными на огромных текстовых корпусах, подобные системы способны улавливать статистические закономерности и корреляции в данных, но тем не менее не обладают истинным пониманием смысла и контекста. Иными словами, они всё ещё оперируют данными на уровне синтаксиса, а не содержания, что приводит к генерации правдоподобных, но зачастую бессмысленных или некогерентных высказываний. С точки зрения авторов, естественный язык – это не просто система знаков и правил, но неотъемлемая часть человеческого познания, укоренённая в нашем сенсомоторном опыте, социальном взаимодействии и культурном контексте.

<sup>6</sup> Дубровский Д.И. Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 18.

<sup>7</sup> Legg S., Hutter M. Universal Intelligence: A Definition of Machine Intelligence // Minds and Machines. 2007. No. 17 (4). P. 394.

<sup>8</sup> Goertzel B. Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence / Artificial General Intelligence (Goertzel B., Pennachin C. eds.). Springer. 2005. P. 22.

<sup>9</sup> Browning J., LeCun Y. AI And The Limits Of Language [Электронный ресурс] // Noemamag.com. 2022. URL: <https://www.noemamag.com/ai-and-the-limits-of-language/> (дата обращения: 25.04.2024).



Большие языковые модели принципиально ограничены в таких аспектах, как понимание, рассуждение и абстрактное мышление, поскольку они обучаются исключительно на текстовых данных, без возможности активного взаимодействия с окружающей средой. Для создания по-настоящему интеллектуальных машин, способных к глубокому пониманию языка и мышлению, потребуются принципиально новые подходы, выходящие за рамки простого обучения моделей на больших данных с целью имитации языковых паттернов. Разработка подобных подходов потребует тесного междисциплинарного сотрудничества специалистов в области ИИ, лингвистики, когнитивной науки и философии.

Ян ЛеКун предложил развивать генеративные интеллектуальные системы в рамках целеориентированного подхода к разработке ИИ (*objective-driven AI*), где ключевой акцент делается на идее развития у искусственных нейросетевых структур «моделей мира», т.е. внутренних представлений системы об окружающей среде, в которой она функционирует<sup>10</sup>. Наличие «моделей мира» подразумевает интеграцию знаний, убеждений и допущений системы о структуре, свойствах и закономерностях мира: сюда относятся понимание системой типов объектов, понятий, сущностей и отношений между ними, представление о причинно-следственных связях, необходимых для предиктивной работы (а также учёт вероятностной природы мира), знания о физических свойствах среды и пространственных отношениях, понимание контекста и, наконец, понимание действий других когнитивных агентов. Для построения подобных богатых и согласованных внутренних репрезентативных структур необходимы методы обучения ИИ-систем, основанные на иерархическом планировании, а также принципах универсально-воплощённой агентности.

Разработка универсально-воплощённого искусственного интеллекта (*universal embodied AI*) предполагает создание систем обучения, в рамках которых интеллектуальные агенты обладают как физическим, так и виртуальным воплощением, что обеспечивает их способность взаимодействовать с реальной или смоделированной средой<sup>11</sup>. В отличие от систем «узкого ИИ», функционирующих исключительно в абстрактном символическом пространстве, универсально-воплощённые ИИ-агенты могут быть обучены в виртуальных и игровых средах, имитирующих реальные физические взаимодействия, а также могут быть интегрированы в робототехнические устройства, обладающие сенсорными и моторными системами и позволяющие ИИ воспринимать окружающий мир, манипулировать объектами и перемещаться в пространстве. Похожее высказывает и Дубровский в статье «Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор», написанной в соавторстве с А.Р. Ефимовым и Ф.М. Матвеевым:

Общий искусственный интеллект, то есть машина, которая способна мыслить и действовать подобно человеку, неизбежно будет следствием, продуктом, зафиксированным в опыте разносторонней интеракции человека и окружающего мира. Такая интеракция может быть вербальной или невербальной. Она может проходить в обоих видах реальности – в виртуальной и реальной<sup>12</sup>.

Создание агентов, способных автономно и целенаправленно действовать в различных физических и мультимодальных виртуальных средах, безусловно, вынуждает

<sup>10</sup> LeCun Y. A Path Towards Autonomous Machine Intelligence [Электронный ресурс] // OpenReview. 2022. URL: <https://openreview.net/pdf?id=BZ5a1r-kVsf> (дата обращения: 25.04.2024).

<sup>11</sup> Luo J., Longfei M., Chang Z., Fei W., Hongxia Y. Universal Embodied Intelligence: Learning from Crowd, Recognizing the World, and Reinforced with Experience. [Электронный ресурс] // OpenReview. 2023. URL: <https://openreview.net/pdf?id=3e5nHhhRK93> (дата обращения: 25.04.2024).

<sup>12</sup> Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 42–45.

исследователей не только искать новые методологические подходы к конструированию условий для обучения подобных ИИ-агентов, но и формулировать новые теоретические и философско-концептуальные рамки для анализа концепции «модели мира» (или аналогичной концепции техно-умвелта, предложенной одним из соавторов Дубровского Альбертом Рувимовичем Ефимовым, определившим «техно-умвелт» как «домен мировосприятия – то, что и как воспринимает машина, отображая окружающий мир»<sup>13</sup>). Давид Израилевич и соавторы также отмечают, что для реализации искусственных интеллектуальных агентов нужно ввести слой специальных интерпретаторов, которые смогут переводить онтологии и опыт одной области в понятия и опыт другой<sup>14</sup>.

Однако для дальнейших исследований AGI необходимо более конкретное понимание когнитивных и ментальных факторов, влияющих на формирование «моделей мира» у носителей естественного интеллекта. Именно на этом этапе среди исследователей и возникают ключевые разногласия: подразумевая, что данные «модели мира» являются внутренними представлениями процессов, происходящих в окружающей агента среде, учёные и разработчики, как правило, говорят исключительно об их репрезентативно-функциональной роли: «модели мира» необходимы для проектирования последствий действия агента в среде и предсказания исхода будущих вероятностных событий, поэтому само по себе обладание «моделью мира» не подразумевает, к примеру, наличия высокоуровневых ментальных свойств вроде феноменального сознания. Так, в книге 2021 г. «Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму», на которую также в своих статьях ссылается и Дубровский, авторы отмечают:

Делая акцент на широком диапазоне сред, область AGI позволяет нам избавиться от антропоцентричных предпочтений и предлагает сфокусироваться на общих решениях, пригодных для разных агентов (человека, животных, роботов, ботов и т.д.), действующих в разных условиях... Как повышение уровня решения узких задач не потребовало «сильных» качеств, так и расширение общности методов решения задач вовсе не обязательно подразумевает преднамеренное движение в сторону сильного ИИ<sup>15, 16</sup>.

С другой стороны, при анализе возможных качеств и компетенций, присущих потенциальному AGI, некоторые разработчики также упоминают «способность к интроспекции», «конструирование агентом образа себя», «эмпатичное поведение», «рефлексию» и т.д. Именно на этот факт и обращает внимание Д.И. Дубровский в своих работах: «Современный специалист в области ИИ как бы забывает о том, что является носителем ЕИ [естественного интеллекта] и обладает искомыми свойствами AGI, постоянно применяет их в своей профессиональной работе, несмотря на то, что

<sup>13</sup> Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 46.

<sup>14</sup> Стоит отметить, что подобные системы уже активно разрабатываются: можно упомянуть ИИ-модель Newton от компании Archetype AI, которая изучает физический мир непосредственно на основе данных любых датчиков (камер, микрофонов, термометров, радаров, лидаров, инфракрасных датчиков и др.), становясь единой базовой моделью, поддерживаемой универсальным семантическим метаязыком. Различные исследовательские лаборатории также разрабатывают агентов, способных к автономному обучению в виртуальных игровых средах (например, ИИ-агент Sima от Google DeepMind), а крупнейшие робототехнические компании интегрируют большие языковые модели в своих антропоморфных роботов, способных самостоятельно взаимодействовать с окружающей средой и человеком (например, робот-гуманоид от компании Figure, работающий на ChatGPT-4).

<sup>15</sup> Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму / Науч. ред. А.С. Потапов. М., 2021. С. 29–30.

<sup>16</sup> Отметим, что в цитируемом исследовании под «сильным» ИИ подразумевается человекоподобная интеллектуальная система, обладающая сознанием.

они не выделяются им, остаются скрытыми для него в процессах его сознательной деятельности, направленной на разработку AGI»<sup>17</sup>.

По этой причине следующим важным вопросом, тесно связанным с проблемой разработки последовательного теоретического и методологического аппарата, пригодного для анализа свойств AGI, является вопрос о том, как связаны компетенции общего искусственного интеллекта с наличием феноменального ментального опыта. Именно данной проблеме Давид Израилевич и посвящает многие из своих недавних статей и исследований.

### **Субъективная реальность как необходимое качество AGI: информационный подход**

Выражение «субъективная реальность», предназначенное для описания уникальных частных качеств ментального опыта, Дубровский впервые использовал ещё в своей знаменитой статье 1968 г. «Мозг и психика»<sup>18</sup>. Данное понятие определённым образом соотносится с понятием «объективной реальности», применяемой для характеристики физических структур, которые, в свою очередь, могут выступать в качестве носителей субъективной реальности. Согласно философу, некоторые сложные физические системы, обладающие достаточно высокой степенью структурно-функциональной организации, являются носителями информационных свойств, которые при должной кодовой обработке могут быть представлены как внутренние частные состояния данных систем: будучи зафиксированными в нейродинамической структуре мозга, эти информационные качества представляют собой феноменальное содержание психики человека, обозначаемое философом термином «субъективная реальность»<sup>19</sup>. Однако поскольку подобная информационная структура, ассоциированная с появлением ментальных переживаний, может быть реализована на любых функционально-изоморфных носителях, отличающихся по своим физическим характеристикам от естественных носителей сознания, субъективная реальность может появляться и у искусственных интеллектуальных систем, сконструированных из небологических субстратов.

Таким образом, в рамках своего информационного подхода Д.И. Дубровский предпринимает попытку решения фундаментальной психофизической проблемы путём указания на несводимость сознания к простому набору функционально-организационных свойств и когнитивных компетенций, что обычно препятствует последовательному объяснению онтологической реальности феноменального опыта. Субъективные ментальные переживания, по утверждению философа, являются необходимым условием реализации интеллектуальным агентом его интегральных функций, в числе которых сенсомоторные и когнитивные функции, отвечающие за поддержание организмом своей целостности<sup>20</sup>.

Таким образом, рассуждая о проблемах конструирования AGI, Давид Израилевич пишет:

---

<sup>17</sup> Дубровский Д.И. Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы // Человек в системе искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022. С. 135.

<sup>18</sup> Дубровский Д.И. Мозг и психика // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.

<sup>19</sup> Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., 1971. С. 292.

<sup>20</sup> Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М., 2007. С. 159.

Качество [субъективной реальности] нередко выносятся за скобки теми, кто занимается задачами сугубо функционалистского, бихевиорального типа (как «сделать» что-то, в том числе создать программу для компьютера или создать робота). В большинстве описанных случаев нет необходимости выделять и анализировать качество субъективной реальности, поскольку внимание сосредоточено на поставленной задаче и наличном процессе деятельности; мы будто не замечаем это качество, и даже когда напрягаем, корректируем собственное мышление; оно подобно воздуху, который мы тоже «не замечаем» во многих интервалах жизни<sup>21</sup>.

Однако, по утверждению философа, специфические качества феноменального опыта, связанные прежде всего с его интегральными функциями, должны учитываться при построении AGI:

Возникновение у животных CP [субъективной реальности] стало исторически первой формой виртуальной реальности, открывающей по мере развития всё более широкий диапазон способностей к абстрагированию, обобщению, прогнозированию, планированию, пробным действиям в виртуальном плане, иным схожим операциям (в форме «мысленных экспериментов»), повышающим приспособляемость к среде. Это качество виртуальности во многом определяет способность формирования новых навыков, приспособления к изменившейся среде, т.е., по существу, главное свойство, необходимое для AGI, – способность определять и самостоятельно решать задачи «в широком диапазоне сред»<sup>22</sup>.

Представляется, что именно на этом этапе рассуждений появляются основные онтологические и методологические вопросы, связанные с дальнейшим анализом вопроса о необходимости наличия сознания у AGI-систем. С одной стороны, на сегодняшний день наука и философия ещё не уточнили вопрос о наличии прямых логических и номических связей между качествами феноменального опыта (интенциональность, наличие частных ментальных переживаний, ощущение «каково это быть» носителем данного состояния и т.д.) и когнитивными способностями, которые современные исследователи склонны приписать будущему AGI (автономное поведение в различных окружающих средах, способность к рассуждению, планированию, пониманию контекстных отношений и др.). С другой стороны, даже при условии допущения, что феноменальный опыт может быть расценён как непрременный конститутивный элемент перечисленных выше интеллектуальных компетенций, мы всё ещё сталкиваемся с вопросом о каузальной роли субъективных переживаний, который является одним из центральных внутри философской проблемы «сознание-тело».

Отстаивая тезис о несводимости сознания к простому набору функциональных свойств системы, Д.И. Дубровский развивает концепцию информационной причинности, по которой физические и определяемые своей информационной структурой ментальные процессы являются одновременными и однопричинными и находятся в отношении «взаимооднозначного соответствия» в силу кодовой зависимости, определяющей отношения между информацией и её носителем. Иллюстрируя концепцию информационной причинности, философ использует следующий пример:

Возьмём простой пример: я говорю вам: «Подайте мне, пожалуйста, эту книгу», и вы даёте её мне. Очевидно, что это действие зависит не от самих по себе физических свойств звукового сигнала, а именно от информации на основе сложившейся у вас кодовой зависимости. То же самое действие я могу вызвать у вас множеством других сигналов с другими физическими свойствами. В этом и состоит специфика информационной причинности, которая не противоречит физической причинности, но представляет по сравнению с ней новый тип вызываемых агентом следствий, характерный

<sup>21</sup> Дубровский Д.И. Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы // Человек в системе искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022. С. 131.

<sup>22</sup> Там же. С. 141–142.

для причинно-следственных отношений в функционировании биологических, социальных и ряда технических систем. Психическая, ментальная причинность, стоявшая для естествознания под большим вопросом, является видом информационной причинности. Тем самым она получает научное объяснение, позволяет дать обоснованный ответ на классический вопрос о воздействии ментального на физическое<sup>23</sup>.

Доказывая таким образом каузальную действенность феноменального сознания, Давид Израилевич показывает, что именно явления субъективной реальности играют решающую роль в процессах управления, интеграции и саморегуляции высокоразвитых когнитивных агентов, которые, в свою очередь, должны стать ключевыми и для интеллектуальных систем вроде AGI<sup>24</sup>.

С другой стороны, современные разработчики и философы задаются встречным вопросом: каких качеств не хватает современным ИИ-системам, чтобы обладать сознанием? Рассматривая различные варианты ответа на данный вопрос в своей статье «Могут ли большие языковые модели быть сознательными?», австралийский философ Дэвид Чалмерс, в своё время высоко оценивший информационный подход Дубровского, перечисляет следующие возможные пункты: отсутствие у ИИ органической формы реализации, отсутствие воплощённости и чувств (*senses*), отсутствие глобального рабочего пространства или способности к рекуррентной обработке информации, отсутствие объединённой агентности и автономности и, наконец, отсутствие у ИИ «модели мира» и «модели себя»<sup>25</sup>. Австралийский философ приходит к выводу, что некоторые из этих пунктов опираются на весьма спорные предпосылки о сознании (например, на утверждение о том, что сознание требует биологии, с которым также не согласен и Д.И. Дубровский), в то время как самые сильные возражения, с точки зрения Чалмерса, связаны как раз с отсутствием у современных ИИ-моделей глобального рабочего пространства, способности к рекуррентной обработке информации или других факторов, с которыми, согласно наиболее актуальным сегодня нейробиологическим теориям сознания, могут быть ассоциированы высокоуровневые субъективные переживания<sup>26</sup>. Обязательное наличие «моделей мира» для появления сознания, полагает философ, является далеко не очевидным

---

<sup>23</sup> Дубровский Д.И. *Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы* // Человек в системе искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022. С. 141–142.

<sup>24</sup> Отметим, что именно концепция информационной причинности представляется самым уязвимым местом в теории Давида Израилевича: наделение информационных структур особыми причинными качествами, несводимыми к физическим каузальным свойствам, является, на наш взгляд, решением, нуждающимся как минимум в более последовательном обосновании: если феномены субъективной реальности являются результатом «кодowego преобразования» некоторой информации и при этом, по утверждению философа, обладают особыми каузальными силами, то возникает вопрос о том, почему именно «преобразованная» когнитивной системой информация является каузально релевантной, в то время как «непреобразованные» информационные структуры остаются без должной каузальной силы. С другой стороны, если допустить, что информация, не подвергнутая кодовому преобразованию, также обладает должной причинной силой, необходимой для управления и самоорганизации организма, встаёт вопрос о необходимости более высокоуровневых информационных процессов, ассоциированных с субъективными феноменальными переживаниями. Иначе говоря, информационный подход к объяснению сознания пока не даёт последовательного решения проблемы ментальной каузальности и, как следствие, не способен дать точный ответ на вопрос, является ли феноменальный субъективный опыт определяющим фактором реализации высокоуровневых когнитивных свойств. По этой причине данный аспект теории нуждается, на наш взгляд, в некоторой концептуальной доработке.

<sup>25</sup> Chalmers D.J. *Could a Large Language Model Be Conscious?* [Электронный ресурс] // Boston Review. 2023. URL: <https://philpapers.org/archive/CHACAL-3.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

<sup>26</sup> Подробнее см.: Butlin P. et al. *Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness* [Электронный ресурс] // Arxiv.org. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

предположением; более того, на сегодняшний день мы уже не можем с уверенностью утверждать, что у некоторых уже существующих ИИ-систем полностью отсутствуют простейшие «модели мира» (в то время как в наличии у них феноменальных переживаний на данный момент сомневается большинство исследователей).

Таким образом, можно заключить, что на данный момент у исследователей нет надёжных оснований полагать, что наличие у ИИ «модели мира» может быть обусловлено наличием у подобной системы высокоуровневных ментальных свойств, ассоциированных с ментальными переживаниями и явлениями субъективной реальности; в то же время ведущие философы и учёные также не берутся утверждать, что разработка систем AGI с внутренними репрезентациями процессов, происходящих в окружающей среде, автоматически подразумевает появление у подобных систем приватного сознания.

### Заключение

Сегодня эксперты, специализирующиеся на философии ИИ, акцентируют внимание на двух ключевых проблемах, значительно затрудняющих дальнейшее развитие концепции AGI и её осмысление в контексте вопросов о связи «общих» интеллектуальных способностей с феноменальным сознанием. Первая проблема сводится к вопросу о природе сознания у человека и нечеловеческих животных, отсутствие последовательного ответа на который препятствует дальнейшему ходу рассуждений о возможности появления сознания у искусственных интеллектуальных систем. Вторая проблема связана с трудностями интерпретации работы больших языковых моделей, до сих пор функционирующих по принципу «чёрного ящика»: в силу того, что разработчики подобных систем всё ещё не до конца понимают, что именно происходит «внутри» данных моделей, затруднено и толкование факторов, при соблюдении которых подобные модели в какой-то момент смогут достичь уровня AGI или стать феноменально сознательными.

Для решения этих проблем исследователи предлагают прицельнее рассмотреть существующие сегодня нейробиологические подходы к объяснению сознания у людей и животных, чтобы затем изучить возможность их адаптации под потребности, связанные с изучением систем AGI<sup>27</sup> (о чём также регулярно упоминает и Д.И. Дубровский, отмечая необходимость детального исследования нейронных коррелятов сознания для дальнейшей разработки общего ИИ<sup>28</sup>).

Представляется, что ключевым критерием успешности подобных исследований является обеспечение продуктивного междисциплинарного взаимодействия между учёными-когнитивистами, специалистами по машинному обучению и философами, способными критически осмыслить теоретические и методологические границы исследования, а также подвергнуть тщательному концептуальному анализу существующие сегодня понятия и определения, связанные с искусственными интеллектуальными системами. Зачастую невозможность прийти к консенсусу по поводу таких важных категорий, как, например, «общий искусственный интеллект», является закономерным следствием отсутствия устойчивого сотрудничества между представителями различных научных дисциплин и крупными технологическими корпорациями, занимающимися самостоятельным изучением и разработкой больших языковых моделей. Необходимо подчеркнуть, что именно специалисты в области

<sup>27</sup> См., напр.: *Le Doux J., Birch J., Andrews K., Clayton N.S. Consciousness Beyond the Human Case // Current Biology. 2023. No. 33 (16). P. 832–840.*

<sup>28</sup> *Дубровский Д.И. Значение нейронаучных исследований сознания для разработки Общего искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 90–93.*

философии ИИ, философии сознания и философии науки и техники потенциально способны успешно осуществлять взаимный перевод терминологических аппаратов различных дисциплин и обеспечивать концептуализацию и интеграцию существующих сегодня способов решения как «проблемы сознания у ИИ», так и «проблемы AGI». По этой причине системный междисциплинарный подход, предложенный Давидом Израилевичем Дубровским, представляется сегодня весьма актуальным, а разрабатываемая им информационная теория сознания при должной доработке способна стать подходящим онтологическим основанием для решения проблемы сознания у искусственного интеллекта.

### Список литературы

- Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы, угрозы стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
- Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 400 с.
- Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
- Дубровский Д.И.* Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 1. С. 13–44.
- Дубровский Д.И.* Значение нейронаучных исследований сознания для разработки Общего искусственного интеллекта // *Вопросы философии*. 2022. № 2. С. 83–93.
- Дубровский Д.И.* Мозг и психика // *Вопросы философии*. 1968. № 8. С. 125–135.
- Дубровский Д.И.* Проблема «Сознание и мозг»: теоретическое решение. М.: Канон+, 2015. 208 с.
- Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, общий искусственный интеллект: новые стратегические задачи и перспективы // *Человек в системе искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского*. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 128–159.
- Дубровский Д.И.* Эпистемологический анализ социогуманитарной значимости новаций искусственного интеллекта в контексте общего искусственного интеллекта // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 1. С. 10–26.
- Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М.* Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // *Вопросы философии*. 2023. № 5. С. 39–49.
- Карелов С.В.* «Ловушка Гудхарта» для AGI: проблема сравнительного анализа искусственного интеллекта и интеллекта человека // *Учёные записки Института психологии Российской академии наук*. 2023. Т. 3. № 3. С. 5–22.
- Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму / Науч. ред. А.С. Потапов*. М.: Альпина паблишер, Интеллектуальная Литература, 2021. 236 с.
- Browning J., LeCun Y.* AI And The Limits Of Language [Электронный ресурс] // *Noemamag.com*. 2022. URL: <https://www.noemamag.com/ai-and-the-limits-of-language/> (дата обращения: 25.04.2024).
- Bubeck S. et al.* Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4 [Электронный ресурс] // *Cornell University*. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.12712.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
- Butlin P. et al.* Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness [Электронный ресурс] // *Arxiv.org*. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
- Chalmers D.J.* Could a Large Language Model Be Conscious? [Электронный ресурс] // *Boston Review*. 2023. URL: <https://philpapers.org/archive/CHACAL-3.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
- Goertzel B.* Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence / *Artificial General Intelligence* (Goertzel B., Pennachin C. eds.). Springer. 2005. P. 1–28.
- Le Doux J., Birch J., Andrews K., Clayton N.S.* Consciousness Beyond the Human Case // *Current Biology*. 2023. No. 33 (16). P. 832–840.
- LeCun Y.* A Path Towards Autonomous Machine Intelligence [Электронный ресурс] // *OpenReview*. 2022. URL: <https://openreview.net/pdf?id=BZ5a1r-kVsf> (дата обращения: 25.04.2024).
- Legg S., Hutter M.* Universal Intelligence: A Definition of Machine Intelligence // *Minds and machines*. 2007. No. 17 (4). P. 391–444.

Luo J., Longfei M., Chang Z., Fei W., Hongxia Y. Universal embodied intelligence: learning from crowd, recognizing the world, and reinforced with experience. [Электронный ресурс] // OpenReview. 2023. URL: <https://openreview.net/pdf?id=3e5HhhRK93> (дата обращения: 25.04.2024).

## **General Artificial Intelligence, Information and Consciousness: on D.I. Dubrovsky's Interpretation**

**Alexandra A. Tanyushina** – Candidate of Sciences in Philosophy, associate researcher. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; email: a.tanyushina@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the concept of artificial general intelligence (AGI) and its interpretation proposed by the Russian philosopher David Dubrovsky in his recent research papers. The first part of the article briefly outlines the current approaches to defining the concept of “artificial general intelligence”, including interpreting it as an artificial intelligent system capable of achieving common goals in a variety of environments. Referring to the texts of the most influential foreign researchers and developers, the author demonstrates the parallels between their proposed approaches to understanding general artificial intelligence and those interpretations proposed by David Dubrovsky and his co-authors. In particular, the commonality in the interpretations of the concept of the “world model” (Yan LeCun) and the concept of “techno-umwelt” is shown, as well as parallels between the hypothesis of “universal embodied AI” (Ben Herzel) and the arguments of the Russian philosopher about the possible implementation of AI through its involvement in various types of interactions with various worlds, virtual and physical. In the second part of the article, the potential of using the information approach developed by David Dubrovsky to solve the mind-body problem as a basis for explaining the phenomenon of general artificial intelligence is outlined. It is shown that despite the need to refine the concept of information causality proposed by the philosopher, his theory can contribute to a better understanding of the connection of possible AGI competencies with the phenomena of subjective reality. In conclusion, the key problems that currently make it difficult to find an answer to the question of the dependence of the qualities of general artificial intelligence on the presence of phenomenal consciousness are outlined. The emphasis is placed on the need to continue interdisciplinary cooperation between representatives of cognitive sciences, developers and philosophers, whose interaction is designed to help solve the characteristic difficulties associated with both the problem of conceptualizing the concept of “artificial general intelligence” and the problem of identifying consciousness in artificial intelligent systems.

**Keywords:** artificial intelligence, general artificial intelligence, D.I. Dubrovsky, information theory of consciousness, universal embodied artificial intelligence, “world models”, subjective reality, phenomenal consciousness

**For citation:** Tanyushina, A.A. Obschij iskusstvennyj intellekt, informatsiya i soznanie: ob interpretatsii D.I. Dubrovskogo [General Artificial Intelligence, Information and Consciousness: on D.I. Dubrovsky's Interpretation], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 5–17. (In Russian)

## **References**

- Bostrom, N. *Iskusstvennyj intellekt. Etapy, ugrozy strategii* [Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 496 c. (In Russian)
- Browning, J., LeCun, Y. AI And The Limits Of Language, *Noemamag.com*, 2022. URL: <https://www.noemamag.com/ai-and-the-limits-of-language/> (25.04.2024).
- Bubeck, S., Chandrasekaran V., Eldan R, Gehrke J., Horvitz E., Kamar E. et al. Sparks of Artificial General Intelligence: Early Experiments with GPT-4, *Cornell University*, 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.12712.pdf> (25.04.2024).
- Butlin, P. et al. Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness, *Arxiv.org*, 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708.pdf> (25.04.2024).



Chalmers, D.J. Could a Large Language Model Be Conscious? *Boston Review*, 2023. URL: <https://philpapers.org/archive/CHACAL-3.pdf> (25.04.2024).

Goertzel, B. Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence, *Artificial General Intelligence* (Goertzel B., Pennachin C. eds.). Springer, 2005, pp. 1–28.

Dubrovskij, D.I. *Psikhicheskie yavleniya i mozg: filosofskij analiz problemy v svyazi s nekotorymi aktualnymi zadachami neirofiziologii, psikhologii i kibernetiki* [Mental Phenomena and the Brain: a Philosophical Analysis of the Problem in Connection with Some Urgent Tasks of Neurophysiology, Psychology and Cybernetics]. Moscow: Nauka, 1971. 400 c. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. *Soznanie, mozg, iskusstvennyj intellekt* [Consciousness, Brain, Artificial Intelligence]. Moscow: 2007. 272 c. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. Zadacha sozdaniya Obshchego iskusstvennogo intellekta i problema soznaniya [The Task of Creating a Common Artificial Intelligence and the Problem of Consciousness], *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2021, Vol. 64, No. 1, pp. 13–44. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. Znachenie neironauchnykh issledovaniy soznaniya dlya razrabotki Obshchego iskusstvennogo intellekta [The Importance of Neuroscientific Consciousness Research for the Development of General Artificial Intelligence], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2022, No. 2, pp. 83–93. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. Mозг i psikhika [Brain and Psyche], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 1968, No. 8, pp. 125–135. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. *Problema “Soznanie i mozg”: teoreticheskoe reshenie* [The Problem of “Consciousness and the Brain”: a Theoretical Solution]. Moscow: Kanon+, 2015. 208 c. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. Soznanie, mozg, obshchij iskusstvennyj intellekt: novye strategicheskie zadachi i perspektivy [Consciousness, Brain, General Artificial Intelligence: New Strategic Tasks and Prospects], *Chelovek v sisteme iskusstvennogo intellekta* [The Human Being in the System of Artificial Intelligence], ed. by V.A. Lektorsky. Saint-Petersburg: Yuridicheskij tsentr, 2022, pp. 128–159. (In Russian)

Dubrovskij, D.I. Epistemologicheskij analiz sociogumanitarnoj znachimosti novatsij iskusstvennogo intellekta v kontekste obshchego iskusstvennogo intellekta [Epistemological Analysis of the Socio-humanitarian Significance of Artificial Intelligence Innovations in the Context of General Artificial Intelligence], *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2022, Vol. 65, No. 1, pp. 10–26. (In Russian)

Dubrovskij, D.I., Efimov, A.R., Matveev, F.M. Chto meshaet nam sozdat’ Obshchij iskusstvennyj intellekt? Odnа staraya stena i odin staryj spor [What Prevents Us from Creating a Common Artificial Intelligence? One Old Wall and One Old Dispute], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2023, No. 5, pp. 39–49. (In Russian)

Karelov, S.V. “Lovushka Gudkharta” dlya AGI: problema sravnitel’nogo analiza iskusstvennogo intellekta i intellekta cheloveka [The “Goodhart Trap” for AGI: the Problem of Comparative Analysis of Artificial Intelligence And Human Intelligence], *Uchenye zapiski Instituta psikhologii Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Letters of the Institute of psychology of Russian Academy of Sciences], 2023, Vol. 3, No. 3, pp. 5–22. (In Russian)

Le Doux, J., Birch, J., Andrews, K., Clayton, N.S. Consciousness Beyond the Human Case, *Current Biology*, 2023, No. 33 (16), pp. 832–840.

LeCun, Y. A Path Towards Autonomous Machine Intelligence, *OpenReview*, 2022. URL: <https://openreview.net/pdf?id=BZ5a1r-kVsf> (25.04.2024).

Legg, S., Hutter, M. Universal Intelligence: A Definition of Machine Intelligence, *Minds and machines*, 2007, No. 17 (4), pp. 391–444.

Luo, J., Longfei, M., Chang, Z., Fei, W., Hongxia, Y. Universal embodied intelligence: learning from crowd, recognizing the world, and reinforced with experience, *OpenReview*, 2023. URL: <https://openreview.net/pdf?id=3e5nHhhRK93> (25.04.2024).

*Sil’nyj iskusstvennyj intellekt. Na podstupakh k sverkhrazumu* [Strong Artificial Intelligence. On the Outskirts of the Superintelligence]. Moscow: Intellektual’naya Literatura, 2021. 236 c. (In Russian)

Ф.Р. Эмануилов

## В.А. Базаров: от технологического эмпиризма к бергсонизму

**Эмануилов Филипп Рахамимович** – студент магистерской программы «Философская антропология» Школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11; e-mail: fremanuilov@edu.hse.ru

В статье представлен анализ эпистемологии и философии науки русского философа-марксиста В.А. Базарова. В первой части работы выделяются и анализируются два этапа идейной эволюции философа: эмпириокритический и волюнтаристский. На первом этапе мысль Базарова характеризуется антиметафизическими и эмпиристскими установками. От других представителей эмпириокритицизма его отделяет акцент на активности познающей инстанции. Показывается, что около 1910 г. взгляды Базарова претерпевают сдвиг в сторону волюнтаризма, рассматриваемый как второй этап его идейной эволюции. Демонстрируется, что, хотя мысль Базарова развивалась в указанном направлении самостоятельно, важную роль в переходе между двумя этапами сыграла рецепция философии А. Бергсона. В конечном счёте эволюция взглядов Базарова приводит его к отказу от ключевых установок позитивизма и принятию бергсонизмской «философии действия». Вторая часть работы посвящена попытке актуализации взглядов Базарова через их рассмотрение в контексте «технологического эмпиризма» – реконструируемой современными исследователями позиции в философии науки, объединяющей таких мыслителей, как А.А. Богданов, О. Нейрат и Н. Картрайт. Все они делают акцент на технической, социальной и физической стороне научного опыта, подчёркивая многообразие изучаемой реальности и способов её репрезентации, противостоя фундаментализму высокотeorетических построений в науке. Обосновывается правомерность характеристики взглядов Базарова в его первый период творчества в качестве представителя данного течения. В этой оптике вновь рассматривается идейная эволюция Базарова, что позволяет сделать выводы о существовании внутренней тенденции технологического эмпиризма – его тяготению к волюнтаризму и релятивизму.

**Ключевые слова:** Базаров, эмпириокритицизм, махизм, марксизм, Бергсон, прагматизм, технологический эмпиризм, философия науки, история философии науки

**Для цитирования:** Эмануилов Ф.Р. В.А. Базаров: от технологического эмпиризма к бергсонизму // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 18–31.

## Введение

В данной работе представлен анализ идейной эволюции В.А. Базарова от своеобразной формы эмпириокритицизма к бергсонизмской «философии действия». Эта трансформация будет рассмотрена в первую очередь исходя из проблемы активности познающей инстанции, необходимость удовлетворительного решения которой и заставляет Базарова раз за разом модифицировать свои идеи. Обозрев развитие взглядов философа, мы постараемся извлечь из этого некоторые нетривиальные выводы относительно «технологического эмпиризма» – течения в философии науки, к которому взгляды Базарова мы полагаем весьма близкими (на первой стадии своей эволюции).

В трактовке технологического эмпиризма мы опираемся на реконструкцию, проведённую Г.С. Чараком в своей диссертации<sup>1</sup>. Согласно Чараку, технологический эмпиризм представляет собой развитие философии Э. Маха, которую он именует «биологическим эмпиризмом». К представителям технологического эмпиризма исследователь относит соратника Базарова А.А. Богданова, одного из лидеров Венского кружка О. Нейрата, а также современного философа науки Н. Картрайт. Все они следуют за Махом в признании первичности опыта в научном знании, однако, в отличие от биологизма последнего, ключевая роль отводится не психофизиологическим, а техническим, социальным и физическим аспектам этого опыта<sup>2</sup>. Дальнейшее изложение покажет обоснованность включения Базарова в рамки этого течения.

## Идейная эволюция Базарова

В.А. Базаров (1874–1939, настоящая фамилия Руднев)<sup>3</sup> – большевик, близкий соратник А.А. Богданова. Публицистическая деятельность Базарова в дореволюционный период в основном затрагивает сферы политики, политической экономии и в особенности философии<sup>4</sup>. Во время революции и Гражданской войны теоретическая философия уступает место вопросам актуальной политики. В годы же НЭПа, получив место в советском Госплане, Базаров всё своё внимание устремляет на методологию экономического планирования<sup>5</sup>. Ввиду направленности нашей работы мы ограничимся рассмотрением первого периода творчества Базарова.

В области философии Базаров выступает сторонником «современного философского эмпиризма» Э. Маха и Р. Авенариуса, пытаясь совместить это направление с марксизмом. Оригинальный вклад в это дело, общее для всех марксистов-

---

<sup>1</sup> Charak G.S. *Between Soul and Precision: Ernst Mach's Biological Empiricism and the Social Democratic Philosophy of Science* (Doctoral dissertation). San Diego, 2007.

<sup>2</sup> При этом обе позиции включают общее политическое измерение, состоящее в признании необходимости свободы мысли, психологического развития, экономического планирования и социальной солидарности. Всё это автор суммирует в понятии «социал-демократической философии науки» (Ibid. P. X).

<sup>3</sup> См. биографию Базарова: *Клебанер В.С.* В.А. Базаров – мыслитель, учёный, гражданин // Проблемы прогнозирования. 2004. № 6. С. 150–156; *Клебанер В.С.* К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 75–93.

<sup>4</sup> Базаров также активно занимался переводческой деятельностью. Из-под его пера вышли переводы, например, «Капитала» К. Маркса (совместно с И.И. Скворцовым-Степановым), «Мифа и религии» В.М. Вундта (совместно с П.С. Юшкевичем), «Материи и памяти» А. Бергсона и др.

<sup>5</sup> Работы второго и третьего периодов собраны в двухтомном собрании сочинений: *Базаров В.А.* Избранные произведения: в 2 т. / Под ред. А.А. Бельх. М., 2014. Во втором томе также представлена полная библиография Базарова.

эмпириокритиков<sup>6</sup>, Базаров вносит в 1908 г. в статье «Мистицизм и реализм нашего времени»<sup>7</sup>. После критики «мистицизма» (бессознательного у ортодоксальных марксистов и сознательного у мистических анархистов) Базаров переходит к изложению доктрины эмпириокритицизма, дополненной собственными тезисами. Изложив имманентную теорию познания Маха и Авенариуса, устраняющую дуализм субъекта и объекта, философ, однако, подвергает её критике за сведение научного познания исключительно к описанию уже данного в опыте. Основываясь на формуле «заметили и описали», эмпириокритики не могут объяснить творческий аспект научного исследования, процесс открытия нового. Для объяснения этого явления Базаров разрабатывает концепцию дифференциации опыта – познавательной операции, которая и должна отвечать за возможность творчества<sup>8</sup>.

Это приводит Базарова к плюралистическому взгляду на познание, позволяющему совместить и эмпирические, и конструктивные его аспекты:

Природа *не дана* нам как единое связанное целое; единство мира не предпосылка, а задача творческого познания. Это не значит, конечно, что познание творит свои связи и схемы вполне свободно, что природу можно рассматривать как лист белой бумаги, на котором познавательная фантазия человека набрасывает свои картины. Если уже сравнивать природу с бумагой, так не с белой, а с исчерченной вдоль и поперёк бесчисленными сливающимися контурами нарисованных одна на другой картин. Акт познания выделяет из этой беспорядочной сети линий те, которые принадлежат одному и тому же рисунку<sup>9</sup>.

Другое важное дополнение Базарова состоит в акценте на коллективном аспекте опыта. Философ показывает, что единство опыта и картины мира каждого отдельного человека обусловлено его включённостью в социум, на уровне которого на самом деле опыт и обладает единством: «Мир вовсе не “моё” представление, а “наше” общечеловеческое представление... обособляющееся и развивающееся, как функция совокупного человеческого организма»<sup>10</sup>.

Наконец, Базаров модифицирует биологическую концепцию познания Маха, предполагающую, что познание – «орудие организма в борьбе за существование»<sup>11</sup>.

<sup>6</sup> Так как в наши задачи не входит концептуальный и исторический анализ русского эмпириокритицизма в целом, отсылаем читателя к монографии Д. Стейлы: *Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.)* / Пер. с итал. О. Поповой. М., 2013.

<sup>7</sup> Статья была опубликована в сборнике «Очерки по философии марксизма», объединившем самых известных сторонников второго позитивизма среди русских марксистов. Помимо Базарова туда вошли, в частности, А.В. Луначарский, П.С. Юшкевич и А.А. Богданов. Зыбкость данного объединения понимали и сами его представители. Как указано в предисловии, их идейное единство ограничивается приверженностью социализму и борьбой на два фронта: одновременно против ортодоксальных марксистов и религиозных идеалистов (Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 1–2).

<sup>8</sup> *Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени* // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 30–37.

<sup>9</sup> Там же. С. 38.

<sup>10</sup> Там же. С. 41. Это относится даже к таким «формам организации опыта», как пространство и время. Так, непрерывность мира в пространстве и времени получается лишь при совмещении несовместимых в индивидуальном сознании представлений (например, одновременное созерцание разных сторон предмета) (Там же). Как указывает Н.Н. Полуляк, в своём тезисе о коллективном характере любого опыта Базаров преодолевает точку зрения эмпириокритицизма вообще и приближается к идеям социальной феноменологии А. Шюца (*Полуляк Н.Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма»* (В.А. Базаров, А.А. Богданов). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к. филос. н. Вятский гос. гуманитар. ун-т. Киров, 2010. С. 15–16).

<sup>11</sup> Там же. С. 42.

Он показывает, что в обществе эта борьба имеет форму «планового труда и производства». И несмотря на автономность научного познания, его «основные линии» уже намечены этим производственным процессом<sup>12</sup>. Таким образом, Базаров обогащает эмпириокритическую теорию познания и науки конструктивистскими и социальными аспектами.

Годом позже, в 1909 г., Базаров публикует обширную статью под названием «Материал коллективного опыта и организующие его формы»<sup>13</sup>, почти полностью посвящённую анализу и критике философии А. Бергсона. Важно отметить, что это была одна из первых аналитических работ о философии Бергсона, написанных на русском языке вообще.

Говоря о Бергсоне, стоит указать, что именно в 1909 г. его работы проникают в Россию (если не считать изданной на русском языке в 1900 г. и оставшейся незамеченной работы «Смех»<sup>14</sup>). В этом году на русском языке вышла одна из главных работ философа – «Творческая эволюция»<sup>15</sup>, во многом определившая основные мотивы рецепции его мысли в России. Как указывает Ф. Нэтеркотт в монографии о философии Бергсона в России, среди русской публики очень быстро сложился образ Бергсона «как глашатая антиинтеллектуализма» и философа мистического «жизненного порыва»<sup>16</sup>. Пик популярности философа в России пришёлся на 1909–1914 гг. – в этот промежуток было опубликовано пятитомное собрание сочинений Бергсона на русском языке, включавшее все написанные им к тому моменту работы.

Но вернёмся к Базарову, для взглядов которого, с нашей точки зрения, знакомство с философией Бергсона является ключевым событием. Пока Базаров характеризует последнюю как попытку «разбить эмпиризм его же собственным оружием»<sup>17</sup>. Под этим он подразумевает стремление Бергсона обосновать легитимность интуитивной метафизики через указание на исключительно утилитарную природу интеллектуального познания<sup>18</sup>. Таким образом, для Базарова, как и для большинства его современников, Бергсон – в первую очередь антиинтеллектуалист, критик рационального познания, мистик и метафизик<sup>19</sup>.

Выделяет же Базарова то, что он заимствует у Бергсона для собственного философского проекта. Этим элементом является именно негативная часть аргументации Бергсона – его «практицизм» (далее – прагматизм) и теория интеллекта, спадающая, как считает Базаров, со взглядами эмпириков, постулирующих связь познания «с жизненной борьбой человека, с развитием производства и техники»<sup>20</sup>.

<sup>12</sup> Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 43.

<sup>13</sup> Базаров В.А. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма / Под ред. Н. Вернера, А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, М. Горького. СПб., 1909. С. 143–219.

<sup>14</sup> Бергсон А. Смех в жизни и на сцене / Пер. А.Е. Яновского. СПб., 1900.

<sup>15</sup> Это также был первый перевод работы на иностранный язык.

<sup>16</sup> Нэтеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. с фр. И. Блауберг. М., 2008.

<sup>17</sup> Базаров В. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма / Под ред. Н. Вернера, А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, М. Горького. СПб., 1909. С. 147.

<sup>18</sup> Развёрнутое эволюционное обоснование своей гносеологии Бергсон даёт во второй главе «Творческой эволюции» (Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М., 2019. С. 77–138).

<sup>19</sup> «Популярность стяжали ему (Бергсону. – Ф.Э.), конечно, его мистические экскурсии, дающие если не утешение, то, по крайней мере, надежду на утешение той религиозной жажды, которая за последние годы всё сильнее и сильнее охватывает “свободомыслящую” европейскую интеллигенцию» (Базаров В. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма / Под ред. Н. Вернера, А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, М. Горького. СПб., 1909. С. 147).

<sup>20</sup> Там же. С. 148.

Хотя факт апроприации тезисов Бергсона не прописывается Базаровым эксплицитно (статья наполнена критическим духом по отношению к французскому мыслителю), мы постараемся продемонстрировать её через анализ одного авторского аргумента. Базаров подвергает критике выдвинутый Махом критерий различения физического и психического, защищавшийся им самим годом ранее в «Мистицизме и реализме нашего времени»<sup>21</sup>. Этот критерий подразумевает, что нейтральные элементы – фундаментальные сущности онтологии Маха – стоит расценивать как физические или психические, в зависимости от того, изменяются ли они при изменении моего организма (психические) или нет (физические). Теперь же Базаров оценивает этот критерий как слишком «созерцательный» и, основываясь на концепции А. Пуанкаре, переформулирует его в терминах возможного практического воздействия на предмет: если изменение предмета может быть компенсировано только путём преобразования внешних предметов, то оно физично, в то время как «кажущееся, исключительно психическое изменение компенсируется изменениями нашего организма»<sup>22</sup>. Таким образом, Базаров подвергает критике свои более ранние взгляды, исходя из более волюнтаристской позиции, близкой Бергсону. Отсюда можно заключить о плодотворной рецепции бергсоновского практицизма Базаровым.

Не считая практицизма, философия Бергсона рассматривается Базаровым в критическом ключе. Очевидно, его не устраивает «созерцательность» гносеологии Бергсона, выражающаяся в тезисе о том, что философская истина открывается через преодоление практицизма интеллекта. Согласно Базарову же, практицизм является условием истины, тем, что её конституирует. Философ выступает и против бергсоновской концепции интуиции. Он замечает, что, как и все философы бессознательного, Бергсон выдаёт за суперинтеллектуальное то, что на самом деле ниже интеллектуального. Отсюда наивный антропоморфизм Бергсона, распространяющий характеристики человеческой психики на весь универсум. Наконец, не устраивает Базарова тезис об абсолютно непредсказуемом характере «творческой эволюции». Он противопоставляет этому возможность научного предвидения явлений природы (в том числе биологических) как необходимое условие практики.

Таким образом, с одной стороны, Базаров остаётся верным антиметафизическим, эмпиристским и сциентистским установкам позитивизма, исходя из которых подвергает критике проект метафизики Бергсона. С другой же стороны, он начинает ещё сильнее, чем ранее, подчёркивать активный, ориентированный на практику характер познания. Источником такого практицизма, наряду с классическим марксизмом, всегда признававшим важность практики, становится философия Бергсона.

В последующие годы мировоззрение Базарова претерпевает всё больший сдвиг от первой тенденции ко второй. Так, в 1910 г. он переводит книгу Э. Бутру (также характеризуемого как прагматиста) «Наука и религия в современной философии», в предисловии к которой отмечает важность прагматизма как философского течения<sup>23</sup>. Главное, что привлекает в нём Базарова, – отсутствие абсолютной гарантии

<sup>21</sup> Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 25–29.

<sup>22</sup> Базаров В.А. Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма / Под ред. Н. Вернера, А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, М. Горького. СПб., 1909. С. 191.

<sup>23</sup> В этом же году прагматистские работы Джеймса, ранее известного в основном как автора «Психологии», начинают активно издаваться на русском языке. О рецепции прагматизма Джеймса в русском марксизме того периода см.: *Стейла Д.* Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм / Пер. с англ. Д.Г. Лахути // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 129–143.

в познании, воспринимающейся как «освобождение, как необходимая предпосылка свободного развития его (человека. – Ф.Э.) творческих потенций»<sup>24</sup>. Этот сдвиг теоретических предпочтений Базарова зафиксирован и в его письме Богданову, в котором Базаров подчёркивает, что «конструктивный момент в познании... играет гораздо более крупную роль, чем это кажется “махистам”», и далее замечает: «я думаю даже, – вопреки тому, что я когда-то проповедовал в “Очерках реалистического мировоззрения”, – что аналитических суждений вообще нет: логические дедукции так же синтетичны, как и математические построения, а эти последние не менее синтетичны, чем физические теории»<sup>25</sup>.

Кульминацией перехода Базарова от эмпириокритицизма к определённой форме прагматизма является его работа «О философии действия», опубликованная в трёх частях в 1913 г. При этом она полностью посвящена анализу и критике философии Бергсона, которого Базаров называет «самым выдающимся представителем» прагматизма<sup>26</sup>. Как и в статье 1909 г., Базаров отмечает активистский характер гносеологии Бергсона, но сетует на созерцательность остальной его философии (метафизики). Однако теперь он рассматривает эту метафизику в диалектическом ключе – как «необходимую подготовительную ступень», которую должен пройти человек, чтобы «превратиться из романтического мечтателя о “высших ценностях” в их действительного творца»<sup>27</sup>. Очевидно, свою работу Базаров оценивает как преодоление этой ступени.

Не считая метафизики, Базаров ассимилирует практически все остальные элементы философии Бергсона. Как и в работе 1909 г., он высоко оценивает его теорию интеллекта. В полном подчинении интеллектуальной способности практической потребности в выживании и приспособлении Базаров видит гарантию её объективности. Тем самым теория Бергсона, постулирующая безличный и лишённый ценностного измерения интеллект, демонстрирует своё превосходство над гносеологиями других разновидностей «прагматизма», нередко скатывающихся в абсолютный субъективизм.

Одобрение Базарова вызывают теперь и те части бергсоновского учения, которые яростно критиковались в работе 1909 г. Он высоко оценивает интуицию творческой длительности, перетолковывая её при этом в волюнтаристском ключе: «бергсоновская интуиция реальной длительности должна бы приводить не к догматической метафизике или мечтательной романтике, а к выработке *нового пути культуры*»<sup>28</sup>. Базаров даже подписывается под бергсоновской критикой эмпирической науки (а именно – дарвинизма в эволюционной биологии). И критика эта направлена не на вычищение следов метафизики из науки, что всегда было свойственно позитивизму, а на обоснование возможности интуитивного познания жизненного порыва<sup>29</sup>.

Однако центральное место в интерпретации Базарова теперь занимает концепция творчества. Как и в предисловии к книге Бутру, он полностью принимает непредсказуемый характер творческой эволюции: «Вдохновляющая сила творчества не только не нуждается в гарантии своих достижений, но была бы в корне

<sup>24</sup> Базаров В.А. Предисловие переводчика // Бутру Э. Наука и религия в современной философии / Пер. с фр. В. Базарова. СПб., 1910. С. 5–18.

<sup>25</sup> Цит. по: *Стейла Д.* От опыта к организации. Краткий обзор неопубликованных писем А.А. Богданова В.А. Базарову / Пер. с англ. О.В. Дворкиной // Александр Александрович Богданов / Под ред. М.В. Локтионова. М., 2021. С. 187.

<sup>26</sup> Базаров В.А. О философии действия. Статья первая // Современник. 1913. № 6. С. 143.

<sup>27</sup> Там же. С. 145.

<sup>28</sup> Базаров В.А. Философия действия. Статья третья // Современник. 1913. № 10. С. 167.

<sup>29</sup> Базаров В.А. Философия действия. Статья вторая // Современник. 1913. № 7. С. 161.

подорвана, если бы такая гарантия могла существовать»<sup>30</sup>. Базаров даже пытается усилить аффирмативность концепции Бергсона, усматривая в той элементы трагичности<sup>31</sup>, выражающиеся в двух «антиномиях». Последние решаются Базаровым в диалектическом ключе.

Первая антиномия заключается в необходимости воплощения жизненного порыва в косной материи, в результате чего первый обречён «застыть, разбиться на куски, умереть»<sup>32</sup>. Решение Базарова заключается в усилении дуализма жизни и материи, разрешающегося и вновь возобновляющегося на новом уровне «творческого напряжения жизни» в диалектическом движении. Вторая антиномия состоит в невозможности сделать творчество сознательным и планомерным. И если в работе 1909 г. эта же антиномия разрешалась Базаровым через отказ от доктрины непредсказуемости творчества, то теперь упор делается на коллективизм и выработку новой интуитивной формы культуры.

Разрешению этих антиномий должно способствовать превращение религиозных догматов в программу общественного прогресса – тем самым Базаров перетолковывает антропологическую концепцию религии Л. Фейербаха в духе своей философии действия, в чём оказывается близок к богостроительству<sup>33</sup>. В завершение своей работы Базаров намечает один из пунктов этой программы новой культуры – создание «коллективной души земного человечества»<sup>34</sup>. Это должно стать вехой к реальному осуществлению плотиновского «догмата» о мировой душе, связывающей «все живые существа в единый организм, подчинённый во всех своих отправлениях единой воле»<sup>35</sup>.

Таким образом, творчество Базарова можно разделить на два этапа, которые определяются общей приверженностью эмпириокритицизму и философии действия соответственно. И, на наш взгляд, именно на первом этапе Базаров близко подходит к технологическому эмпиризму.

### **Философия Базарова в контексте технологического эмпиризма**

Как было отмечено во введении, технологический эмпиризм (ТЭ) представляет собой позицию в философии науки, подчёркивающую опытно-экспериментальную сторону научного познания с особым акцентом на технические и социальные аспекты этого опыта. В этом он противостоит более «рационалистическим» подходам в философии науки, центрированным вокруг научных теорий и логической структуры науки<sup>36</sup>. К её представителям Чарак относит А.А. Богданова, О. Нейрата

<sup>30</sup> Базаров В.А. Философия действия. Статья вторая // Современник. 1913. № 7. С. 156.

<sup>31</sup> Что является достаточно нетипичным для рецепции Бергсона. Гораздо чаще Бергсона критиковали за то, что его концепция жизни не оставляет места для негативности. Например, такую критику высказывали Г. Зиммель и В. Янкелевич (*Занфи К. Бергсон и немецкая философия. 1907–1932 / Пер. с фр. И.И. Блауберг. М., 2020. С. 115–121*).

<sup>32</sup> Базаров В.А. Философия действия. Статья вторая // Современник. 1913. № 7. С. 152.

<sup>33</sup> Базаров сам высказывал симпатии к богостроительству М.А. Горького (но не к самому термину) как положительному преодолению бога. При этом богостроительство, согласно Базарову, противостоит любому мистицизму, в чём даже более радикально, чем ортодоксальный марксизм (*Базаров В.А. Богоискательство и богостроительство // Вершины. 1909. № 1. С. 355*).

<sup>34</sup> Базаров В.А. Философия действия. Статья третья // Современник. 1913. № 10. С. 167.

<sup>35</sup> Там же. С. 166–167.

<sup>36</sup> Charak G.S. Between Soul and Precision: Ernst Mach's Biological Empiricism and the Social Democratic Philosophy of Science (Doctoral dissertation). San Diego, 2007. P. 3.



и Н. Картрайт<sup>37</sup>. Более детально ТЭ характеризуется двумя критическими и четырьмя конструктивными тезисами<sup>38</sup>.

Критические тезисы заключаются в: 1) антиметафизичности (ТЭ постоянно вопрошает: «что это значит?» и «как это можно проверить?», а также отвергает любую спекулятивную мысль); и 2) антифундаментализме и антидетерминизме (ТЭ фокусируется на богатстве реальности и множественности методов её исследования и отвергает фундаментализм относительно теорий и научных законов)<sup>39</sup>.

Конструктивные же тезисы предполагают: 1) акцент на физических, социальных и технических аспектах опыта; 2) акцент на организации каузальных сил предметов в контролируемые механизмы и моделировании естественных каузальных механизмов; 3) выделение адаптации человечества к миру как цели науки; 4) акцент на вмешательстве и локальном единстве науки (последнее заключается в использовании междисциплинарных научных методов для решения комплексных общественных проблем)<sup>40</sup>.

На наш взгляд, на первом этапе своего творчества, а именно в работах «Мистицизм и реализм нашего времени» и «Материал коллективного опыта и организующие его формы», Базаров приходит ко взгляду на науку и познание, близкому к технологическому эмпиризму. Так, ему совершенно точно можно приписать два критических тезиса ТЭ. Во-первых, стремление к элиминации любой метафизики, которое было одной из ключевых черт русского эмпириокритицизма (как и эмпириокритицизма вообще). В метафизичности, «мистицизме» и обвинялся ортодоксальный марксизм Г.В. Плеханова и Л.И. Аксельрод, одним из главных пунктов которого было признание существования вещи-в-себе. По тем же общим причинам критике подвергались и представители русской идеалистической мысли, образуя тем самым борьбу «на два фронта»<sup>41</sup>. На тех же основаниях Базаров изначально критиковал и концепцию бессознательного Бергсона.

Базаров даже распространял эту критику на область эмпирической науки. В «Реализме и мистицизме нашего времени» он обсуждает роль «эвристических конструкций» в науке – совокупности условных положений, позволяющих «определить границу колебаний меняющихся признаков» и «вычислить “априори” все конкретные комбинации, реально возможные в данных границах»<sup>42</sup>, – примером которых является таблица химических элементов. В этом контексте Базаров критикует учёных, фетишизирующих эти эвристические конструкции, превращая их объекты в самодовлеющие сущности, лежащие в основе мира.

В критике фетишизации эвристических конструкций Базаров подходит ко второму критическому тезису ТЭ – антифундаментализму, что подразумевает скепсис

<sup>37</sup> Связь Картрайт и Нейрата является очевидной. Картрайт сама называет австрийского позитивиста своим «героем» в книге «Пёстрый мир» (*Cartwright N. The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science. Cambridge, 1999. P. 124*). Эта книга отлично подойдёт и для знакомства со взглядами Картрайт в целом. См. также её интерпретацию Нейрата (в основном касающуюся вопроса единства науки): *Cat J., Chang H., Cartwright N. Otto Neurath: Unification as the Way to Socialism // Einheit der Wissenschaften / Ed. by J. Mittelstrass. Berlin, 1991. P. 91–111*. Для критики этой интерпретации см.: *Reisch G.A. How Postmodern Was Neurath's Idea of Unity of Science? // Studies in History and Philosophy of Science. 1997. No. 3 (28). P. 439–451*.

<sup>38</sup> При этом мы не рассматриваем четыре политических тезиса, также выделяемых Чараком.

<sup>39</sup> *Charak G.S. Between Soul and Precision: Ernst Mach's Biological Empiricism and the Social Democratic Philosophy of Science (Doctoral dissertation). San Diego, 2007. P. 312–313*.

<sup>40</sup> *Ibid. P. 313*.

<sup>41</sup> Такое название даже получил сборник статей Базарова, опубликованный в 1910 г.: *Базаров В.В. На два фронта. СПб., 1910*.

<sup>42</sup> *Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 51*.

относительно буквальной истинности высокотеоретических построений, претендующих на фундаментальное объяснение мира, предпочитая им в этом плане более конкретные феноменологические описания предмета. Но если такая представительница технологического эмпиризма, как Картрайт, распространяет эту критику на фундаментальные физические законы, то Базаров – на эвристические конструкции, включающие, наравне с химической теорией строения, кинетическую теорию газов и даже дифференциальное исчисление<sup>43</sup>.

Философия Базарова отвечает и некоторым конструктивным тезисам технологического эмпиризма. В соответствии с первым тезисом ТЭ, он подчёркивает социально-коллективное конституирование опыта, а также выдвигает положение об общей обусловленности научного познания уровнем производительных сил. В статье 1909 г. Базаров на этом основании подвергает критике бергсоновское принижение интеллектуального и научного познания: черпая силу из своей социальной организации, оно позволяет предсказывать природные процессы и вмешиваться в их течение, исходя из нужд практики. «Подписывается» Базаров и под третьим тезисом ТЭ, во всех работах выделяя активное приспособление к миру в качестве главной цели науки<sup>44</sup>.

Нельзя сказать того же о втором конструктивном тезисе. Однако, на наш взгляд, он не может рассматриваться в качестве родовой черты ТЭ, так как является слишком специфичным, содержась лишь у одной его представительницы – Картрайт<sup>45</sup>. Четвёртый конструктивный тезис, также отсутствующий у Базарова, стоит признать более универсальным, потому что высказывается также Нейратом.

И всё же наравне с рассмотренными выше критическими тезисами и частью конструктивных тезисов, Базарову свойственен общий плюралистический пафос технологического эмпиризма, на который постоянно указывает Чарак. В соответствии с уже приведённой цитатой, согласно Базарову, «единство мира не предпосылка, а задача творческого познания», а природа подобна бумаге, исчерченной перекрывающимися друг друга контурами<sup>46</sup>.

Не оказывается ли тогда Базаров ближе к ТЭ, чем причисляемый к нему Богданов? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо отметить очевидное напряжение, присутствующее внутри технологического эмпиризма между его составными частями – «эмпиризмом» и «технологизмом». Говоря упрощённо, эмпиризм толкает исследователя к подчинению многообразию предмета, технологизм – к подчинению самого предмета единой воле. На наш взгляд, Базарову удаётся удержать баланс между этими элементами за счёт обогащения эмпиризма волюнтаристскими аспектами, сохраняя при этом его изначальный императив подчинения многообразию природы.

Но того же нельзя сказать о Богданове. Если мы обратимся к его работе «Философия живого опыта», то увидим, что в её заключительном разделе, намечая контуры

<sup>43</sup> Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 54.

<sup>44</sup> Эти два тезиса Базарова Н.Н. Полуян рассматривает в числе главных положений его гносеологии. Помимо них она выделяет центральный для махизма тезис о принципиальной однородности физических и психических элементов, а также представление о познании как постоянном процессе дифференциации природы, который уже отходит от изначальных взглядов Маха и Авенариуса (Полуян Н.Н. Идеи гносеологии Владимира Базарова // Вестник Вятского государственного университета. 2009. Т. 4. № 3. С. 13–17).

<sup>45</sup> То, что Чарак называет контролируемыми механизмами, сама Картрайт обозначает как «номологические машины». См.: Cartwright N. *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge, 1999. P. 49–75.

<sup>46</sup> Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М., 2020. С. 38.

развития науки будущего, Богданов прогнозирует с наступлением нового социального порядка объединение наук (рассматриваемых как формы организации опыта) в «общую науку об организации»<sup>47</sup>. Частные науки «окажутся ей подчинены: их специальные методы будут частным приложением общих её выводов»<sup>48</sup>. Непосредственно создать такую науку Богданов и попытается в рамках своей «Тектологии», и, как верно отмечает Чарак, в этом воплотится его стремление к планомерному социальному инжинирингу, фундированному в науке.

Таким образом, в случае Богданова налицо перекосяк в сторону технологизма, не оставляющего места для плюрализма. Более того, постулируя единую и абстрактную «теорию всего»<sup>49</sup>, проект Богданова вступает в прямое противоречие с антифундаменталистской линией ТЭ. Всё это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о проблематичности включения Богданова в традицию технологического эмпиризма, в которую гораздо лучше вписывается Базаров.

Однако мы видим, что около 1910 г. технологический эмпиризм Базарова претерпевает мутацию и превращается в философию действия. С нашей точки зрения, это изменение можно рассматривать как имманентную динамику самого ТЭ, а не как вызванное сопутствующими внешними обстоятельствами (такими как популярность Бергсона в России в рассматриваемый период). Подтверждением этого является то, что Базаров двигался в направлении волюнтаризма и до знакомства с философией Бергсона: в «Мистицизме и реализме нашего времени» он уже подвергает эмпириокритицизм критике за излишнюю созерцательность.

На наш взгляд, в случае идейной эволюции Базарова можно видеть, как возрастающее усиление некоторых тезисов ТЭ приводит к разрушению или качественно-му изменению его изначальной позиции. Антифундаментализм относительно теорий и законов переходит в антифундаментализм относительно фактичности опыта: последний теперь также не обеспечивает достоверности, всё знание приобретает статус произвольного. Этому способствует и акцентирование социальных аспектов опыта, а также исключительно утилитарной функции науки как средства приспособления к миру.

В совокупности такое «выкручивание» тезисов ТЭ приводит к фактическому отказу от его ядра – антиметафизического пафоса. В статье «О философии действия» Базаров, хотя и прописывая объективность интеллектуального познания, основное внимание уделяет интуиции творческой длительности, недоступной науке и адекватно невыразимой интересубъективными средствами, а в итоге приходит к спекулятивным идеям о превращении религиозных догматов в программу действия, интуитивном господстве над природой (сравнимым с господством над собственным телом) и создании коллективной души человечества.

## Заключение

Итак, мы провели анализ идейной эволюции философии Базарова, выделив два основных её этапа: эмпириокритический и волюнтаристский. Можно сказать, что им соответствует сначала формирование своего рода технологического эмпиризма,

---

<sup>47</sup> Богданов А.А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Пг., 1913. С. 267.

<sup>48</sup> Там же. С. 268.

<sup>49</sup> Сопоставляя онтологические построения Богданова и Базарова, Н.М. Ершова выделяет как раз фундаментальность и универсальный охват как отличительный признак философии Богданова в сравнении с более «отрывочной» философией Базарова (Ершова Н.М. Онтологический статус субъекта в эмпириомонизме // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 9. С. 23–29).

а затем – его обращение в бергсонистскую философию действия путём усиления самих изначальных тезисов – антифундаментализма, теоретического плюрализма, акцента на социальной обусловленности опыта и утилитарной функции науки. В конечном счёте это приводит к тому, что технологический эмпиризм фактически обращается в свою противоположность, оказываясь не в состоянии чётко разграничить науку и метафизику.

Эволюция идей Базарова подводит и к более широкому историко-философскому заключению о внутренней потребности эмпириокритицизма как философской позиции постепенно акцентировать конструктивистский аспект познания для его убедительного описания. Необходимость подобного перехода от сугубо дескриптивной картины познания, свойственной Маху и Авенариусу, ко всё более и более конструктивистской можно рассматривать как механизм эволюции эпистемологических идей философии первой половины XX в.

Из проведённой реконструкции можно сделать вывод, выходящий за рамки узко понятой истории философии, о фундаментальной нестабильности технологического эмпиризма как позиции в философии науки, развиваемой и в настоящее время, например, Картрайт. С одной стороны, осознание подобной мутабельности технологического эмпиризма может помочь его сторонникам удержать баланс между «технологизмом» и «эмпиризмом»; с другой – для более «волюнтаристски настроенных» философов оно может продемонстрировать некоторые скрытые потенции данной позиции.

### Список литературы

- Базаров В.А.* Богоискательство и богостроительство // Вершины. 1909. № 1. С. 331–365.
- Базаров В.А.* Материал коллективного опыта и организующие его формы // Очерки философии коллективизма / Под ред. Н. Вернера, А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, М. Горького. СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати», 1909. С. 143–219.
- Базаров В.А.* Предисловие переводчика // Бутру Э. Наука и религия в современной философии / Пер. с фр. В. Базарова. СПб.: Шиповник, 1910. С. 5–18.
- Базаров В.А.* На два фронта. СПб.: Прометей, 1910. 216 с.
- Базаров В.А.* О философии действия. Статья первая // Современник. 1913. № 6. С. 143–165.
- Базаров В.А.* Философия действия. Статья вторая // Современник. 1913. № 7. С. 133–165.
- Базаров В.А.* Философия действия. Статья третья // Современник. 1913. № 10. С. 139–168.
- Базаров В.А.* Избранные произведения: в 2 т. / Под ред. А.А. Бельх. М.: Издательский дом «Дело», 2014. Т. 1. 508 с.; Т. 2. 512 с.
- Базаров В.А.* Мистицизм и реализм нашего времени // Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М.: Книжный дом «Либроком», 2020. С. 3–72.
- Бергсон А.* Смех в жизни и на сцене / Пер. А.Е. Яновского. СПб.: XX век, 1900. 181 с.
- Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М.: Академический проект, 2019. 319 с.
- Богданов А.А.* Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Пг.: Изд-во М.И. Семёнова, 1913. 272 с.
- Ершова Н.М.* Онтологический статус субъекта в эмпириомонизме // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 9. С. 23–29.
- Занфи К.* Бергсон и немецкая философия. 1907–1932 / Пер. с фр. И.И. Блауберг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 352 с.
- Клебанер В.С.* В.А. Базаров – мыслитель, учёный, гражданин // Проблемы прогнозирования. 2004. № 6. С. 150–156.
- Клебанер В.С.* К возвращению Владимира Базарова // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 75–93.
- Нэттеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. с фр. И. Блауберг. М.: Модест Колеров, 2008. 432 с.

Очерки по философии марксизма / Под ред. В.А. Базарова, А.Я. Бермана, А.В. Луначарского, П.С. Юшкевича, А.А. Богданова, И.И. Гельфонда, С.А. Суворова. М.: Книжный дом «Либроком», 2020. 334 с.

Полуян Н.Н. Идеи гносеологии Владимира Базарова // Вестник Вятского государственного университета. 2009. Т. 4. № 3. С. 13–17.

Полуян Н.Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма» (В.А. Базаров, А.А. Богданов). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к. филос. н. Вятский гос. гуманитар. ун-т. Киров, 2010. 24 с.

Стейла Д. Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм / Пер. с англ. Д.Г. Лахути // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 129–143.

Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. О. Поповой. М.: Академический Проект, 2013. 363 с.

Стейла Д. От опыта к организации. Краткий обзор неопубликованных писем А.А. Богданова В.А. Базарову / Пер. с англ. О.В. Дворкиной // Александр Александрович Богданов / Под ред. М.В. Локтионова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 172–192.

Cartwright N. *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 247 p.

Cat J., Chang H., Cartwright N. Otto Neurath: Unification as the Way to Socialism // *Einheit der Wissenschaften* / Ed. by J. Mittelstrass. Berlin: De Gruyter, 1991. P. 91–110.

Charak G.S. *Between Soul and Precision: Ernst Mach's Biological Empiricism and the Social Democratic Philosophy of Science* (Doctoral dissertation). San Diego: University of California, 2007. 345 p.

Reisch G.A. How Postmodern Was Neurath's Idea of Unity of Science? // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1997. № 3 (28). P. 439–451.

## V.A. Bazarov: From Technological Empiricism to Bergsonism

**Filip R. Emanuilov** – student of the Master's programme “Philosophical Anthropology”. National Research University Higher School of Economics. 11 Pokrovsky Bulvar, 109028, Moscow, Russian Federation; e-mail: fremanuilov@edu.hse.ru

The article presents an analysis of epistemology and philosophy of science of the Russian marxist philosopher V.A. Bazarov. In the first part of the work, two stages of the philosopher's evolution are distinguished and analyzed: empiriocritical and voluntarist. First stage of Bazarov's thought is characterized by anti-metaphysical and empiricist attitudes. What separates him from other representatives of empiriocriticism is his emphasis on the activeness of the cognizing instance. It is shown that around 1910 Bazarov's views underwent a final shift towards voluntarism, considered as the second stage of his philosophical evolution. It is demonstrated that although Bazarov's thought developed in this direction independently, the reception of H. Bergson's philosophy played an important role in the transition between the two stages. Ultimately, the evolution of Bazarov's views leads him to abandonment of the key commitments of positivism and to adoption of the Bergsonian “philosophy of action”. The second part of the work is devoted to an attempt to actualize Bazarov's views in their development through their consideration in the context of “technological empiricism”, i.e. a position in the philosophy of science reconstructed by modern scholars that unites such thinkers as A.A. Bogdanov, O. Neurath and N. Cartwright. All of them stress technical, social and physical side of scientific experience, emphasizing the richness of reality under study and ways of its representation, as well as opposing fundamentalism about high-level theoretical constructions in science. The validity of Bazarov's characterization at the first stage of his evolution as a representative of this position is substantiated. Then, Bazarov's philosophical evolution is considered once again, but now through the optics of technological empiricism, which allows to draw conclusions about the internal tendency of this theoretical position towards voluntarism and relativism.

**Keywords:** Bazarov, empiriocriticism, Machism, Marxism, Bergson, pragmatism, technological empiricism, philosophy of science, history of philosophy of science

**For citation:** Emanuilov, F.P. V.A. Bazarov: ot tekhnologicheskogo empirizma k bergsonizmu [V.A. Bazarov: From Technological Empiricism to Bergsonism], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 18–31. (In Russian)

## References

- Bazarov, V.A. Bogoisatel'stvo i bogostroitel'stvo [God-Seeking and God-Building], *Vershiny*, 1909, No. 1, pp. 331–365. (In Russian)
- Bazarov, V.A. Predislovie perevodchika [Translator's Preface], in: Boutroux, E. *Nauka i religiya v sovremennoi filosofii* [Science and Religion in Contemporary Philosophy]. St. Petersburg: Shipovnik Publ., 1910, pp. 5–18. (In Russian)
- Bazarov, V.A. Filosofiya deistviya. Stat'ya tret'ya [Philosophy of Action. Article Three], *Sovremennik*, 1913, No. 10, pp. 139–168. (In Russian)
- Bazarov, V.A. Filosofiya deistviya. Stat'ya vtoraya [Philosophy of Action. Article Two], *Sovremennik*, 1913, No. 7, pp. 133–165. (In Russian)
- Bazarov, V.A. Material kollektivnogo opyta i organizuyushchie ego formy [The Material of Collective Experience and its Organizing Forms], *Ocherki filosofii kollektivizma* [Essays on the Philosophy of Collectivism], ed. by N. Verner, A. Bogdanov, V. Bazarov, A. Lunacharsky & M. Gorky. St. Petersburg: T-vo Khudozhestvennoi Pechati Publ., 1909, pp. 143–219. (In Russian)
- Bazarov, V.A. *Na dva fronta* [On Two Fronts]. St. Petersburg: Prometei Publ., 1910. 216 p. (In Russian)
- Bazarov, V.A. O filosofii deistviya. Stat'ya pervaya [On the Philosophy of Action. Article One], *Sovremennik*, 1913, No. 6, pp. 143–165. (In Russian)
- Bazarov, V.A. *Izbrannye proizvedeniya: In 2 t.* [Selected Works, in 2 vols.], ed. by A.A. Belykh. Moscow: Delo Publ., 2014. 508 p., 512 p. (In Russian)
- Bazarov, V.A. Mistitsizm i realizm nashego vremeni [Mysticism and Realism of Our Time], *Ocherki po filosofii marksizma* [Essays on the Philosophy of Marxism], ed. by V.A. Bazarov, A.Y. Berman, A.V. Lunacharsky, P.S. Yushkevich, A.A. Bogdanov, I.I. Gelfond & S.A. Suvorov. Moscow: Librokomp Publ., 2020, pp. 3–72. (In Russian)
- Bazarov, V.A., Berman, A.Y., Lunacharsky, A.V., Yushkevich, P.S., Bogdanov, A.A., Gelfond, I.I. & Suvorov, S.A. (eds.) *Ocherki po filosofii marksizma* [Essays on the Philosophy of Marxism]. Moscow: Librokomp Publ., 2020. 334 p. (In Russian)
- Bergson, H. Smekh v zhizni i na stsene [Laughter in Life and on Stage]. St. Petersburg: XX vek Publ., 1900. 181 p. (In Russian)
- Bergson, H. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2019. 319 p. (In Russian)
- Bogdanov, A. *Filosofiya zhivogo opyta: Populyarnye ocherki: Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskii materializm, empiriomonizm, nauka budushchego* [Philosophy of Living Experience: Popular Essays: Materialism, Empiriocriticism, Dialectical Materialism, Empiriomonism, Science of the Future]. Petrograd: M.I. Semenova Publ., 1913. 272 p. (In Russian)
- Cartwright, N. *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 247 p.
- Cat, J., Chang, H. & Cartwright, N. "Otto Neurath: Unification as the Way to Socialism", *Einheit der Wissenschaften*, ed. by J. Mittelstrass. Berlin: De Gruyter, 1991. P. 91–110.
- Charak, G.S. *Between Soul and Precision: Ernst Mach's Biological Empiricism and the Social Democratic Philosophy of Science* (Doctoral dissertation). San Diego: University of California, 2007. 345 p.
- Ershova, N.M. Ontologicheskij status sub'ekta v empiriomonizme [The Ontological Status of the Subject in Empiriomonism], *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova* [Plehanov Russian University of Economics Bulletin], 2012, No. 9, pp. 23–29. (In Russian)
- Klebaner, V.S. K vozvrashheniyu Vladimira Bazarova [For the Return of Vladimir Bazarov], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2004, No. 6, pp. 75–93. (In Russian)
- Klebaner, V.S. V.A. Bazarov – myslitel', uchenyi, grazhdanin [Bazarov – Thinker, Scientist, Citizen], *Problemy prognozirovaniya* [The Problems of Forecasting], 2004, No. 6, pp. 150–156. (In Russian)
- Nethercott, F. *Filosofskaya vstrecha: Bergson v Rossii (1907–1917)* [Philosophical Meeting: Bergson in Russia (1907–1917)]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2008. 432 p. (In Russian)

Polujan, N.N. Idei gnoseologii Vladimira Bazarova [Vladimir Bazarov's Epistemological Ideas], *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin], 2009, Vol. 4, No. 3, pp. 13–17. (In Russian)

Polujan, N.N. *Idei teorii poznanija "russkogo jempiriokriticizma" (V.A. Bazarov, A.A. Bogdanov)* [The Ideas of the Theory of Knowledge of "Russian Empiriocriticism" (V.A. Bazarov, A.A. Bogdanov)] (Theses of PhD dissertation). Kirov: Vyatka State University for the Humanities Publ., 2010. 24 p. (In Russian)

Reisch, G.A. "How Postmodern Was Neurath's Idea of Unity of Science?", *Studies in History and Philosophy of Science*, 1997, Vol. 28, No. 3, pp. 439–451.

Steila, D. Chelovecheskaya deyatel'nost' i istina: rannie russkie marksisty i pragmatizm [Human Activity and Truth: Early Russian Marxists and Pragmatism], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2012, No. 1, pp. 129–143. (In Russian)

Steila, D. *Nauka i revolyutsiya: Retseptsiya empiriokriticizma v russkoi kul'ture (1877–1910)* [Science and Revolution: Reception of Empiriocriticism in Russian Culture (1877–1910)]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 363 p. (In Russian)

Steila, D. Ot opyta k organizatsii. Kratkii obzor neopublikovannykh pisem A.A. Bogdanova V.A. Bazarovu [From Experience to Organization. A Brief Review of Unpublished Letters of A.A. Bogdanov to V.A. Bazarov], in: *Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov* [Alexander Alexandrovich Bogdanov], ed. by M.V. Loktionov. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021, pp. 172–192. (In Russian)

Zanfi, K. *Bergson i nemetskaya filosofiya. 1907–1932* [Bergson and German Philosophy. 1907–1932]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 352 p. (In Russian)

## ПЕРЕВОДЫ

Э. Принж

### Дмитрий Гавронский: реальность и актуально бесконечно малые\*

**Эрнан Принж** – PhD, профессор. Национальный совет по научным и технологическим исследованиям (CONICET), Институт философии Университета Буэнос-Айреса (UBA), университет имени Диего Порталеса (Diego Portales University). Аргентина, г. Буэнос-Айрес, ул. Виамонте, д. 430; e-mail: hpringe@gmail.com

Целью данной статьи выступает анализ учения Дмитрия Гавронского об актуально бесконечно малых. Я выявляю особую связь, которую критический идеализм Гавронского устанавливает между трансцендентальной философией и математикой. В частности, я реконструирую отношения между теорией дифференциалов Гавронского, трансфинитными числами Кантора, трансархимедовыми числами Веронезе и гипервещественными числами Робинсона. Я утверждаю, что с помощью своей теории актуально бесконечно малых Гавронский стремится дать интерпретацию исчисления бесконечно малых (calculus), которая устраняла бы любой предполагаемый *данный* (given) элемент в знании. Автор подчёркивает не математический, а трансцендентальный или метафизический аспект учения Гавронского. Из концепции Гавронского следует, что бесконечно малые величины суть ключ к верному философскому объяснению взаимосвязи между мышлением и бытием: математика, и дифференциальное исчисление в частности, оказывается средством, с помощью которого чистая мысль конструирует бытие. Речь, таким образом, идёт о концепции трансцендентальной математики, которая решает проблему применимости математики к природе. Теперь природа понимается как продукт мысли, созданный в соответствии с методом бесконечно малых: так как мысль создает природные объекты в соответствии с математическими методами, последние обладают необходимой достоверностью по отношению к первым. Актуальность бесконечно малых оказывается у Гавронского актуальностью чистой мысли в порождении бытия, а первым актуальным продуктом чистой мысли является реальность бытия.

**Ключевые слова:** бесконечно малые, дифференциальное исчисление, неокантианство, Дмитрий Гавронский, И. Кант, Г. Коген, П. Наторп, Марбургская школа, трансцендентальная философия

**Для цитирования:** Принж Э. Дмитрий Гавронский: реальность и актуально бесконечно малые // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 32–61.

---

\* Pringe H. Dmitry Gawronsky: Reality and Actual Infinitesimals // Kant-Studien. 2023. No. 114 (1). P. 68–97. Перевод с английского: Куксюк Алексей Михайлович – старший лаборант; Чернявцева Мария Сергеевна – старший лаборант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexei.kuksyuk@gmail.com, vivlaroy@yandex.ru



## Введение

В современных дебатах о философии Канта предметом особого интереса стало неокантианство<sup>1</sup>: оно играет важную роль в недавних дискуссиях о кантовской теории науки<sup>2</sup>. Кроме того, в последнее время всё чаще возникают новые трансцендентальные подходы к науке, в частности к физике<sup>3</sup>. В этом контексте существенно выделяется Марбургская школа – тем, что положила начало традиции, до сих пор влияющей на современные исследования. Пожалуй, наиболее характерная черта марбургского прочтения «Критики чистого разума» – особое внимание к *трансцендентальному методу*<sup>4</sup>. Трансцендентальное исследование проводится путём взятия определённого факта в качестве отправной точки и последующего поиска условий его возможности. В случае теоретической философии таким фактом, подлежащим исследованию, выступает опыт<sup>5</sup>. Согласно марбургскому прочтению, опыт – не просто объективное познание (cognition), но научное знание (knowledge): опыт связывается с математическим естествознанием или, точнее, с ньютоновской наукой<sup>6</sup>. Поэтому для марбургских неокантианцев задача «Критики чистого разума» заключается в определении условий возможности ньютоновской науки<sup>7</sup>.

Поскольку ключевым математическим инструментом для формулирования ньютоновских законов движения является дифференциальное исчисление, философское обоснование анализа бесконечно малых становится задачей критики знания. Герман Коген решает эту задачу в ходе рассуждений о кантовском принципе антиципации восприятия, исследуя отношения между концепциями бесконечно малого, интенсивной величины и реальности (*Realität*). Коген пытается объяснить трансцендентальную роль этого принципа с помощью философского обоснования дифференциального исчисления. Эта интерпретация выдвинута им в «Принципе метода бесконечно малых и его истории» и во втором издании «Теории опыта Канта»<sup>8</sup>. Согласно Когену, Кант, рассматривая интенсивные величины как бесконечно малые (и тем самым принимая общепринятую позицию)<sup>9</sup>, всё же связывает их с реальным в пространстве и времени. В этом, по Когену, заключается новаторство Канта в отношении

<sup>1</sup> См., например, последний выпуск “Kant Yearbook” (Kant and Neo-Kantianism / Ed. by D. Heidemann. Kant Yearbook. 2020. No. 12) и специальный том “Kant e-prints” за 2021 год – оба посвящены Канту и неокантианству.

<sup>2</sup> Этому будут посвящены, например, предстоящие специальные тома “Kantian Review” и “Revue roumaine de philosophie”.

<sup>3</sup> Репрезентативная подборка проблем, обсуждаемых в этом контексте, представлена в книге: Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics / Ed. by M. Bitbol, P. Kerszberg, and J. Petitot. Cham, 2009.

<sup>4</sup> См.: *Natorp P. Kant und die Marburger Schule // Kant-Studien. 1912. No. 17. S. 193–221.* Рус. пер.: *Наторп П. Кант и Марбургская школа // Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М., 2006. С. 119–145.* Касательно влияния этого прочтения: Поллок отмечает, что акцент «на важности “факта” ньютоновской науки в интерпретации Майкла Фридмана прямо ставит его в традицию марбургского понимания трансцендентального метода Канта». См.: *Pollok K. The Transcendental Method. On the Reception of the Critique of Pure Reason in Neo-Kantianism // The Cambridge Companion to Kant’s Critique of Pure Reason / Ed. by P. Guyer. Cambridge, 2010. P. 378–379.*

<sup>5</sup> *Cohen H. Kants Begründung der Ethik. Berlin, 1877. S. 24.*

<sup>6</sup> *Ibid.*

<sup>7</sup> *Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 66.* Рус. пер.: *Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 138.*

<sup>8</sup> *Cohen H. Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin, 1883; Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885.* Рус. пер.: *Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012.*

<sup>9</sup> *Cohen H. Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin, 1883. S. 14; Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 427.* Рус. пер.: *Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 444–445.*

рассмотрения реальности (*Realität*). Реконструируя кантовский аргумент, Коген попутно критикует Канта за то, что тот основывает реальное на ощущении<sup>10</sup>. Коген пишет, что реальность основана не на ощущении, как то утверждает Кант, а на мышлении. Тезис Когена заключается в том, что реальность основывается не *на* ощущении, а *для* ощущения, принципом метода бесконечно малых<sup>11</sup>. Этот метод обеспечивает ощущение объектом посредством непрерывного и равномерного порождения реальности во времени<sup>12</sup>.

Отталкиваясь от трансцендентального прочтения метода бесконечно малых, Коген усиливает свою критику Канта в «Логике чистого познания»<sup>13</sup>. В этой работе он утверждает, что Кант до конца не осознал значение исчисления бесконечно малых для трансцендентальной философии и потому не смог признать продуктивную способность мышления. По мнению Когена, если бы принцип бесконечно малых занял в «Критике чистого разума» то место, которого он заслуживает, то ощущение не было бы предпослано мышлению, а чистое мышление не было бы подорвано в своей автономии<sup>14</sup>. Коген окончательно отбрасывает кантовское различие между мышлением о предмете и познанием предмета<sup>15</sup>; различие, основанное на рассмотрении чувственного созерцания (*sensible intuition*), через которое предмет дан. Теперь учение о *мышлении* одновременно является учением и о *знании*<sup>16</sup>. Кантианское данное мыслится как продукт мышления. Мышление само порождает своё содержание в соответствии с принципом метода бесконечно малых, т.е. именно посредством исчисления бесконечно малых мышление производит содержание, которое для Канта может быть дано только ощущением. Таким образом, утверждает Коген, логика чистого знания как логика чистого мышления может быть охарактеризована ещё и как логика принципа исчисления бесконечно малых<sup>17</sup>.

В своей диссертации «Суждение о реальности и его математические предпосылки» (“*Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen*”) Дмитрий Гавронский предлагает собственную интерпретацию учения о чистом мышлении и философии бесконечно малых Германа Когена. В ней Гавронский стремится развить когеновские идеи с учётом современных дискуссий, как то планировал сделать и сам Коген в 1902 г. во втором, так и не написанном томе «Логике чистого познания»<sup>18</sup>.

<sup>10</sup> *Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 434. Рус. пер.: Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 450–451.*

<sup>11</sup> *Cohen H. Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin, 1883. S. 106.*

<sup>12</sup> *Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 425. Рус. пер.: Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 443.*

<sup>13</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. Подробное обсуждение этого см.: Edel G. Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik. Die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Cohens. Freiburg, München, 1988.*

<sup>14</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 32.*

<sup>15</sup> KrV, B 146. [Здесь и далее при цитировании «Критики чистого разума» используется общепринятая система пагинации, где KrV (A) – первое издание «Критики чистого разума»; KrV (B) – второе. Здесь и далее в квадратных скобках указаны примечания переводчика]. Рус. пер.: *Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 219.*

<sup>16</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 12.*

<sup>17</sup> *Ibid. S. 31.*

<sup>18</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. VII. Коген ссылается на диссертацию Гавронского в: Cohen H. Einleitung mit kritischem Nachtrag zur Geschichte des Materialismus von F.A. Lange / Reedited by H. Holzhey, 3<sup>rd</sup> Edition. Hildesheim, 1984. S. 88. Гавронский рассматривает своё собственное исследование как «третью главу» более обширной работы, посвящённой методу и структуре логики чистого знания в связи с точными науками (см.: *Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. II*). В своей диссертации Гавронский фокусируется только на проблеме «реальности бесконечно малых» (*Ibid. S. 26*).*

Гавронский пытается определить трансцендентальную роль дифференциала, утверждая, что бесконечно малое должно рассматриваться как *актуально* бесконечно малое. Дифференциал и есть начало величины<sup>19</sup>, порождение которой происходит в соответствии с законом, выражаемым дифференциальным частным (differential quotient). Гавронский соглашается с Когеном в том, что именно трансцендентальная интерпретация анализа бесконечно малых позволила бы решить философскую проблему *данного* (*given*). Трансцендентальная логика должна показать, что анализ бесконечно малых – это тот метод, с помощью которого «мы приходим к конечному полаганию (*endliche Setzung*)»<sup>20</sup>, т.е. к тому, как мысль продуцирует конечное из бесконечно малого. По Гавронскому, трансцендентальная интерпретация исключает не только необходимость, но и «даже возможность»<sup>21</sup> какого-либо элемента, просто принятого мышлением, а не спонтанно продуцированного им, и тем самым опровергает кантовское учение о несводимости чувственности к рассудку.

Хотя идеи Гавронского сыграли довольно важную роль во внутренней дискуссии о когеновской «Логике чистого познания», которая велась среди основных деятелей Марбургской школы<sup>22</sup>, исследований, посвящённых развитию Гавронским учения Когена, до сих пор очень мало. Насколько мне известно, существует только две статьи, посвящённые идеям Гавронского об исчислении: первая – Феррари<sup>23</sup>, вторая – Морманн и Кац<sup>24</sup>. Феррари, со своей стороны, предлагает несравненную историческую экспозицию и чёткую систематическую панораму работ Гавронского, но анализ автора не углубляется в теорию дифференциалов Гавронского. Морманн и Кац, в свою очередь, пишут о позиции Гавронского очень кратко, лишь в рамках общего анализа рассмотрения марбургскими неокантианцами проблемы бесконечно малых. Цель же данной статьи – исследовать подход Гавронского к дифференциальному исчислению для того, чтобы выявить особую связь, которую его критический идеализм устанавливает между трансцендентальной философией и математикой.

Приняв во внимание резкую критику Кантором и Расселом понятия бесконечно малого, можно задаться вопросом об уместности обсуждения этого понятия. Почему нужно серьёзно относиться к понятию бесконечно малых, если оно, как утверждает Рассел, уже было отвергнуто математиками как противоречивое? Это возможное возражение основывается на двойном заблуждении. Во-первых, с точки зрения математики неверно то, что бесконечно малые являются противоречивыми псевдопонятиями. Во-вторых, неверно и с точки зрения истории науки, что работы Кантора, Дедекинда и Вейерштрасса устранили бесконечно малые из математического дискурса<sup>25</sup>. Между началом 1870-х гг. и временем появления работ Робинсона

<sup>19</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 91.

<sup>20</sup> Ibid. S. 118. Под «полаганием» (position) следует понимать результат утверждения. Все переводы являются моими собственными, если не указано иное. [Речь идет о переводе текстов Канта и неокантианцев на английский язык. В русском переводе мы использовали принятый в российской литературе термин «полагание» – примеч. пер.]

<sup>21</sup> Ibid.

<sup>22</sup> См. Giovanelli M. Hermann Cohen's Das Princip der Infinitesimal-Methode: The history of an unsuccessful book // Studies in History and Philosophy of Science. 2016. No. 58. P. 9–23.

<sup>23</sup> Ferrari M. Dimitrij Gawronsky und Ernst Cassirer: Zur Geschichte der Marburger Schule zwischen Deutschland und Russland // Gegenstandsbestimmung und Selbstgestaltung. Transzendentalphilosophie im Anschluss an Werner Flach / Ed. by C. Krijnen, K.W. Zeidler. Würzburg, 2011. S. 89–106.

<sup>24</sup> Mormann T., Katz M. Infinitesimals as an issue of neo-Kantian philosophy of science // Hopos: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2013. No. 3 (2). P. 236–280.

<sup>25</sup> Mormann T. Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neukantianismus // Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen / Ed. by C. Damböck. Cham, 2018. S. 107. Как утверждает Эрлих, «несмотря на то, что большинство математиков конца XIX и до-робинсоновского XX вв. исключали бесконечно малые величины из математического анализа, они ни в коем случае не исключали их из математики». См.: Ehrlich P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots

по нестандартному анализу было разработано множество неархимедовых теорий, которые были как математически, так и философски глубоки и плодотворны. Среди этих разработок особое место занимает система Веронезе, поскольку она связывает учение Марбургской школы со строгой теорией бесконечно малых (появившейся в 1960-х гг.), хотя между ними и есть концептуальные различия<sup>26</sup>.

Заслуга Гавронского заключается в том, что, несмотря на замысловатость подхода, ему удалось ввести Марбургское сообщество в обсуждение неархимедовой математики через работу Веронезе<sup>27</sup>. Однако исследовательская деятельность Гавронского была обременена его участием во внутренних дискуссиях Марбургской школы, что помешало справедливо оценить его исследовательский вклад. Чтобы проанализировать учение Гавронского, я реконструирую связь между его теорией дифференциалов, трансфинитными числами Кантора, трансархимедовыми числами Веронезе и гипервещественными числами Робинсона. В первом разделе данной работы я исследую то, как Гавронский критикует Кантора за отказ от понятия актуально бесконечно малых. Во втором разделе я анализирую точку зрения Гавронского на отношения между дифференциалами и дифференциальными производными. Затем, в третьем разделе, я исследую различие между числами и дифференциалами, проводимое Гавронским. Наконец, я рассматриваю неархимедовы системы Веронезе и Робинсона в их связи с учением Гавронского. Я утверждаю, что для Гавронского актуально бесконечно малые числа являются ключевым аспектом попытки дать интерпретацию исчисления, которая устраняла бы любой предположительно *данный* элемент в знании.

## 1. Гавронский о Канторе и актуально бесконечно малых

В своей работе «Основы общего учения о многообразиях» Георг Кантор пишет, что ряд положительных целых чисел имеет источником своего возникновения (*Entstehungsgrund*) многократное выдвигание и объединение единств, которые предполагаются (*presupposed*) и считаются равными. Поэтому образование конечных целых чисел основано на принципе прибавления единицы к уже образованному числу. Кантор назвал этот принцип *первым принципом порождения* (*Erzeugungsprinzip*)<sup>28</sup>. У полученного с помощью этого принципа множества чисел нет наибольшего числа. Однако Кантор утверждает, что подобно тому, как целое положительное число  $v$  выражает, что определённое конечное число единиц собрано в целое, можно придумать новое число  $\omega$ , которое выражает, что *вся совокупность* целых положительных чисел дана по своему закону, в своей натуральной последовательности. Число  $\omega$ , таким образом, не является результатом сложения единиц:

of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 3.

<sup>26</sup> Когеновская теория бесконечно малых величин была тесно связана с некоторыми недавними исследованиями в контексте реабилитации понятия бесконечно малого в нестандартном анализе и гладком анализе бесконечно малых. Подробнее см.: Bell J. The Continuous, the Discrete and the Infinitesimal in Philosophy and Mathematics. Cham, 2019. P. 237; Veit B. Hermann Cohens Infinitesimal-Logik. Würzburg, 2017. P. 146 ff.

<sup>27</sup> Giovanelli M. Hermann Cohen's Das Princip der Infinitesimal-Methode: The history of an unsuccessful book // Studies in History and Philosophy of Science. 2016. No. 58. P. 20.

<sup>28</sup> Cantor G. Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 195. Рус. пер.: Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 91–92.

оно не продуцируется с помощью первого принципа порождения. Скорее, для этого продуцирования необходим новый принцип, который Кантор назвал *вторым принципом порождения*. Согласно этому принципу, число  $\omega$  можно рассматривать как предел, к которому стремится ряд  $1, 2, 3, \dots, v, \dots$ , если при этом  $\omega$  рассматривается как первое целое число, которое следует за всеми числами  $v$ . Исходя из второго принципа порождения,  $\omega$  определяется как следующее большее число за всеми  $v$ , т.е. как предел ряда всех  $v^{29}$ .

Если первый принцип порождает *потенциальное* или *несобственное* бесконечное, то второй – *актуальное* или *собственное* бесконечное. Число  $\omega$  – это предел, который не может быть достигнут с помощью потенциально бесконечного ряда  $1, 2, 3, \dots, v, \dots$ . Скорее, число  $\omega$  – это результат полагания другого рода, имеющий место в том случае, когда мы используем второй принцип порождения, который «продуцирует актуальное, действительно завершённое полагание бесконечного»<sup>30</sup>.

Кантор, отстаивая концепцию актуально бесконечно *большого* числа, придерживается противоположной позиции в отношении бесконечно малых чисел. Он отрицает их как числа собственно, актуально бесконечные:

Новейшие философы нередко называли несобственно бесконечное «дурной» бесконечностью, на мой взгляд, несправедливо, так как в математике и естествознании оно оказалось весьма хорошим и в высшей степени ценным инструментом. Насколько я знаю, бесконечно малые величины разрабатывались до сих пор вообще *лишь* в форме несобственно бесконечного. Как таковые, они доступны всем тем различиям, видоизменениям и соотношениям, которыми пользуются в исчислении бесконечно малых и в теории функции и с помощью которых там собирают богатую жатву аналитических истин. Наоборот, от всех попыток превратить эти бесконечно малые насильственно в некоторые *собственно* бесконечно малые, следует, наконец, отказаться как бесцельных. Если только вообще существуют, т.е. доступны определению собственно бесконечно малые величины, то они, наверное, не стоят ни в какой непосредственной связи с обычными, *становящимися* бесконечно малыми величинами<sup>31</sup>.

Кантор излагает свою критику понятия актуально бесконечно малых величин в рецензии на работу Когена «Принцип бесконечно малых и его история»<sup>32</sup>. В этой рецензии он пишет, что «так называемые бесконечно малые числа, или дифференциалы, не принадлежат к сфере бытия»<sup>33</sup>. Поэтому их нельзя считать собственно величинами (*Größen*), даже в смысле интенсивных величин, как утверждал Коген в 1883 г. Скорее, «они не что иное, как модусы небытия, изменчивости или становления (*Modi des Nichtseienden, Veränderlichen oder Werdenden*)»<sup>34</sup>. Дифференциал – это не абсолютное бесконечное (*vollendet Unendliches*), а переменное конечное (*ein veränderliches Endliches*)<sup>35</sup>. В том же контексте Кантор в работе «О различных

<sup>29</sup> Любое положительное целое число является выражением как определённого конечного порядкового номера (*Anzahl*) последовательных полаганий, так и объединения полагаемых единиц в целое.

<sup>30</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 40.

<sup>31</sup> Cantor G. Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 172. Рус. пер.: Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 71.

<sup>32</sup> О критике Кантором Когена подробнее см.: Veit B. Hermann Cohens Infinitesimal-Logik. Würzburg, 2017. S. 106 ff.

<sup>33</sup> Cantor G. Rezension von: Hermann Cohen: Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik // Deutsche Literaturzeitung. 23. Feb. 1884. No. 5. S. 267.

<sup>34</sup> Ibid.

<sup>35</sup> Ibid. S. 268. В письме ученику Когена Курту Лассвицу от 27 декабря 1884 г. Кантор пишет: «Тем самым не исключено, что на более позднем этапе анализа могут быть найдены средства для

точках зрения на актуально бесконечное» пишет, что дифференциалы можно рассматривать актуально бесконечными только из-за путаницы в понятиях. Такое рассмотрение должно быть отвергнуто как «нелегитимное»<sup>36</sup>. Годы спустя он зайдёт так далеко, что заявит, что бесконечно малые числа – это «холерная бактерия математики»<sup>37</sup>. Несмотря на то, что Кантор написал о дифференциалах, Бенно Керри в своём обзоре “Grundlagen” предполагает, что актуально бесконечно малые числа могут быть определены через трансфинитные числа Кантора путём введения своего рода «обратимости» последних:

На мой взгляд, формальное обозначение определённых, бесконечно малых чисел действительно даёт в определении наибольшего из них как производящего сумму 1 путём прибавления себя к самому себе  $\omega$  раз; следующее меньшее – это то, которое производит 1 путём прибавления себя к самому себе  $\omega+1$  раз и т.д. Обозначенные бесконечно малые числа, соответственно, будут выражаться как:  $1/\omega$ ,  $1/\omega + 1, \dots$ ,  $1/2\omega, \dots$ ,  $1/\omega^2$  и т.д.<sup>38</sup>

Эта рецензия Бенно Керри, по-видимому, оказала на Кантора столь сильное влияние, что, «судя по картине, которая вырисовывается на основании опубликованных работ Кантора вместе с ныне изданными частями его “Nachlass”, вполне возможно, что именно в ответ на только что приведённое утверждение Керри, Кантор начал разрабатывать своё предполагаемое доказательство невозможности актуально бесконечно малых чисел»<sup>39</sup>. набросок такого доказательства появился в «К учению о трансфинитном» Кантора в 1887 г.<sup>40</sup> Здесь Кантор утверждает, что «факт существования актуально бесконечных чисел не только не является основанием для

---

определения различных величин, которые заслуживают названия бесконечно малых, потому что они были бы меньше тех величин, которые мы используем до сих пор. Однако эти бесконечно малые величины, безусловно, не будут иметь никакого отношения к нашим дифференциалам». Англ. цит. по: Ehrlich P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 28. См.: Cantor G. Briefe / Ed. by H. Meschkowski, W. Nilson. Berlin, 1991. S. 235–236.

<sup>36</sup> Cantor G. Über die verschiedenen Standpunkte in Bezug auf das Aktuelle Unendliche // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 374. Ibid.: «Несмотря на существенное различие понятий *потенциальной* и *актуальной* бесконечности, – причём первая означает *переменную* конечную величину, *растущую* сверх всяких конечных границ, а последняя – некоторое *замкнутое* в себе, *постоянное*, но лежащее по ту сторону всех конечных величин количество, – к сожалению, слишком часто встречаются случаи смешения этих понятий. Так, например, нередко встречающийся взгляд на *дифференциалы* как на *определённые* бесконечно малые величины (тогда как они представляют собой лишь *переменные* произвольно малые вспомогательные величины, совершенно исчезающие из конечных результатов, а потому характеризовавшиеся уже Лейбницем как *простые фикции*, – см., например, в издании Эрдмана, с. 436) основывается на таком смешении». Рус. пер.: Кантор Г. О различных точках зрения на актуально бесконечное // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 265–266.

<sup>37</sup> Meschkowski H. Aus den Briefbüchern Georg Cantor // Archive for History of Exact Sciences. 1965. No. 2. P. 505.

<sup>38</sup> Kerry B. Ueber G. Cantors Mannigfaltigkeitsuntersuchungen // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1885. No. 9. S. 212. Англ. пер.: Ehrlich P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 28–29.

<sup>39</sup> Ehrlich P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 29. Подробнее см.: Proietti C. Natural Numbers and Infinitesimals: A Discussion between Benno Kerry and Georg Cantor // History and Philosophy of Logic. 2008. No. 29 (4). P. 343–359.

<sup>40</sup> Cantor G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 378–439. Рус. пер.: Кантор Г. К учению о трансфинитном // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 268–325.

существования актуально бесконечно малых величин, но, скорее, как раз с помощью первых доказываем невозможность последних»<sup>41</sup>. Теорема, которую необходимо доказать, заключается в следующем:

Не существует отличных от 0 линейных числовых величин [*Zahlgrößen*]  $\zeta$  (т.е., короче говоря, таких числовых величин, которые можно представить в образе ограниченных непрерывных прямолинейных отрезков [*begrenzter geradliniger stetiger Strecken*]), которые были бы меньше сколь угодно малой конечной числовой величины, т.е. такие величины противоречат понятию линейной числовой величины<sup>42</sup>.

Критикуя Кантора за отказ от понятия актуально бесконечно малых, Гавронский, в свою очередь, предлагает дать им основание путём «инвертирования» бесконечно больших чисел. Оставляя в стороне тот факт, что Кантор представил лишь набросок доказательства, а не его окончательный вариант, Гавронский утверждает, что теорема Кантора касается линейных числовых величин, поэтому в ней утверждается невозможность актуально бесконечно малых величин, а не актуально бесконечно малых чисел<sup>43</sup>. Гавронский заявляет, что Кантор перепутал понятия величины и числа. Его же позиция заключается в том, что если понятие бесконечно малой величины фактически противоречиво, то понятие бесконечно малого числа необходимо и плодотворно [для математики. – примеч. пер.]<sup>44</sup>.

Вслед за Грассманом Гавронский указывает на то, что понятие величины подразумевает понятие равенства, поскольку величина – это всё, что равно или не равно чему-либо другому. Величину можно измерить, т.е. сравнить с эталоном, а это уже предполагает понятия равенства и неравенства. Но понятие равенства может быть применено только к конечному. Гавронский подчёркивает, что само определение бесконечного выводится именно путём отрицания возможности равенства для чего-либо. Дедекиннд устанавливает различие между бесконечным и конечным с помощью следующего свойства: целое в бесконечном тождественно его части. Это парадоксальное свойство фактически означает, что понятие равенства не может быть применено в случае бесконечного и должно быть заменено понятием *eindeutige Zuordnung* [взаимно однозначного соответствия. – примеч. пер.]<sup>45</sup>. Гавронский заключает, что понятие равенства может охватывать только конечную величину, а значит, бесконечно малая величина невозможна.

Но в то же время он пишет о том, что понятие актуально бесконечно малого числа необходимо вытекает из понятия актуально бесконечно большого числа, отнюдь не противореча ему: «в самом деле, понятие актуально бесконечно малого

<sup>41</sup> Cantor G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 408. Рус. пер.: Кантор Г. К учению о трансфинитном // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 295.

<sup>42</sup> Ibid. S. 407. Рус. пер.: Там же. С. 294. Эта дискуссия связана с двумя письмами, которые Кантор отправил Ф. Гольдшайдеру 13 мая 1887 г. и К. Вейерштрассу 16 мая 1887 г. (См.: Cantor G. Briefe / Ed. by H. Meschkowski, W. Nilson. Berlin, 1991. S. 288). Кантор уже приводил Керри доказательство невозможности бесконечно малых величин 4 февраля 1887 г., но не смог убедить его (Ibid. S. 275–277). Подробнее см.: Laugwitz D. Debates about infinity in mathematics around 1890: The Cantor-Veronese controversy, its origins and its outcome // N.T.M. Neue Serie. Internationale Zeitschrift für Geschichte und Ethik der Naturwissenschaften Technik und Medizin. 2002. No. 10. S. 102–126; Moore M. A Cantorian Argument Against Infinitesimals // Synthese. 2002. No. 133. P. 305–330.

<sup>43</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 54.

<sup>44</sup> Ibid.

<sup>45</sup> Ibid. S. 49. Наторп пишет: «Бесконечное множество можно (вместе с Дедекидом) определить посредством такой особенности, согласно которой оно эквивалентно (т.е. очевидным образом взаимосоотносимо) своему собственному частичному множеству (но при этом ему не идентично)». См.: Natopp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 196–197.

числа даётся не только вместе с понятием актуально бесконечно большого числа, но определёнno *содержится в* понятии последнего»<sup>46</sup>. Если одно число является актуально бесконечно большим по отношению к другому числу, то последнее является актуально бесконечно малым по отношению к первому<sup>47</sup>. Гавронский пишет, что между понятиями бесконечно большого и бесконечно малого существует такая взаимобусловленность, что они образуют «систему взаимосвязи, в которой один элемент отсылает к другому [и] обязательно связан с ним»<sup>48</sup>. Согласно Гавронскому, в то время как канторовская теория трансфинитных ординалов приводит к бесконечным порядкам актуально бесконечно больших чисел, её «инверсия (*Umkehrung*)» приводит к «системе актуально бесконечно малых чисел»<sup>49</sup>. Гавронский указывает, что такая система была разработана Джузеппе Веронезе. Теория бесконечно больших и бесконечно малых чисел Веронезе будет рассмотрена в разделе 4.

В наброске своего доказательства Кантор использует понятие линейной величины, но не даёт ей определения<sup>50</sup>. Тем не менее он утверждает, что каждую линейную величину следует рассматривать как неотъемлемую часть других величин, в частности конечных линейных величин. Кантор пишет, что если бы существовала величина  $\zeta$ , которая для любого конечного числа  $n$  была бы меньше  $1/n$ , то такая величина  $\zeta$  не могла бы быть представлена как неотъемлемая часть конечной величины, даже если бы этих величин было сколь угодно большое бесконечное число. Для Кантора  $\zeta$  не могла бы быть сделана конечной посредством какого-либо актуально бесконечного умножения, и, следовательно, она определёнno не могла бы быть частью конечной величины<sup>51</sup>. Исходя из того, что это противоречит концепции линейных величин, Кантор заключает, что актуально бесконечно малых величин не существует. Более того, он пишет, что из концепции линейных величин вытекает принцип Архимеда, который в таком случае оказывается не аксиомой, а теоремой<sup>52</sup>. Принцип Архимеда гласит, что произвольно большие конечные отрезки могут быть получены путём конечного, достаточно многократного умножения из любого произвольно малого ограниченного отрезка прямой.

Линейные величины, утверждает Кантор, могут рассматриваться как ограниченные непрерывные отрезки прямых линий (*begrenzter geradliniger stetiger Strecken*). Гавронский рассматривает эти величины как *экстенсивные*<sup>53</sup>, т.е. как величины, в которых части предшествуют целому и делают его возможным. Здесь Гавронский следует за учением Когена об экстенсивных, интенсивных и бесконечно малых величинах<sup>54</sup>. В этом учении можно выделить два момента. В 1880-х гг. Коген утверждал, что Кант отождествляет интенсивное с бесконечно малой величиной<sup>55</sup>, и, следовательно, интенсивная величина означает не что иное, как дифференциаль-

<sup>46</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 56.

<sup>47</sup> Ibid. S. 57.

<sup>48</sup> Ibid. S. 48.

<sup>49</sup> Ibid. S. 57.

<sup>50</sup> Подробнее см.: Ehrlich P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 29.

<sup>51</sup> Cantor G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten // Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 408. Рус. пер.: Кантор Г. К учению о трансфинитном // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 294–295.

<sup>52</sup> Ibid. S. 409. Рус. пер.: Там же. С. 296.

<sup>53</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 50.

<sup>54</sup> Ibid. S. 119.

<sup>55</sup> Cohen H. Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin, 1885. S. 14. См. критику Фреге в: Frege G. Rezension von: H. Cohen, Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1885. No. 87. S. 324–329.



ную величину<sup>56</sup>. Интенсивные величины как бесконечно малые величины являются основой величин экстенсивных<sup>57</sup>. Но уже в «Логике чистого познания» Коген полностью отвергает концепцию интенсивной величины<sup>58</sup>. Хотя в этой работе бесконечно малое по-прежнему является основой величин<sup>59</sup>, оно уже не может быть величиной само по себе. Разделяя точку зрения Когена, Гавронский соглашается с Кантором в том, что бесконечно малые величин невозможны. Но, как писал Коген, понятие величины требует надлежащего обоснования<sup>60</sup> – и Гавронский ставит вопрос о происхождении частей, составляющих целое. Они должны быть продуцированы мышлением и не могут быть просто даны чувственностью. Гавронский утверждает, что это обоснование обеспечивается анализом бесконечно малых, что мы подробнее разберём в разделе 2.

Дифференциалы как основания величин, в свою очередь, найдут своё обоснование в чистом мышлении. Так, Гавронский соотносит когеновские акты чистой мысли, порождающие величины, с принципами порождения Кантора. Тем не менее он выдвигает собственную концепцию числа, отличающуюся от концепций как Кантора, так и Когена. Мы ещё рассмотрим её подробнее в разделе 3.

## 2. Дифференциалы и дифференциальное частное (Differentials and differential quotients)

Гавронский понимает анализ бесконечно малых как метод, который работает со взаимосвязью между величинами и законом их порождения. Эту взаимосвязь, в свою очередь, можно рассматривать с двух взаимодополняющих точек зрения. В интегральном исчислении задача заключается в следующем: учтя закон, найти порождаемую величину. В дифференциальном исчислении задача обратная: учтя величину, найти закон порождения. Несмотря на то, что дифференциалы не являются величинами, они тем не менее являются *элементами* величин<sup>61</sup>. Объединение бесконечно малого числа бесконечно малых в величину происходит в соответствии с законом, выражаемым значением дифференциального частного (differential quotient).

<sup>56</sup> Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 427. Рус. пер.: Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 444–445.

<sup>57</sup> Ibid. S. 422 ff. Рус. пер.: Там же. С. 440 и далее.

<sup>58</sup> Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 424: «Не существует интенсивной величины. Её не может существовать, поскольку восприятие не обладает каким-либо видом величины». Подробнее см.: Holzhey H. Cohen und Natorp. Bd. 1. Basel, Stuttgart, 1986. S. 251.

<sup>59</sup> Коген пишет: «Определение величины как отрезка делает выражение экстенсивной величины избыточным». См.: Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 418.

<sup>60</sup> Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin, 1885. S. 428: «Предмет экстенсивной величины является всё же только сравнительным образованием без фундамента». Рус. пер.: Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012. С. 445.

<sup>61</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 86. Такой элемент является не частью величины (которая сама по себе была бы величиной), а её основанием. В схожем смысле Кант утверждает: «Качественное единство следует рассматривать как основание целого, а количественное – как часть целого» (Refl, AA 18: 322) [Здесь и далее при цитировании Канта сохраняется система индексов его работ, принятая в: Kant I. Gesammelte Schriften Hrsg.: Bd. 1–22 Preussische Akademie der Wissenschaften, Bd. 23 Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, ab Bd. 24 Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin, 1900 ff. – примеч. пер.]. Рус. пер.: Кант И. Семь небольших заметок (1788–1791 годы) / Пер. с нем. А.И. Троцака, под ред. И.Д. Копцева // Кантовский сборник. 2012. No. 3. С. 72. Также см.: ÜE, AA 08: 185. Рус. пер.: Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда) // Трактаты. Рецензии. Письма (впервые изданные в «Кантовском сборнике») / Под. ред. Л.А. Калининкова. М., 2009. С. 38–108.

Как утверждает Гавронский, история анализа бесконечно малых раскрывает роль математического анализа как порождающей величины процедуры. Первым этапом этой истории является метод исчерпывания. Этот метод служит для определения площадей фигур с помощью последовательных полигональных аппроксимаций. Неизвестная площадь  $A$  произвольно взятой фигуры считается равной известной площади  $B$ , только в том случае, когда предположение, что  $|A - B|$  равняется определённой величине, приводит к противоречию. Таким образом, круг, например, сравнивался с многоугольником с увеличивающимся числом сторон, и было установлено, что площадь круга пропорциональна квадрату его радиуса. Таким образом, круг был «заменён» многоугольником с бесконечным числом сторон.

Следующая веха в истории развития математического анализа, которую выделяет Гавронский – *methodus indivisibilium* [метод неделимых. – примеч. пер.] Бонавентуры Кавальери. Согласно Кавальери, плоские фигуры должны рассматриваться как совокупности равноудалённых параллельных отрезков, а тела – как совокупности равноудалённых плоскостей. В случае фигур эти совокупности образуются при движении прямой линии, а в случае тел – при движении плоскости. Ключевым аспектом метода Кавальери является возможность определения свойств фигур или тел через рассмотрение соответствующих совокупностей, без замены свойств фигур или тел самими совокупностями, т.е. без предположения их невозможного равенства (*Gleichheit*). Здесь, в отличие от метода исчерпывания, предполагается не равенство, а *пропорциональность* величин.

Однако, по словам Гавронского, метод Кавальери остаётся «поверхностным»<sup>62</sup>. Несмотря на то, что некоторые свойства фигур и тел могут быть определены с помощью неделимости (*indivisibilia*), способ возникновения этих фигур и тел остается неясным. Хотя неделимость и является полезным инструментом для вычислений, она не *продуцирует* фигуры и тела. Французский математик Жиль Персон де Роберваль, развив и усовершенствовав метод Кавальери, рассматривал кривую как результат движения движущейся точки. Кривая понималась им как объект, возникший в результате такого движения. Гавронский пишет, что это развитие [метода Кавальери де Робервалем. – примеч. пер.] раскрывает «сущность» анализа, которая «заключается именно в методе продуцирования величин»<sup>63</sup>.

Но глубочайшего понимания проблемы в конце концов достиг именно Ньютон с помощью своего метода флюксий (*method of fluxions*). Флюента  $z$  – это определённая изменяющаяся величина, возникающая в результате движения. Флюксия  $\dot{z}$  – это мгновенная мера изменения (т.е. скорость) такого движения, а момент  $o\dot{z}$  – действие такого движения (*Betätigung jener Bewegung*)<sup>64</sup> в бесконечно малом интервале времени  $o$ . Гавронский подчёркивает, что флюксия  $\dot{z}$  выражает не отношение между величинами, а скорее отношение между величиной и источником её порождения (*Erzeugungsquelle*). Флюксия – это выражение *закона* движения, который создает флюенту. Этот закон не обязательно должен быть единым для каждого момента времени. Скорее, в наиболее общем случае, для каждого момента времени будет разное значение  $\dot{z}$ . Конечная величина  $z$  возникает как сумма бесконечных моментов  $o\dot{z}$ .

На основании того, что закон, регулирующий возникновение конечной величины, может изменяться в каждом бесконечно малом интервале времени, Гавронский заключает, что у Ньютона обнаруживается резкое различие проблемы *дифференциала* от проблемы *дифференциального частного*<sup>65</sup>. Первая – это проблема момента

<sup>62</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 80.

<sup>63</sup> Ibid.

<sup>64</sup> Ibid. S. 83.

<sup>65</sup> Ibid. S. 85.

о́з, в то время как вторая – проблема закона  $\dot{z}$ , согласно которому движение продуцирует конечную величину посредством бесконечных моментов. Моменты – это *principia jamjam nascentia finitarum magnitudinum*<sup>66</sup> [принципы рождения конечных величин. – примеч. пер.], в которых актуализируется закон порождения. Он не действует в отношении уже данных моментов, которые логически предшествуют ему. Скорее, это тот самый закон, который уже «воплощён (*sich verkörpert*)»<sup>67</sup> в каждом моменте.

Важность дифференциала как *источника* величины также была признана и Лейбницем. Лейбниц изучал проблему построения кривой из её касательных. Кривую следует рассматривать как совокупность точек, которые она разделяет с касательными. Как говорит Кассирер, «эта задача означает для него (Лейбница) требование вывести кривую из закона направления (*aus dem Gesetz der Richtung*)»<sup>68</sup>. Таким образом, дифференциал кривой  $ds$  следует рассматривать как точку, в которой «направление активно (*tätig*)»<sup>69</sup>. Геометрическим выражением для определения этого направления выступает дифференциальное частное  $dy/dx = tga$ . Гавронский подчёркивает: хотя направление само по себе не является величиной, оно тем не менее может быть величиной *выражено*. Дифференциальное частное  $dy/dx$  является именно таким количественным выражением закона. Предполагается, что кривая как конечная величина продуцируется в соответствии с законом, реализуемым в каждом дифференциальном  $ds$  и выражаемым дифференциальной производной  $dy/dx$ . Проекция  $ds$  на систему координат  $x$ - $y$  предназначена только для определения *способа* возникновения кривой. Это видно из уравнения длины дуги<sup>70</sup>:

$$\int_{x_0}^{x_1} ds = \int_{x_0}^{x_1} dx \sqrt{1 + \left(\frac{dy}{dx}\right)^2} = \int_{x_0}^{x_1} dx \sqrt{1 + [f'(x)]^2}$$

Гавронский пишет: «Исходное выражение этой процедуры таково:  $\int dx = x$ . Здесь первоначально вычисляется величина. Но если мы просто рассматриваем это уравнение, то остаётся неопределённым, как происходило продуцирование, посредством какого действия закона, будь то посредством единообразного или переменного действия»<sup>71</sup>.

Если мы хотим установить то, *как* возникает величина, то мы должны использовать средство, определяемое математически, – функцию. Как видно из приведённого выше уравнения, функция и дифференциальное частное являются единственными средствами для достижения математического определения закона порождения.

Через свою интерпретацию отношения между дифференциалом и дифференциальным частным Гавронский даёт ответ на одно из наиболее частых возражений против учения Когена – что оно ошибочно отдаёт приоритет дифференциалу над дифференциальным частным<sup>72</sup>. Коген утверждает, что происхождение конечного *может быть определено* посредством дифференциального частного, тогда как в простом дифференциале конечное просто задано<sup>73</sup>, но далее он не разъясняет это

<sup>66</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 84.

<sup>67</sup> Ibid. S. 86.

<sup>68</sup> Cassirer E. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen // Gesammelte Werke. Bd. 1. Hamburg, 1998. S. 155. Цит. по: Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 87.

<sup>69</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 87.

<sup>70</sup> Ibid. S. 104.

<sup>71</sup> Ibid. S. 86.

<sup>72</sup> См.: Giovanelli M. Hermann Cohen's Das Princip der Infinitesimal-Methode: The history of an unsuccessful book // Studies in History and Philosophy of Science. 2016. No. 58. P. 9–23.

<sup>73</sup> Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 156.

различие. Для Гавронского дифференциал является логическим основанием конечного, в то время как дифференциальное частное позволяет конечному возникнуть, утверждая определённый закон этого порождения. Таким образом, не следует понимать приоритет дифференциала в *математическом* смысле, как если бы утверждалось, что  $dy/dx$  является собственной производной. Гавронский, скорее, утверждает с *трансцендентальной* точки зрения, что дифференциальное частное – это не что иное, как закон порождения конечного из дифференциала. Дифференциал – это источник конечного, возникающий в соответствии с законом, заданным дифференциальным частным<sup>74</sup>.

### 3. Числа и дифференциалы

Для Гавронского актуальная бесконечность является ключом к адекватному пониманию анализа бесконечно малых. Чтобы объяснить возникновение конечного из бесконечно малого, Гавронский обращается к теории трансфинитных чисел Кантора. Гавронский пишет: «Если с помощью теории Кантора мы обозначим  $\omega$  трансфинитным числом, актуальным, бесконечно большим числом... то мы будем думать о конечном расширении как состоящем из  $\omega$  бесконечно малых элементов, которые, в свою очередь, состоят из  $\omega$  бесконечно малых и т.д.»<sup>75</sup>.

Это порождение конечного из бесконечно малого происходит в соответствии с когеновскими суждениями математики. Эти суждения соответствуют трём логическим операциям: 1) полагание (*Setzung*), соответствующее суждению реальности; 2) бесконечное повторение (*unendliche Wiederholung*), соответствующее суждению множественности; и 3) актуальный синтез всеобщности (*aktuelle Zusammenfassung in einer höheren Allheit*), соответствующий суждению всеобщности<sup>76</sup>. Величины порождаются с помощью этой трёхэтапной процедуры, которая завершается суммой бесконечного числа бесконечно малых слагаемых. Это суммирование соответствует математической операции интеграции. «Интеграл, – утверждает Коген, – это не что иное, как всеобщность, в которой бесконечный ряд сочетается с бесконечно малым»<sup>77</sup>. Как подчёркивает Гавронский, истинное значение дифференциальному исчислению придаёт интегральное исчисление, поскольку проблема, решаемая с помощью дифференциала, заключается в порождении величин<sup>78</sup>. По этой причине, утверждает Коген, «всеобщность – это истинное дело и сущность бесконечно малого»<sup>79</sup>.

Дифференциалы – это полагания мышления в той мере, в какой они являются продуктами действия суждения реальности. Для Когена дифференциал ( $dx$ ) представляет *то, что он есть* (*das Seiende*), и только благодаря ему может существовать нечто ( $x$ ), по отношению к которому дифференциал вообще может *быть*<sup>80</sup>. Коген, открыто противостоя Канту, подчёркивает, что реальность не зависит от ощущения. Реальность – это всего лишь продукт мышления. Кант рассматривает реальность как категорию и, следовательно, как берущее своё начало в чистом рассудке понятие,

<sup>74</sup> Наторп также отождествляет дифференциальное частное с законом возникновения конечного. Для него, однако, источником конечного является закон, который может быть рассмотрен как сосредоточенный интенсивно в точке или экстенсивно в линии. См.: *Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 220.*

<sup>75</sup> *Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 41.*

<sup>76</sup> *Ibid. S. 80, 108.*

<sup>77</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 156.*

<sup>78</sup> *Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 86.*

<sup>79</sup> *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 157.*

<sup>80</sup> *Ibid. S. 114.*

но такое чистое понятие может приобрести объективную значимость только в том случае, если оно применяется к бытию, независимо данному чувственностью. Категория реальности применяется к *воспринимаемой* материи, заполняющей время<sup>81</sup>. Вопреки Канту, согласно когеновскому суждению реальности, мысль порождает бытие как бесконечно малую реальность.

Гавронский подчёркивает, что полагание, порождаемое суждением реальности, – полагание *определённое*, поскольку оно существует в соответствии с законом. Следовательно, дифференциал выступает «индивидуальным применением»<sup>82</sup> этого закона. По этой причине дифференциал не даётся независимо от закона, а скорее является его *Ansatzpunkt* [отправной точкой. – примеч. пер.]<sup>83</sup>. Другими словами, дифференциал – это «кристаллизация»<sup>84</sup>, «воплощение» или «реализация» закона<sup>85</sup>. Бесконечное и непрерывное повторение действия этого закона приводит к множественности, которая, в свою очередь, может привести только к *потенциальной* бесконечности. Для того чтобы эта множественность соединилась во всеобщность, необходима третья мыслительная операция. Это будет уже задачей суждения всеобщности, которое определит общую сумму дифференциалов как *актуальную* бесконечность<sup>86</sup>.

Но дифференциал как положение закона может также пониматься и как всеобщность, возникающая из дифференциалов более высокого порядка. По этой причине Гавронский утверждает, что «каждый отдельный результат относителен», поскольку его можно понимать и как интеграл, и как дифференциал<sup>87</sup>. Через дифференциал даётся вся система дифференциалов более высокого порядка, поскольку каждый дифференциал отсылает к следующему – более высокому – как к своему источнику<sup>88</sup>. Как пишет Коген, бесконечно малая величина первого порядка – это переменная, которая приобретает свою реальность из закона бесконечно малой величины второго порядка<sup>89</sup>.

Когеновская логическая операция всеобщности соответствует *второму принципу порождения* Кантора. Этот принцип, обнаруживаемый Гавронским в теории Кантора, вносит важнейший вклад в философскую интерпретацию анализа бесконечно малых. Однако Гавронский возражает против *первого принципа порождения* Кантора, согласно которому элементы множества рассматриваются как *данные*, а не как *произведенные*. Гавронский критикует Кантора за то, что тот основывает концепцию числа на концепции множества<sup>90</sup>. Множество состоит из элементов,

<sup>81</sup> KrV, A 143; B 183. Рус. пер.: *Кант И.* Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 199; *Кант И.* Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 263. Благодаря этому реальное, являющееся объектом ощущения, приобретает интенсивную величину, т.е. степень. KrV, B 206. Рус. пер.: *Кант И.* Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 291.

<sup>82</sup> *Gawronsky D.* Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 86.

<sup>83</sup> *Ibid.* S. 91.

<sup>84</sup> *Ibid.* S. 104.

<sup>85</sup> *Ibid.* S. 86.

<sup>86</sup> Гавронский подчёркивает, что характер всеобщности – как и стремление к ней – можно обнаружить в каждом дифференциале. См.: *Gawronsky D.* Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 98. В том же смысле Наторп указывает: «Но  $x$  должно, хотя бы в форме вопросительного знака, быть представленным в мышлении, прежде чем можно будет вообще говорить о  $dx$  с какой-либо определённой; и отношение к  $x$  как к порождаемому в сущности неотделимо от его понятия». См.: *Natorp P.* Zu Cohens Logik // *Holzhey H.* Cohen und Natorp. Bd. 2. Basel, Stuttgart, 1986. S. 53.

<sup>87</sup> *Gawronsky D.* Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 111.

<sup>88</sup> *Ibid.* S. 112.

<sup>89</sup> *Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 118.

<sup>90</sup> См.: *Cantor G.* Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre // *Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts* / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf

и даже если мы полностью абстрагируемся от конкретных свойств элементов, сами элементы тем не менее сначала должны быть *положены*. Полагание элементов множества есть предпосылка множества как такового и единственный источник порождения множества и его сущности<sup>91</sup>.

Поскольку величины являются результатом работы мысли на основании метода бесконечно малых, дифференциалы не следует понимать как приращения величин, т.к. это означало бы, что величины скорее предполагаются, чем объясняются<sup>92</sup>. Концепция функции также недостаточно радикальна для того, чтобы выступить основанием анализа бесконечно малых, поскольку она предполагает величины, которые должны быть объединены без учёта их первоначального порождения<sup>93</sup>.

Гавронский утверждает, что логическая процедура, состоящая из трёх суждений реальности, множественности и всеобщности, лежит в основе не только исчисления бесконечно малых, но и вообще любого порождения чисел. В обоих случаях «каждый элемент мыслится как изначально положенный»<sup>94</sup>. Однако существует принципиальное различие между методом исчисления бесконечно малых и процедурой получения числового ряда. В последнем случае процедура обладает парадигматической «однородностью и монотонностью» из-за того, что порождающий закон остаётся неизменным на протяжении всего числового ряда<sup>95</sup>. Напротив, в дифференциальном исчислении есть «богатое многообразие порождающих законов», в котором нельзя найти ни монотонности, ни единообразия<sup>96</sup>. Логическая процедура, лежащая в основе как метода бесконечно малых, так и продуцирования числового ряда, одна и та же, но «воплощена» она в двух разных методах<sup>97</sup>. В то время как Коген находит основания числа в том, что суждение реальности полагает как бесконечно малое<sup>98</sup>, Гавронский утверждает, что дифференциал и число следует различать как две разные *категории*, каждая из которых выступает фундаментальным принципом науки<sup>99</sup>.

Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 282 ff. Рус. пер.: Кантор Г. К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 173 и далее.

<sup>91</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 56. Кант понимает число как чистую схему величины, он рассматривает его как представление о последовательном добавлении одной однородной единицы к другой (KrV, A 142; B 182). Рус. пер.: Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 197, 199; Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М., 2006. С. 263. Гавронский не считает кантианскую позицию удовлетворительной: он спрашивает о *происхождении* тех однородных единиц, которые должны быть продуцированы мыслью и не могут быть просто даны чувственностью. Исходя из этого, Гавронский критикует и Кантора. Он указывает, что подход Дедекинда является наиболее адекватным для решения проблемы чисел, поскольку Дедекинд объясняет полагание чисел на основе исходного отношения, которое не предполагает какого-либо необоснованного представления, такого как представление величины. К сожалению, Гавронский не развивает эту мысль дальше (Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 56). Содержательную дискуссию по этому вопросу проводят Наторп и Кассирер. (См.: Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910; Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik // Gesammelte Werke. Bd. 6. Hamburg, 2000.) Подробнее см.: González P.M. Estudios neokantianos. San Pablo, 2011. P. 103–144.

<sup>92</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 82.

<sup>93</sup> Ibid.

<sup>94</sup> Ibid. S. 107.

<sup>95</sup> Ibid. S. 108.

<sup>96</sup> Ibid.

<sup>97</sup> Ibid. S. 109.

<sup>98</sup> Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 116 ff.

<sup>99</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 109.

#### 4. Наторп и неархимедовы системы

В предисловии к «Логическим основам точных наук» (“Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften”), датированном мартом 1910 г., Наторп высоко оценивает исследования Гавронского о концепции актуальной бесконечности и о применении её к проблеме бесконечно малого. Наторп пишет, что этот вопрос [вопрос актуально бесконечно малых. – примеч. пер.] может быть рассмотрен в книге лишь кратко, поскольку вскоре должно будет появиться подробное исследование Гавронского, посвящённое этой проблеме<sup>100</sup>. Это исследование станет докторской диссертацией Гавронского<sup>101</sup>.

Наторп утверждает, что и он сам, и Гавронский, отойдя от общепринятых методологических предпосылок, независимо пришли к совпадающим результатам относительно бесконечно малых величин. Согласно Наторпу, существует строгое соответствие между бесконечными порядками бесконечно малых и бесконечно больших чисел – это идея, которую Джузеппе Веронезе развил в своем “Fondamenti di geometria a più dimensioni e a più specie di unità rettilinee espsti in forma elementare”<sup>102</sup>. Так же и Гавронский указывает, ссылаясь на “Grundzüge der Geometrie” Веронезе, что тот основал свою систему арифметики именно на этой идее соответствия<sup>103</sup>.

В “Fondamenti” Веронезе представляет систему неархимедовой геометрии с бесконечно малыми и бесконечно большими отрезками. «Прямолинейные единицы», которые фигурируют в названии книги, относятся к этим отрезкам. В рамках архимедовой геометрии, имея два отрезка, всегда можно получить отрезок больший, чем данный больший, добавляя меньший к самому себе достаточное количество раз. Веронезе же, напротив, принимает «гипотезу о существовании ограниченных бесконечно больших отрезков»<sup>104</sup>. Давайте выберем любой отрезок и примем его за единицу. Так мы установим шкалу, состоящую из натуральных чисел, кратных этому единичному отрезку. Гипотеза утверждает, что всегда существует отрезок, лежащий за пределами шкалы. Таким образом, свойство Архимеда признаётся недействительным. В этой связи Веронезе пишет:

Чтобы отличить отрезки, ограниченные концами, которые порождают область шкалы с произвольной единицей измерения ( $AA_1$ ), от тех, которые не порождают шкалы и больше их (т.е. больше отрезков шкалы. – примеч. авт.), мы называем первые конечными, а вторые актуально бесконечно большими или бесконечно большими по отношению к единице измерения (масштаба. – примеч. авт.). Однако, если вторые меньше первых, мы называем их актуально бесконечно малыми или бесконечно малыми по отношению к этой единице. Например, единица измерения ( $AA_1$ ) или произвольный

<sup>100</sup> Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. V–VI.

<sup>101</sup> Гавронский представил текст своей диссертации в 1909 г. и, после оценки Наторпом и Когеном, защитил её 25 февраля 1910 г.

<sup>102</sup> Veronese G. Fondamenti di geometria a più dimensioni e a più specie di unità rettilinee espsti in forma elementare. Padova, 1891. Наторп цитирует немецкий перевод Адольфа Шеппа: Veronese G. Grundzüge der Geometrie von mehreren Dimensionen und mehreren Arten gradliniger Einheiten in elementarer Form entwickelt. Leipzig, 1894.

<sup>103</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 54. В своём глубоком анализе обращения неокантианцев к неархимедовым системам, Морманн не упоминает Гавронского. См.: Mormann T. Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neukantianismus // Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen / Ed. by C. Damböck. Cham, 2018.

<sup>104</sup> Veronese G. Grundzüge der Geometrie von mehreren Dimensionen und mehreren Arten gradliniger Einheiten in elementarer Form entwickelt. Leipzig, 1894. S. 99. Англ. пер.: Fisher G. Veronese’s Non-Archimedean Linear Continuum // Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua / Ed. by Ph. Ehrlich. Dordrecht, 1994. P. 123.

ограниченный отрезок заданного масштаба бесконечно мал по отношению к бесконечно большому сегменту  $(AA_\infty)$ <sup>105</sup>.

Относительно этой гипотезы Веронезе утверждает, что она «удовлетворяет всем условиям математически возможной гипотезы, которая в конечном счёте основывается не на соображениях философского характера о происхождении математических представлений, а на отсутствии каких-либо противоречий»<sup>106</sup>.

Веронезе определяет порядки бесконечной величины и устанавливает, что если отрезок бесконечно велик для  $n$ -го порядка по отношению к другому отрезку, то последний отрезок бесконечно мал для  $n$ -го порядка по отношению к первому. Позже он вводит обозначение для чисел, соответствующих «вторым концам» отрезков, которые бесконечно велики по отношению к единице. Веронезе подчёркивает, что его бесконечно большие числа нельзя отождествлять с трансфинитными числами Кантора:

Разница между нашим бесконечно большим числом и канторовским  $\omega$  (т.е. маленькой омегой, первым трансфинитным порядковым номером. – примеч. авт.) заключается в том, что мы не распознаём первое бесконечно большое число... в то время как для бесконечно больших чисел Кантора  $\omega$  является первым в абсолютном смысле. Следовательно, это означает: если задано одно из наших бесконечно больших чисел, например,  $\infty_1$ , то существуют числа  $\infty_1 - n$ , отличные от  $\infty_1$ , которые лежат между конечными числами и  $\infty_1$ <sup>107</sup>.

Кантор, хорошо знакомый с учением Веронезе о бесконечно малых величинах, решительно его отверг<sup>108</sup>. Как мы писали выше, в 1887<sup>109</sup> г., чтобы доказать невозможность бесконечно малых отрезков прямой, Кантор ввёл концепцию линейной величины. Он стремился показать, что архимедово условие предполагается при сочетании этой концепции с его теорией трансфинитных ординалов. Из этого Кантор сделал вывод, что так называемая аксиома Архимеда – это вовсе не аксиома, а скорее следствие, которое с необходимостью вытекает из концепции линейной величины. Если бы Кантор согласился с тем, что архимедово свойство для действительных чисел было бы просто *аксиомой*, то новые системы чисел можно было бы разрабатывать, отрицая это свойство, при условии сохранения согласованности. Напротив, если бы архимедово свойство можно было бы доказать как *теорему* исходя из других принципов, то позиция, подобная позиции Веронезе, была бы неприемлема, и любая теория бесконечно малых величин, основанная на отказе от архимедова свойства, была бы неопределяемой. Кантор занял именно эту позицию<sup>110</sup>.

Наторп, по-видимому, не обратил внимания на то, что трансфинитные числа Кантора сильно отличаются от трансархимедовых чисел Веронезе. Так, он утверждает: «Из произвольно выбранного нулевого начального значения мы простейшим образом получаем ряд Кантора, или, скорее, ряд Веронезе:  $0, 1, 2... \omega, \omega + 1, ... 2\omega, 2\omega + 1, ... n\omega... \omega\omega...$ »<sup>111</sup>.

<sup>105</sup> Veronese G. Grundzüge der Geometrie von mehreren Dimensionen und mehreren Arten gradliniger Einheiten in elementarer Form entwickelt. Leipzig, 1894. S. 99. Англ. пер.: Fisher G. Veronese's Non-Archimedean Linear Continuum // Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua / Ed. by Ph. Ehrlich. Dordrecht, 1994. P. 123.

<sup>106</sup> Ibid. S. 99. Англ. пер.: Ibid. P. 123.

<sup>107</sup> Ibid. S. 119. Англ. пер.: Ibid. P. 125.

<sup>108</sup> Dauben J.W. Georg Cantor: His Mathematics and Philosophy of the Infinite. Cambridge MA, 1979. P. 233–236.

<sup>109</sup> Cantor G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten // Cantor G. Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts / Herausgegeben von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. S. 378–439. Рус. пер.: Кантор Г. К учению о трансфинитном // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 268–325.

<sup>110</sup> Ibid. S. 408–409. Рус. пер.: Там же. С. 295–296.

<sup>111</sup> Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 195.



Здесь Наторп опускает числа  $\omega - n$ , имеющие ключевое значение для системы Веронезе, в которой нет первого бесконечно большого числа.

В любом случае Наторп хвалит Веронезе за то, что тот отказался от принципа, который не обладает абсолютной необходимостью, – «принципа Архимеда». Согласно Наторпу, для Веронезе этот принцип совпадает с предпосылкой конечности, так что отказ от этого принципа равносителен признанию существования истинных бесконечностей<sup>112</sup>. Принцип Архимеда – это «определение конечности величины»<sup>113</sup>. Исходя из отказа от этого принципа, утверждает Наторп, Веронезе способен расширить и исправить концепцию Кантора о бесконечном, дополняя канторовское представление об актуально бесконечно большом представлением о бесконечно малом. Это расширение теории Кантора обеспечивает анализу бесконечно малых надёжное основание<sup>114</sup>, что прямо соотносится с утверждением Гавронского о том, что «непротиворечивое изложение принципов анализа бесконечно малых возможно только на основе актуально бесконечного»<sup>115</sup>.

Предполагая, что понятие бесконечно большого числа обязательно подразумевает понятие бесконечно малого, Гавронский и Наторп связывают трансфинитные числа Кантора с трансархимедовыми числами Веронезе способом, который вряд ли достаточно обоснован. В то время как Веронезе исходит из убеждения, что существуют ограниченные отрезки, которые содержат в себе целую шкалу, Кантор, напротив, исходит из постулата о существовании бесконечного множества. Из этих двух различных предпосылок вытекают два совершенно разных представления о бесконечном<sup>116</sup>.

Сочетание теорий Кантора и Веронезе вскоре подверглось критике со стороны математиков, близких Марбургской школе<sup>117</sup>. Абрахам Френкель, учившийся у Когена в Марбурге и общавшийся с Наторпом и Гавронским<sup>118</sup>, решительно отвергает

<sup>112</sup> *Natorp P.* Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 171.

<sup>113</sup> *Ibid.* S. 185.

<sup>114</sup> *Ibid.* S. 200. Наторп критикует Рассела за то, что тот не принял во внимание значительные успехи Веронезе в разработке теории Кантора (См.: *Russel B.* The Principles of Mathematics. Cambridge, 1903. P. 338–345). Более того, он утверждает: «У Рассела повсеместно лежит в основе ошибочное представление о том, что бесконечно малое, которое Коген постоянно обозначает как неэкстенсивное, тем не менее должно означать экстенсивную величину, “дистанцию”, которая не равна нулю и в то же время не является конечной, что, в любом случае, не соответствует мнению Когена». *Natorp P.* Die logischen Grundlagen... S. 222. Подробнее о критике Расселом Когена см.: *Veit B.* Hermann Cohens Infinitesimal-Logik. Würzburg, 2017. S. 121 ff.

<sup>115</sup> *Gawronsky D.* Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 42.

<sup>116</sup> Более подробно о сущностном различии между числами Кантора и числами Веронезе см.: *Peiffer-Reuter R.* L’infini relatif chez Veronese et Natorp // *La mathématique nonstandard* / Ed. by H. Barreau, J. Harthong. Paris, 1989. P. 117–142. Пфайффер-Рейтер утверждает, что Наторп: «mélange de façon déconcertante les théories de Cantor et de Veronese» [сомнительно смешивает теории Кантора и Веронезе. – примеч. пер.]. *Ibid.* P. 125. См. также: *Petitot J.* Esthétique transcendante et physique mathématique // *Neukantianismus. Perspektiven und Probleme* / Ed. by H. Holzhey, W. Orth. Würzburg, 1994. S. 185–213.

<sup>117</sup> Морманн указывает на то, что попытка Наторпа объединить теории бесконечности Кантора и Веронезе – это, как уже показал Френкель, «mathematisch unhaltbar [математическая бессмыслица. – примеч. пер.]». *Mormann T.* Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neukantianismus // *Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen* / Ed. by C. Damböck. Cham, 2018. S. 120.

<sup>118</sup> *Fraenkel A.* Recollections of a Jewish Mathematician in Germany. Basel, 2016. P. 84–86. О Гавронском Френкель вспоминает: «Очень талантливый русский еврей и революционер, он был вынужден бежать в Германию после того, как его приговорили к смертной казни. Гавронский стал учеником Когена примерно в 1906 г. Коген, которого потом поддерживал Наторп, объявил Гавронского самым талантливым его учеником. Конечно, это было неправдой: среди немецко-еврейских студентов его, безусловно, превзошёл Эрнст Кассирер, а среди русских – Сергей Львович Рубенштейн, с которым я поддерживал контакт даже после Первой мировой войны вплоть до 1928 г., когда он был директором

неокантианскую попытку основать математику на актуально бесконечно малых величинах, определяемых по аналогии с трансфинитными числами<sup>119</sup>. Он полагает, что понятие актуально бесконечно малой величины может быть введено без противоречий только по философским соображениям, но при попытке использовать это понятие для решения математических задач возникают трудности.

Нельзя даже утверждать, что процедура, подобная упомянутой, противоречила бы самой себе или что бессмысленно переходить от воображаемой пропорции в виде «трансфинит:1=1:x» к экзистенциальному утверждению «должен существовать  $x$ , удовлетворяющий этой пропорции». На самом деле философы иногда довольствуются простым «полаганием» концепции, и этот акт сам по себе редко влечёт за собой противоречие – но, определённо, не в случае бесконечно малых величин. Сложности начинаются в тот момент, когда человек берётся что-то делать с концепцией, в нашем случае – оперировать бесконечно малыми величинами и применять их к научным проблемам. *В этом отношении концепция бесконечно малого в целом оказалось неудачной*<sup>120</sup>.

В частности, Френкель утверждает, что бесконечно малые величины бесполезны в математическом анализе, что прямо противоречит неокантианской точке зрения<sup>121</sup>:

Как и другие авторы, неокантианцы вполне обоснованно избрали в качестве реального критерия легитимации бесконечно малых величин их *полезность*, и они были правы, когда выбрали дифференциальное и интегральное исчисление в качестве той основы, на которой эта полезность должна быть проверена. Собственно говоря, термин «исчисление бесконечно малых», по-видимому, намекает на использование бесконечно малых величин в математическом анализе. Однако по мере проверки *рассмотрение бесконечно малых как бесконечно малых величин, оказалось совершенно несостоятельным*<sup>122</sup>.

университетской библиотеке в Одессе. В 1909 г. Гавронский защитил докторскую диссертацию в школе искусств и гуманитарных наук в Марбурге, Коген оценил диссертацию как превосходную. Она была опубликована в 1910 г. в Марбурге под названием “Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen”. Однако математики из той же школы в университете, в частности Хенсел, подвергли эту работу резкой критике, на мой взгляд, вполне обоснованной. Критика была принята, но всё же это усилило противостояние». *Fraenkel A. Recollections of a Jewish Mathematician in Germany. Basel, 2016. P. 86.*

<sup>119</sup> *Fraenkel A. Abstract Set Theory. Amsterdam, 1953. P. 163.*

<sup>120</sup> *Ibid. P. 163–164.* Френкель пишет: «Марбургские неокантианцы объясняли это следующим образом: если, следуя Кантору, обозначить бесконечно большое “число” как  $w$  и сформулировать соотношение  $1:w=x:1$ , то  $x$  должно быть “бесконечно малым числом”. Тогда такие бесконечно малые числа можно было бы рассматривать, например, как числитель и знаменатель в системе исчисления Лейбница  $dy/dx$  для дифференциального частного. Однако на самом деле, как наука, несомненно, признала с начала девятнадцатого века,  $dy/dx$  – это вовсе не производная, а предел производной, и “дифференциалы”  $dx$  и  $dy$  определённо не имеют того независимого значения, которое им приписывал Коген. Однако он основал на этом свой “принцип происхождения” как основу своей логики, утверждая, что с помощью метода бесконечно малых, таким образом, задаётся “точный вопрос” и “решающий ответ” на значение мысли как порождения существования, а  $dx$  является “истинной единицей”, абсолютном (см.: *Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902. S. 32, 109, 116, 123*). Напротив, Коген всеми силами отвергает метод пределов как основу метода бесконечно малых – в том числе и для интеграла. Очевидно, что математик должен отвергнуть эту точку зрения как ложную (или бессмысленную)». См.: *Fraenkel A. Recollections of a Jewish Mathematician in Germany. Basel, 2016. P. 85–86.*

<sup>121</sup> О критерии полезности Френкеля см.: *Kanovei V., Katz K., Katz M., Mormann T. What makes a theory of infinitesimals useful? A view by Klein and Fraenkel // Journal of Humanistic Mathematics. 2018. No. 8 (1). P. 108–119.*

<sup>122</sup> *Fraenkel A. Abstract Set Theory. Amsterdam, 1953. P. 164.*

Френкель приходит к выводу: «Во всяком случае, на данный момент ни бесконечно малые отрезки Веронезе, ни какие-либо другие бесконечно малые величины нельзя рассматривать как аналог трансфинитных чисел – математическое существование бесконечно больших и бесконечно малых величин имеет существенно разный характер<sup>123</sup>».

Однако в 1960 г. ученик Френкеля Абрахам Робинсон<sup>124</sup> предложил «совершенно иную, обоснованную и нетривиальную защиту актуально бесконечно малых величин»<sup>125</sup>. Робинсон пишет: «...концепции и методы современной математической логики способны обеспечить подходящую основу для развития дифференциального и интегрального исчисления с помощью бесконечно малых и бесконечно больших чисел»<sup>126</sup>. Это прозрение привело Робинсона к созданию так называемого *нестандартного анализа*, который он рассматривал как подтверждение теории бесконечно малых величин Лейбница<sup>127</sup>. Теория Робинсона подразумевает введение идеальных чисел, которые могут быть бесконечно малыми или бесконечно большими по сравнению с действительными числами, но они всё же должны обладать теми же свойствами, что и последние<sup>128</sup>.

Эти новые числа есть так называемые *гипервещественные* числа. Их множество обозначается символом  $R^*$ . Точно так же, как действительные числа могут быть построены из рациональных чисел, гипервещественные числа могут быть построены из чисел действительных. Действительные числа являются подмножеством гипервещественных чисел. Число  $\varepsilon$  называется бесконечно малым, если  $-a < \varepsilon < a$  для каждого положительного действительного числа  $a$ . Таким образом, ноль является бесконечно малым и единственным одновременно и бесконечно малым, и действительным числом. Обратные значения ненулевых бесконечно малых величин являются бесконечными гипервещественными числами. Если разница между двумя гипервещественными числами  $a$  и  $b$  бесконечно мала, то говорят, что  $a$  бесконечно близко к  $b$ . Элемент  $a$  из  $R^*$ , который не является бесконечно большим, имеет уникальную стандартную часть, определяемую как действительное число  ${}^{\circ}a$ , отличие которого от  $a$  равно нулю или бесконечно малой величине. Вокруг каждого действительного числа существует набор гиперреальных чисел, бесконечно близких к нему. Бесконечно малые величины – это бесконечно близкие к нулю гиперреальные числа<sup>129</sup>.

<sup>123</sup> Fraenkel A. Abstract Set Theory. Amsterdam, 1953. P. 165.

<sup>124</sup> Fraenkel A. Recollections of a Jewish Mathematician in Germany. Basel, 2016. P. 85. Касательно удивления Френкеля см.: Kanovei V., Katz K., Katz M., Mormann T. What makes a theory of infinitesimals useful? A view by Klein and Fraenkel // Journal of Humanistic Mathematics. 2018. No. 8 (1). P. 111: «Несомненно, отчасти это удивление вызвано фундаментальной проблемой, которую ставят перед нами современные теории бесконечно малых величин. Такие теории поставили под сомнение предположение о том, что основы Кантора – Дедекинда – Вейерштрасса являются неизбежной первичной точкой отсчёта, и открыли поле для других возможностей, таких как первое расширение ZFC, разработанное Эдвардом Нельсоном».

<sup>125</sup> Подробнее о Робинсоне см.: Dauben J. Abraham Robinson. The Creation of Non-standard Analysis: A Personal and Mathematical Odyssey. Princeton, 1995.

<sup>126</sup> Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. VII.

<sup>127</sup> О критике Робинсоном лейбнизианского взгляда на исчисление см.: Bos H. Differentials, higher order differentials and the derivative in the Leibnizian calculus // Archive for the History of Exact Sciences. 1974. No. 14. P. 81–86.

<sup>128</sup> Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. 2. Петито указывает, что Веронезе оказал влияние на Робинсона через Наторпа и Френкеля. См.: Petitot J. Esthétique transcendantale et physique mathématique // Neukantianismus. Perspektiven und Probleme / Ed. by H. Holzhey, W. Orth. Würzburg, 1994. S. 194.

<sup>129</sup> Что касается применимости аксиомы Архимеда в своей теории, Робинсон пишет: «В нашей собственной теории ответом на вопрос, верна ли аксиома Архимеда не только в  $R$ , но и в  ${}^*R$ , является

Среди тех, кто пытается ввести использование бесконечно малых величин в анализ, Робинсон прямо упоминает Наторпа<sup>130</sup>. Сразу после этого он цитирует «не комментируя» слова Френкеля о том, что «критерием эффективности бесконечно малых чисел является их применимость к дифференциальному и интегральному исчислениям». Френкель указал, что потребуется «второй Кантор», чтобы создать безупречную арифметическую основу для новых бесконечно малых чисел, которые окажутся полезными и проложат путь к исчислению бесконечно малых. По мнению Френкеля, хотя это и возможно, тем не менее это крайне маловероятно<sup>131</sup>.

### Заключение

Гавронский признаёт, что его интерпретация дифференциального исчисления, основанная на актуально бесконечно малых величинах, противоречит «обычной» точке зрения на этот вопрос, в которой дифференциалу не придаётся никакого независимого от дифференциального частного значения<sup>132</sup>. В этом смысле, как выразился Рассел,  $dx$  и  $dy$  «сами по себе ничего не значат»<sup>133</sup>, это всего лишь «типографические части одного символа»<sup>134</sup>. Символ  $dy/dx$  – это не дробь, а просто «предел дроби, числитель и знаменатель которой конечны»<sup>135</sup>. Пусть  $y=f(x)$  – функция, определённая в интервале  $(a, b)$ , и пусть  $a < x_0 < b$ . Тогда производная от  $f(x)$  в точке  $x_0$  определяется следующим образом:

$$\left(\frac{dy}{dx}\right)_{x_0} = f'(x_0) = \lim_{x \rightarrow x_0} \frac{f(x) - f(x_0)}{x - x_0}$$

давайте предположим, что этот предел существует и что его значением является число  $L$ :

$$\lim_{x \rightarrow x_0} \frac{f(x) - f(x_0)}{x - x_0} = L$$

в соответствии с «обычной» интерпретацией математического анализа, это означает, что для любого  $\varepsilon > 0$  существует положительное число  $\delta$ , такое, что:

и “да”, и “нет”! Если под “аксиомой Архимеда” мы понимаем предложение из  $K$ , которое формулирует утверждение “Для каждой пары действительных чисел  $a$  и  $b$ , таких, что  $0 < a < b$ , существует натуральное число  $n$ , для которого  $B < na$ ”, то это предложение справедливо в  $R$  и, следовательно, также в  ${}^*R$ . В последней системе  $n$  может быть реализовано бесконечным натуральным числом. Однако, если мы имеем в виду постулат о том, что для любой пары действительных чисел  $a$  и  $b$ ,  $0 < a < b$ , существует натуральное число  $n$  в обычном смысле, такое, что  $b < a + a + \dots + a$  ( $n$  раз), то этот постулат неверен для  ${}^*R$ » Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. 266–267.

<sup>130</sup> Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. 278. Что касается когеновского “Das Prinzip der Infinitesimal-Methode”, Робинсон утверждает, что «философия математики Германа Когена, каким бы ни был её исторический интерес, в настоящее время заслуженно неизвестна». См.: Robinson A. Concerning Progress in the Philosophy of Mathematics // Studies in Logic and the Foundations of Mathematics. 1975. No. 80. P. 45.

<sup>131</sup> Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. 279.

<sup>132</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 81.

<sup>133</sup> Russel B. The Principles of Mathematics. Cambridge, 1903. P. 338.

<sup>134</sup> Ibid. P. 342.

<sup>135</sup> Ibid. P. 338.

$$\left| \frac{f(x) - f(x_0)}{x - x_0} - L \right| < \varepsilon$$

$r$  – любой  $x$  из  $(a, b)$ , для которого  $|x - x_0| < \delta$ . При этом не учитываются бесконечно малые величины. Как указывает Рассел, «именно теория пределов лежит в основе математического анализа, а не какое-либо мнимое использование бесконечно малых величин»<sup>136</sup>.

Тем не менее Робинсон показал, что бесконечно малые величины могут быть должным образом определены, а значит, такие понятия, как два бесконечно близких друг к другу числа, могут иметь вполне обоснованное значение, а бесконечно малые величины не являются ни «математическими фикциями»<sup>137</sup>, ни каким-либо образом «самопротиворечивыми»<sup>138</sup>. Но Гавронский призывает ввести бесконечно малые величины не по математическим причинам, а по *трансцендентальным*. Поскольку любая функциональная корреляция величин предполагает порождение самих величин<sup>139</sup>, Гавронский стремится разработать – в соответствии с доктриной Когена – интерпретацию исчисления бесконечно малых, которая исключала бы любой предполагаемый *данный* (alleged given) элемент в знании<sup>140</sup>. Бесконечно малые величины не просто «приводят к новому и плодотворному подходу к классическому математическому анализу и к многим другим разделам математики»<sup>141</sup>. Гавронский утверждает, что бесконечно малые величины являются не чем иным, как ключом к правильному философскому объяснению взаимосвязи между мышлением и бытием<sup>142</sup>. Математика, и дифференциальное исчисление в частности, является средством, с помощью которого чистая мысль конструирует бытие<sup>143</sup>. Явления должны быть рассмотрены как *продуцированные* мыслью, а не как просто связанные рассудком (в соответствии с категориями) после того, как они были независимо даны чувственностью, как то утверждает Кант. Математика, таким образом, обеспечивает естествознание объектом.

Концепция трансцендентальной математики решает проблему применимости математики к природе<sup>144</sup>. Эмпирическое применение математики больше не представляет собой проблематичного подведения независимо данных объектов под априорные математические концепции. Скорее, природа теперь понимается как продукт мысли, созданный в соответствии с методом бесконечно малых. Поскольку мысль создаёт природные объекты в соответствии с математическими методами, последние обладают необходимой достоверностью по отношению к первым. Не существует ни объектов, которые были бы даны независимо от мышления,

<sup>136</sup> Russel B. The Principles of Mathematics. Cambridge, 1903. P. 329.

<sup>137</sup> Ibid. P. 336.

<sup>138</sup> Ibid. P. 368.

<sup>139</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 82, 115.

<sup>140</sup> Ibid. S. 118.

<sup>141</sup> Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam, 1966. P. 2.

<sup>142</sup> Исследование Гавронского относится не к философии математики, а к трансцендентальной логике, это попытка решить трансцендентальную проблему посредством изложения логических основ математического метода. См.: Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 27.

<sup>143</sup> Бойер критикует идеалистические философии, которые утверждают, что математика занимается «метафизическим порождением величин». См.: Boyer C. The History of the Calculus and its Conceptual Development. New York, 1949. P. 308.

<sup>144</sup> Как выразился Шультесс: «Тем самым разница между чистой и прикладной математикой становится несущественной». См.: Schulthess P. Introduction to: Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte // Cohen H. Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte. Hildesheim, Zürich, New York, 1984. S. 38.

ни априорных концепций, имеющих какую-либо иную цель, кроме порождения бытия<sup>145</sup>. Мысль, работая с методом бесконечно малых, превращается в знание. Дифференциал – это основной продукт мысли и первый шаг в создании объекта мышления.

Таким образом, истинной целью анализа бесконечно малых является продуцирование объекта знания и определение закона, в соответствии с которым происходит его порождение<sup>146</sup>. Дифференциал воплощает закон, т.е. фактически исполняет закон порождения. Гавронский соглашается с Наторпом в том, что истинным «источником» конечной величины является не бесконечно малая величина, а закон переменной величины<sup>147</sup>. Но Гавронский проводит различие между законом и его количественным выражением, задаваемым дифференциальной производной. Он утверждает, что различие между законом и его выражением можно ясно увидеть исходя из существования непрерывных, но при этом недифференцируемых функций. В этом случае определённое выражение производящего закона отсутствует, поскольку закон не может быть понят математическими средствами (т.е. не существует производной функции). Но, объясняет Гавронский, это не наносит ущерба «логической сущности» закона<sup>148</sup>. В любом случае, утверждает он, в *естественном знании* всегда можно определить порождающий закон, и через него узнать процесс порождения природных объектов<sup>149</sup>.

Для Гавронского дифференциал – это не величина: «актуально бесконечно малая величина – это бессмыслица»<sup>150</sup>. Дифференциал также не является числом в смысле конечного или трансфинитного значения. Характерное для подхода Гавронского введение «дифференциала» как новой категории уже не соответствует учению Когена. Для Гавронского дифференциал и число – это две разные категории. В связи с этим дифференциалы Гавронского также нельзя отождествлять с гиперреальными (ненулевыми) бесконечно малыми числами.

Несмотря на то, что теория дифференциалов Гавронского одновременно опирается и на теорию Кантора, и на теорию Веронезе, что весьма сомнительно, актуально бесконечно малые величины являются полностью обоснованными математическими сущностями (entities), а некоторые недавние разработки имеют поразительное сходство с учением марбургцев<sup>151</sup>. Тем не менее, как мы писали ранее, следует подчеркнуть не математический, а трансцендентальный или метафизический аспект учения Гавронского. Гавронский не просто ищет способ расширения действительных чисел в математическом смысле<sup>152</sup>. Скорее, он стремится дать наброски

<sup>145</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 20 ff.

<sup>146</sup> Ibid. S. 105.

<sup>147</sup> Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 215.

<sup>148</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 91. На самом деле можно показать, что существуют непрерывные кривые, определяемые движением, которые не имеют касательных линий. См.: Boyer C. The History of the Calculus and its Conceptual Development. New York, 1949. P. 285.

<sup>149</sup> Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. S. 114.

<sup>150</sup> Ibid. S. 97.

<sup>151</sup> См. примеч. 27.

<sup>152</sup> Морман утверждает, что именно подход Кассирера может позволить разработать неокантианскую интерпретацию нестандартного анализа. Морман утверждает: «Переход от  $R$  к  $R^*$  является идеализирующим дополнением в смысле Кассирера, посредством которого система действительных чисел  $R$  расширяется до системы  $R^*$  путём “приращения” идеальных элементов». См.: Mormann T. Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neokantianismus // Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen / Ed. by C. Damböck. Cham, 2018. S. 126.

философского объяснения связи между мышлением и бытием<sup>153</sup>. В результате этого стремления получает чёткое выражение проблема применимости математики к естественным наукам<sup>154</sup>. Природа – это книга, написанная на языке математики, потому что природные объекты не просто даны – но сконструированы через дифференциальное исчисление. Актуальность бесконечно малых суть актуальность чистой мысли в порождении бытия. Первым актуальным продуктом чистой мысли является реальность бытия. Бесконечно малые величины – это, по мнению Гавронского, те актуальные полагания мысли, посредством которых мысль воплощается в бытии.

### Список литературы

Кант И. Семь небольших заметок (1788–1791 годы) / Пер. с нем. А.И. Троцака, под ред. И.Д. Копцева // Кантовский сборник. 2012. № 3. С. 66–73.

Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда) // Трактаты. Рецензии. Письма (впервые изданные в «Кантовском сборнике») / Под. ред. Л.А. Калининкова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 38–108.

Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М.: Наука, 2006. 1081 с.

Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 2 // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. М.: Наука, 2006. 935 с.

Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях // Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 63–106.

Кантор Г. О различных точках зрения на актуально бесконечное // Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 262–268.

Кантор Г. К учению о трансфинитном // Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 268–325.

Кантор Г. К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 173–245.

Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М.: Академический Проект, 2012. 618 с.

Наторп П. Кант и Марбургская школа // Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2006. С. 119–145.

<sup>153</sup> В схожем смысле Наторп пишет: «Метод бесконечно малых, таким образом, не является просто сокращённым методом счета и вычислений, который как бы случайно применяется к иным данным, “реальным” объектам, но является методом, который вообще впервые обосновывает нечто, что можно считать и с чем можно производить вычисления». См.: *Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, 1910. S. 223.*

<sup>154</sup> О применимости гипервещественных чисел см.: *Bottazzi E., Kanovei V., Katz M., Mormann T., Sherry D. On mathematical realism and the applicability of hyperreals // Mathematical Studies. 2019. No. 51 (2). P. 200–224.* В этой статье восхваляется неокантианский (в частности, кассиреровский) подход к проблеме применимости, поскольку «он позволяет нам преодолеть границы между математикой и естественными науками, которые в эпоху всё более математизированной науки становятся всё более искусственными и устаревшими». *Ibid. P. 205.* В квантовой физике, например, использование бесконечно малых может быть уместным, потому что в этом случае это делает «физически неуместным буквальное прочтение математического определения производной в терминах пределов, когда  $\Delta x$  стремится к нулю, поскольку попытка вычислить производную для приращений ниже шкалы Планка привела бы к физически бессмысленным результатам. Скорее, такое частное, как  $\Delta y/\Delta x$ , необходимо брать в определённом диапазоне или на подходящем уровне». См.: *Fletcher P., Hrbacek K., Kanovei V., Katz M., Lobry C., Sanders S. Approaches to analysis with infinitesimals following Robinson, Nelson, and others // Real Analysis Exchange. 2017. No. 42 (2). P. 193–252.* В этой связи интерпретация Когеном принципа антиципации восприятия была соотнесена с квантовой механикой. См.: *Kauark-Leite P. The Transcendental Role of the Principle of Anticipations of Perception in Quantum Mechanics // Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics / Ed. by M. Bitbol, P. Kerszberg and J. Petitot. Cham, 2009. P. 203–213.*

- Bell J.* The Continuous, the Discrete and the Infinitesimal in Philosophy and Mathematics. Cham: Springer, 2019. 313 p.
- Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics / Ed. by M. Bitbol, P. Kerszberg and J. Petitot. Cham: Springer, 2009. 544 p.
- Bos H.* Differentials, higher order differentials and the derivative in the Leibnizian calculus // Archive for the History of Exact Sciences. 1974. No. 14. P. 1–90.
- Bottazzi E., Kanovei V., Katz M., Mormann T., Sherry D.* On mathematical realism and the applicability of hyperreals // Mathematical Studies. 2019. No. 51 (2). P. 200–224.
- Boyer C.* The History of the Calculus and its Conceptual Development. New York: Dover, 1949. 346 p.
- Cantor G.* Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen. Leipzig: B.G. Teubner, 1883. 47 S.
- Cantor G.* Rezension von: Cohen H.: Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik // Deutsche Literaturzeitung. 23. Feb. 1884. No. 5. S. 266–268.
- Cantor G.* Über die verschiedenen Standpunkte in Bezug auf das Aktuelle Unendliche // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1886. No. 88. S. 224–233.
- Cantor G.* Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1887. No. 91. S. 81–125.
- Cantor G.* Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts. Hrsg. von E. Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. 486 S.
- Cassirer E.* Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen // Gesammelte Werke. Bd. 1. Hamburg, 1998.
- Cassirer E.* Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik // Gesammelte Werke. Bd. 6. Hamburg, 2000.
- Cohen H.* Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik. Berlin: Dümmler, 1883. 162 S.
- Cohen H.* Einleitung mit kritischem Nachtrag zur Geschichte des Materialismus von F.A. Lange // Cohen H. Werke. Vol. 5. 3<sup>rd</sup> Edition. Reedited by H. Holzhey. Hildesheim: Olms. S. 5–125.
- Cohen H.* Kants Begründung der Ethik. Berlin: F. Dümmers, 1877. 328 S.
- Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin: Dümmler, 1885. 616 S.
- Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. System der Philosophie. T. 1. 1<sup>st</sup> Edition. Berlin, 1902. 520 S.
- Dauben J.* Georg Cantor: His Mathematics and Philosophy of the Infinite. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1979. 404 p.
- Dauben J.* Abraham Robinson. The Creation of Nonstandard Analysis: A Personal and Mathematical Odyssey. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. 580 p.
- Edel G.* Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik. Die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Cohens. Freiburg, München: Alber, 1988. 545 S.
- Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua / Ed. by P. Ehrlich. Dordrecht: Springer, 1994. 288 p.
- Ehrlich P.* The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes // Archive for History of Exact Sciences. 2006. No. 60. P. 1–121.
- From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics. Vol. II / Ed. by W.B. Ewald. Oxford, New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 2007. 1340 p.
- Ferrari M.* Dimitrij Gawronsky und Ernst Cassirer: Zur Geschichte der Marburger Schule zwischen Deutschland und Russland // Gegenstandsbestimmung und Selbstgestaltung. Transzendentalphilosophie im Anschluss an Werner Flach / Ed. by Ch. Krijnen, K. Zeidler. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011. S. 89–106.
- Fisher G.* Veronese's Non-Archimedean Linear Continuum // Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua / Ed. by P. Ehrlich. Dordrecht: Springer, 1994. P. 107–145.
- Fletcher P., Hrbacek K., Kanovei V., Katz M., Lobry C., Sanders S.* Approaches to analysis with infinitesimals following Robinson, Nelson, and others // Real Analysis Exchange 2017. Vol. 42. No. 2. P. 193–252.
- Fraenkel A.A.* Abstract Set Theory. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1953. 479 p.
- Fraenkel A.A.* Recollections of a Jewish Mathematician in Germany. Basel: Birkhäuser Cham, 2016. 234 p.



- Frege G. Rezension von: H. Cohen, Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1885. No. 87. S. 324–329.
- Gawronsky D. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Marburg, 1910. 119 S.
- Giovanelli M. Reality and Negation. Kant's Principle of Anticipations of Perception. Dordrecht: Springer, 2011. 252 p.
- Giovanelli M. Hermann Cohen's Das Princip der Infinitesimal-Methode: The history of an unsuccessful book // Studies in History and Philosophy of Science. 2016. No. 58. P. 9–23.
- González P.M. Estudios Neokantianos. San Pablo, 2011. 322 p.
- Holzhey H. Cohen und Natorp, 2 vol. Basel, Stuttgart: Schwabe, 1986.
- Kanovei V., Katz K., Katz M., Mormann T. What makes a theory of infinitesimals useful? A view by Klein and Fraenkel // Journal of Humanistic Mathematics. 2018. No. 8 (1). P. 108–119.
- Kant and Neo-Kantianism. Kant Yearbook. 2020 No. 12 / Ed. by D. Heidemann. Boston, Berlin: De Gruyter. 171 p.
- Kant I. Gesammelte Schriften Hrsg.: Bd. 1–22 Preussische Akademie der Wissenschaften, Bd. 23 Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, ab Bd. 24 Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin, 1900 ff.
- Kauark-Leite P. The Transcendental Role of the Principle of Anticipations of Perception in Quantum Mechanics // Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics / Ed. by M. Bitbol, P. Kerszberg, and J. Petitot. Cham: Springer, 2009. P. 203–213.
- Kerry B. Ueber G. Cantors Mannigfaltigkeitsuntersuchungen, in: Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1885. No. 9. S. 191–232.
- Meschkowski H. Aus den Briefbüchern Georg Cantor // Archive for History of Exact Sciences. 1965. No. 2. S. 503–519.
- Moore M. A Cantorian Argument Against Infinitesimals // Synthese. 2002. No. 133. P. 305–330.
- Mormann T., Katz M. Infinitesimals as an issue of neo-Kantian philosophy of science // Hopos: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2013. No. 3 (2). P. 236–280.
- Mormann T. Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neukantianismus // Damböck C. Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen. Cham: Springer, 2018. S. 101–134.
- Moynahan G.B. The Challenge of Psychology in the Development of Cohen's System of Philosophy and the Marburg School Project // Damböck C. Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen. Cham: Springer, 2018. S. 41–76.
- Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig: Teubner, 1910. 416 S.
- Natorp P. Kant und die Marburger Schule // Kant-Studien. 1912. No. 17. S. 193–221.
- Natorp P. Zu Cohens Logik // Holzhey H. Cohen und Natorp. Vol. 2. Basel, Stuttgart: Schwabe, 1986. S. 43–78.
- Peiffer-Reuter R. L'infini relatif chez Veronese et Natorp // La mathématique nonstandard / Ed. by H. Barreau, J. Harthong. Paris: Éd. du CNRS, 1989. P. 117–142.
- Petitot J. Esthétique transcendantale et physique mathématique / Neukantianismus. Perspektiven und Probleme / Ed. by H. Holzhey, E.-W. Orth. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1994. P. 185–213.
- Pollok K. The "Transcendental Method". On the Reception of the Critique of Pure Reason in Neo-Kantianism // The Cambridge Companion to Kant's Critique of Pure Reason / Ed. by P. Guyer. CUP, 2010. P. 346–379.
- Proietti C. Natural Numbers and Infinitesimals: A Discussion between Benno Kerry and Georg Cantor // History and Philosophy of Logic. 2008. No. 29 (4). P. 343–359.
- Robinson A. Non-standard Analysis. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1966. 293 p.
- Robinson A. Concerning Progress // The Philosophy of Mathematics. Studies in Logic and the Foundations of Mathematics. 1975. No. 80. P. 41–52.
- Russell B. The Principles of Mathematics. Cambridge: CUP, 1903. 534 p.
- Schulthess P. Introduction to: Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte // Cohen H. Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte. Hildesheim, Zürich, New York, 1984. S. 7–46.
- Veit B. Hermann Cohens Infinitesimal-Logik. Dissertation. Universität Würzburg, 2017. 175 S.
- Veronese G. Fondamenti di geometria a più dimensioni e a più specie di unità rettilinee esposti in forma elementare. Lezioni per la Scuola di magistero in Matematica. Padova, Tipografia del Seminario, 1891. 630 p.

Veronese G. Grundzüge der Geometrie von mehreren Dimensionen und mehreren Arten gradliniger Einheiten in elementarer Form entwickelt. Mit Genehmigung des Verfassers nach einer neuen Bearbeitung des Originals übersetzt von A. Schepp, Leipzig: Teubner, 1894. 710 S.

## Dimitry Gawronsky: Reality and Actual Infinitesimals

**Hernán Pringe** – Professor, PhD. Institute of Philosophy, Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas (CONICET), Universidad de Buenos Aires / Diego Portales University. Viamonte 430 Str., Buenos Aires, Argentina; e-mail: hpringe@gmail.com

The aim of this paper is to analyze Dimitry Gawronsky's doctrine of actual infinitesimals. I examine the peculiar connection that his critical idealism establishes between transcendental philosophy and mathematics. In particular, I reconstruct the relationship between Gawronsky's differentials, Cantor's transfinite numbers, Veronese's trans-Archimedean numbers and Robinson's hyperreal numbers. I argue that by means of his doctrine of actual infinitesimals, Gawronsky aims to provide an interpretation of calculus that eliminates any alleged given element in knowledge. The author emphasizes not the mathematical, but the transcendental or metaphysical aspect of Gavronsky's teaching. It follows from Gavronsky's doctrine that infinitesimals are the key to a correct philosophical explanation of the relationship between thinking and being: mathematics, and differential calculus in particular, turns out to be the means by which pure thought constructs being. Thus, we are talking about the conception of transcendental mathematics, which solves the problem of the applicability of mathematics to nature. Thus, nature is understood as a product of thought, created in accordance with the infinitesimal method: since thought creates natural objects in accordance with mathematical methods, the latter have the necessary reliability in relation to the former. The relevance of infinitesimals turns out to be Gavronsky's relevance of pure thought in the generation of being, and the first relevant product of pure thought is the reality of being.

**Keywords:** infinitesimals, differential calculus, Neo-Kantianism, Dimitry Gawronsky, Immanuel Kant, Marburg school, Hermann Cohen, Paul Natorp, transcendental philosophy

**For citation:** Pringe, H. Dmitrij Gavronskij: real'nost' i aktual'no beskonechno малы [Dimitry Gawronsky: Reality and Actual Infinitesimals], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 32–61. (In Russian)

## References

Bell, J. *The Continuous, the Discrete and the Infinitesimal in Philosophy and Mathematics*. Cham: Springer, 2019. 313 p.

Bos, H. Differentials, higher order differentials and the derivative in the Leibnizian calculus, *Archive for the History of Exact Sciences*, 1974, No. 14, pp. 1–90.

Bottazzi, E., Kanovei, V., Katz, M., Mormann, T. and Sherry, D. On mathematical realism and the applicability of hyperreals, *Mathematical Studies*, 2019, No. 51 (2), pp. 200–224.

Boyer, C. *The History of the Calculus and its Conceptual Development*. New York: Dover, 1949. 346 p.

Cantor, G. *Briefe*. Ed. by H. Meschkowski, W. Nilson. Berlin, 1991. 535 S.

Cantor, G. *Gesammelte Abhandlungen mathematischen und philosophischen Inhalts*. Hrsg. von Ernest Zermelo, nebst einem Lebenslauf Cantors von A. Fraenkel. Berlin, 1932. 486 S.

Cantor, G. *Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen*. Leipzig: B.G. Teubner, 1883. 47 S. Cantor, G. K ucheniyu o transfinitnom [Communications on the Theory of the Transfinite], in: *Works on Set Theory*, Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 268–325. (In Russian)

Cantor, G. K obosnovaniyu ucheniya o transfinitnykh mnozhestvakh [Contributions to the Justification of Transfinite Set Theory], in: *Works on Set Theory*, Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 173–245. (In Russian)

- Cantor, G. Mitteilungen zur Lehre vom Transfiniten, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1887, No. 91, pp. 81–125.
- Cantor, G. Osnovy obshchego ucheniya o mnogoobraznykh [Foundations of a General Theory of Manifolds], in: *Works on Set Theory*, Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 63–106. (In Russian)
- Cantor, G. O razlichnykh tochkhakh zreniya na aktual'no beskonechnoe [Concerning Various Perspectives on the Actual Infinite], in: *Works on Set Theory*, Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 262–268. (In Russian)
- Cantor, G. Rezension von: Hermann Cohen: Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik, *Deutsche Literaturzeitung*, 23. Feb. 1884. No. 5, S. 266–268.
- Cantor, G. Über die verschiedenen Standpunkte in Bezug auf das Aktuelle Unendliche, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1886. No 88, S. 224–233.
- Cassirer, E. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen, in: *Gesammelte Werke*, Bd. 1. Hamburg, 1998.
- Cassirer, E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik, in: *Gesammelte Werke*, Bd. 6. Hamburg, 2000.
- Cohen, H. *Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik*. Berlin, 1883. 162 S.
- Cohen, H. Einleitung mit kritischem Nachtrag zur Geschichte des Materialismus von F.A. Lange, in: Cohen, H. *Werke. Vol. 5. 3<sup>rd</sup> Edition*. Reedited by H. Holzhey. Hildesheim: Olms. S. 5–125.
- Cohen, H. *Kants Begründung der Ethik*. Berlin: F. Dümmers, 1877. 328 S.
- Cohen, H. *Kants Theorie der Erfahrung*, 2<sup>nd</sup> Edition. Berlin: F. Dümmers, 1885. 616 S.
- Cohen, H. *Logik der reinen Erkenntnis. System der Philosophie*, T. 1, 1<sup>st</sup> Edition. Berlin, 1902. 520 S.
- Cohen, H. *Teoriya opyta Kanta [Kant's Theory of Experience]*, per. s nem. V.N. Belova. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2012. 618 p. (In Russian)
- Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics*. Ed. by M. Bitbol, P. Kerzberg, J. Petitot, Cham: Springer Publ., 2009. 544 p.
- Dauben, J. *Georg Cantor: His Mathematics and Philosophy of the Infinite*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1979. 404 p.
- Dauben, J. *Abraham Robinson. The Creation of Nonstandard Analysis: A Personal and Mathematical Odyssey*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995. 580 p.
- Edel, G. *Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik. Die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Cohens*. Freiburg, München: Alber, 1988. 545 S.
- Ehrlich, P. The Rise of non-Archimedean mathematics and the roots of a misconception I: The emergence of non-Archimedean systems of magnitudes, *Archive for History of Exact Sciences*, 2006, No. 60, pp. 1–121.
- From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics, vol II*. Ed. by W.B. Ewald. Oxford, New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 2007. 1340 p.
- Ferrari, M. Dimitrij Gawronsky und Ernst Cassirer: Zur Geschichte der Marburger Schule zwischen Deutschland und Russland, in: *Gegenstandsbestimmung und Selbstgestaltung. Transzendentalphilosophie im Anschluss an Werner Flach*. Ed. by Ch. Krijnen, K. Zeidler. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011, pp. 89–106.
- Fisher, G. Veronese's Non-Archimedean Linear Continuum, in: *Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua*. Ed. by P. Ehrlich. Dordrecht: Springer, 1994, pp. 107–145.
- Fletcher, P., Hrbacke, K., Kanovei, V., Katz, M., Lobry, C., Sanders, S. Approaches to analysis with infinitesimals following Robinson, Nelson, and others, *Real Analysis Exchange* 2017, vol. 42, No. 2, pp. 193–252.
- Fraenkel, A.A. *Abstract Set Theory*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1953. 479 p.
- Fraenkel, A.A. *Recollections of a Jewish Mathematician in Germany*. Basel: Birkhäuser Cham, 2016. 234 p.
- Frege, G. Rezension von: H. Cohen, Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1885, No. 87, S. 324–329.
- Gawronsky, D. *Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen*. Marburg, 1910. 119 S.
- Giovanelli, M. *Reality and Negation. Kant's Principle of Anticipations of Perception*. Dordrecht: Springer, 2011. 252 p.

Giovanelli, M. Hermann Cohen's Das Princip der Infinitesimal-Methode: The history of an unsuccessful book, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2016, No. 58, pp. 9–23.

González P.M., *Estudos Neokantianos*, San Pablo, 2011. 322 p.

Holzhey, H. *Cohen und Natorp*, 2 vol. Basel, Stuttgart: Schwabe, 1986.

Kant and Neo-Kantianism. Ed. by D. Heidemann, *Kant Yearbook*, 2020 No. 12, Boston, Berlin: De Gruyter. 171 p.

Kant, I. Ob odnom otkrytii, posle kotorogo vsyakaya novaya kritika chistogo razuma stanovitsya izlishnei vvidu nalichiya prezhnei (Protiv Eberkharda) [On a Discovery According to Which Any New Critique of Pure Reason Has Been Made Superfluous by an Earlier One (Against Eberhard)], in: *Traktaty. Retsenzii. Pis'ma (vpervye izdannye v "Kantovskom sbornike")* [Treatises. Reviews. Letters (First Published in "Kantian Journal")], pod. red. L.A. Kalinnikova, Kaliningrad: RSU im. Kanta Publ., 2009, pp. 38–108. (In Russian)

Kant, I. *Gesammelte Schriften*, Hrsg.: Bd. 1–22 Preussische Akademie der Wissenschaften, Bd. 23 Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, ab Bd. 24 Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin, 1900 ff.

Kant, I. Sem' nebol'shikh zametok (1788–1791 gody) [Seven Small Notes (1788–1791)], per. s nem. A.I. Trotsaka, pod red. I.D. Koptseva, *Kantian Journal*, 2012, Vol. 3, pp. 66–73. (In Russian)

Kant, I. Kritika chistogo razuma: v 2 ch. Ch. 1 [The Critique of Pure Reason in 2 parts. Part 1], in: *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. T. 2* [Collected Works in Russian and German. Vol. 2]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 1081 p. (In Russian)

Kant, I. Kritika chistogo razuma: v 2 ch. Ch. 2 [The Critique of Pure Reason in 2 parts. Part 2], in: *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. T. 2* [Collected Works in Russian and German. Vol. 2]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 935 p. (In Russian)

Kanovei, V., Katz, K., Katz, M., Mormann, T. What makes a theory of infinitesimals useful? A view by Klein and Fraenkel, *Journal of Humanistic Mathematics*, 2018, No. 8 (1), pp. 108–119.

Kauark-Leite, P. The Transcendental Role of the Principle of Anticipations of Perception in Quantum Mechanics, in: *Constituting Objectivity: Transcendental Approaches of Modern Physics*. Ed. by M. Bitbol, P. Kerszberg, and J. Petitot. Cham: Springer Publ., 2009, pp. 203–213.

Kerry, B. Ueber G. Cantors Mannigfaltigkeitsuntersuchungen, *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1885, No. 9, S. 191–232.

Meschkowski, H. Aus den Briefbüchern Georg Cantor, *Archive for History of Exact Sciences*, 1965, No. 2, pp. 503–519.

Moore, M. A Cantorian Argument Against Infinitesimals, *Synthese*, 2002, No. 133, pp. 305–330.

Mormann, T., Katz, M. Infinitesimals as an issue of neo-Kantian philosophy of science, *Hopos: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*, 2013, No. 3 (2), pp. 236–280.

Mormann, T. Zur Mathematischen Wissenschaftsphilosophie des Marburger Neukantianismus, in: Damböck, C. *Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen*. Cham: Springer, 2018, S. 101–134.

Moynahan, G.B. The Challenge of Psychology in the Development of Cohen's System of Philosophy and the Marburg School Project, in: Damböck, C. *Philosophie und Wissenschaft bei Hermann Cohen*. Cham: Springer, 2018, S. 41–76.

Natorp P. *Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften*. Leipzig: Teubner, 1910. 416 S.

Natorp, P. Kant i Marburgskaya shkola [Kant and Marburg School], in: *Selected Works*, sost. V.A. Kurennoi. Moscow: Territoriya budushchego Publ. House, 2006, pp. 119–145. (In Russian)

Natorp P. Kant und die Marburger Schule, *Kant-Studien*, 1912, No. 17, S. 193–221.

Natorp, P. Zu Cohens Logik, in: Holzhey, H.: *Cohen und Natorp*, vol. 2. Basel, Stuttgart: Schwabe, 1986, S. 43–78.

Peiffer-Reuter, R. L'infini relatif chez Veronese et Natorp, in: *La mathématique nonstandard*. Ed. by H. Barreau, J. Harthong. Paris: Éd. du CNRS, 1989, pp. 117–142.

Petitot, J. Esthétique transcendantale et physique mathématique, in: *Neukantianismus. Perspektiven und Probleme*. Ed. by H. Holzhey, E.-W. Orth. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1994, S. 185–213.

Pollok, K. The "Transcendental Method". On the Reception of the Critique of Pure Reason in Neo-Kantianism, in: *The Cambridge Companion to Kant's Critique of Pure Reason*. Ed. by P. Guyer. CUP, 2010, pp. 346–379.

Proietti C. Natural Numbers and Infinitesimals: A Discussion between Benno Kerry and Georg Cantor, *History and Philosophy of Logic*, 2008, No. 29 (4), pp. 343–359.

*Real Numbers, Generalizations of the Reals, and Theories of Continua*. Ed. by P. Ehrlich. Dordrecht: Springer, 1994. 288 p.

Robinson, A. *Non-standard Analysis*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1966, 293 p.

Robinson, A. Concerning Progress, *The Philosophy of Mathematics. Studies in Logic and the Foundations of Mathematics*, 1975, No. 80, pp. 41–52.

Russell, B. *The Principles of Mathematics*, Cambridge: CUP, 1903. 534 p.

Schulthess, P. Introduction to: *Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte*, in: Cohen, H. *Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte*. Hildesheim, Zürich, New York, 1984, pp. 7–46.

Veit, B. *Hermann Cohens Infinitesimal-Logik*, Dissertation, Universität Würzburg, 2017, 175 S.

Veronese, G. *Fondamenti di geometria a più dimensioni e a più specie di unità rettilinee esposti in forma elementare. Lezioni per la Scuola di magistero in Matematica*. Padova, Tipografia del Seminario, 1891, 630 p.

Veronese, G. *Grundzüge der Geometrie von mehreren Dimensionen und mehreren Arten gradliniger Einheiten in elementarer Form entwickelt*. Mit Genehmigung des Verfassers nach einer neuen Bearbeitung des Originals übersetzt von A. Schepp, Leipzig: Teubner, 1894, 710 S.

## АРХИВ

*А.Д. Майданский, Е.Э. Иллеш*

### **Э.В. Ильенков и Московский логический кружок: материалы полемики**

**Майданский Андрей Дмитриевич** – доктор философских наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; ассоциированный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: amaid@rambler.ru

**Иллеш Елена Эвальдовна** – кандидат психологических наук, научный сотрудник. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: elillesh@gmail.com

В публикации освещается почти забытый спор между двумя течениями отечественной философии, возникшими на пороге «оттепели». Их лидерами стали вчерашние аспиранты МГУ Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. Спор развернулся вокруг методологии «Капитала» К. Маркса, а затем перерос в дискуссию о предмете диалектической логики и о специфике мышления. В архиве Ильенкова сохранились тезисы его выступлений и критические заметки о позиции Зиновьева и его сторонников из Московского логического кружка. Эти материалы публикуются ниже. В сопроводительной статье реконструируются контексты полемики – теоретические, историко-культурные и личностные – и взвешиваются аргументы сторон. Показана неправомерность характеристики Ильенкова как «гносеолога». Отстаиваемый им тезис о диалектическом тождестве мышления и бытия сводит на нет само различие между гносеологией и онтологией. Вскрыты кантианские истоки решения проблемы специфики мышления у Зиновьева и его учителей, профессоров МГУ. Все они декларировали различие между «субъективной диалектикой» в человеческой голове и «объективной диалектикой» внешнего мира – в противовес принципу тождества мышления и бытия, который расценивали как мистику «гегелянщины». Ильенков же указывал, что это тождество совершается перед нашими глазами на практике – в процессах человеческого труда.

**Ключевые слова:** диалектическая логика, гносеология, восхождение от абстрактного к конкретному, специфика мышления, тождество мышления и бытия, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, советская философия, Московский логический кружок

**Для цитирования:** Майданский А.Д., Иллеш Е.Э. Э.В. Ильенков и Московский логический кружок: материалы полемики // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2 С. 62–86.

**Финансирование:** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии».

Советская философия с момента её возникновения была служанкой марксистско-ленинской политической идеологии. Без учёта этого фактора понять эволюцию советской философии нельзя. Вместе с тем в её недрах текли процессы, подтачивавшие ленинский «принцип партийности» и власть идеологов над умами и перьями философов. Свобода мысли от рождения свойственна философии, а марксизм, как известно, родился из критики «идеологии вообще, немецкой в особенности».

После смерти «корифея всех наук» (1953) практически немедленно на свет появились два течения, претендовавшие на создание новой методологии научного мышления на основе обращения к «Капиталу» и рукописному наследию К. Маркса. Основатели этих течений, Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев, принялись реконструировать Марксов «метод восхождения от абстрактного к конкретному», видя в нём логику научного открытия, которую можно использовать в любых областях науки. С разницей в один год Ильенков (1953), а за ним Зиновьев (1954), защитили свои кандидатские диссертации на эту тему.

У каждого из них имелся свой круг последователей, как правило, более молодых, из послевоенного поколения. Между двумя «партиями» годами кипела полемика о предмете логики и природе логических «форм мышления». По многим причинам эта полемика не нашла прямого выхода в печать. Какие-то материалы её встречаются в архивных записях и воспоминаниях участников, в стенограммах конференций и диссертационных делах. Например, в деле М.К. Мамардашвили, у которого официальным оппонентом был Ильенков<sup>1</sup>.

Публикуемые впервые рукописи Ильенкова содержат наброски его выступлений 1950-х гг. и критические заметки по поводу работ Александра Зиновьева, его близкого друга по жизни, соавтора институтской стенгазеты и непримиримого оппонента в науке<sup>2</sup>.

Позиция Зиновьева получила известность несколько позже. Ильенков с его другом В.И. Коровиковым преподавали на факультете и имели возможность обращаться в свою «веру» студентов, в то время как Зиновьев ещё доучивался в аспирантуре. По воспоминаниям Мамардашвили, когда он штудировал диссертацию Ильенкова, ему ничего не было известно о готовящейся диссертации Зиновьева и уже шедшей полемике:

Обо всём этом я понятия не имел, и по содержанию, воспользовавшись наработанным Ильенковым, шёл дальше в своих собственных представлениях, критически отталкиваясь от стиля и решений, им предложенных. Потом это отталкивание совпало с существовавшей полемикой... [против] ильенковщины, скажем так, а водоразделом оказалось то, что мы называем гегельянщиной и онтологизацией приёмов и способов мысли в виде свойств мира<sup>3</sup>.

Полемика была избран, по взаимному согласию сторон, «Капитал».

Обвинения в «гегельянщине» адресовали Ильенкову не только Зиновьев со товарищи, но и старая гвардия сталинского призыва, от декана В.С. Молодцова до З.Я. Белецкого и (несколько неожиданно) Б.М. Кедрова. Главным основанием для критики послужил ильенковский тезис о тождестве мышления и бытия и, как следствие, о совпадении логики и гносеологии – с онтологией. Одновременно противники Ильенкова

<sup>1</sup> Материалы дела с развёрнутым комментарием были недавно опубликованы: Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+, 2023. С. 253–297. В Послесловии обрисованы обстоятельства и контексты полемики Ильенкова с зиновьевцами, к числу которых принадлежал и «ранний» Мамардашвили.

<sup>2</sup> О том, как непросто, порой драматически, развивались их личные отношения см.: Илеш Е.Э. «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.

<sup>3</sup> Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, т.е. случайно // Вопросы методологии. 1991. № 1. С. 45.

прозвали его «гносеологом», демонстрируя тем самым полное непонимание его позиции. Ведь если формы мышления и бытия *тождественны*, то само различие гносеологии и онтологии лишается смысла. Точнее сказать, оно *снимается*, превращаясь в снятое различие, в различие *внутри тождества*.

У Ильенкова речь идёт, конечно, не об элейском (т.е. формальном) тождестве мышления и бытия: «одно и то же мыслить и быть», – но о диалектическом *тождестве различённого*. Каждая категория диалектической логики является формой мышления, выражающей особую форму бытия. Мышление есть *выражение* бытия, или *отражение* бытия в нём самом. В таком случае в мышлении нет и не может быть ни одной категории, которая бы не являлась отражённой (рефлексивной) формой бытия.

Ещё Г.В.Ф. Гегель передал категории онтологии в ведение «объективной логики», а категории старой теории познания и силлогистики отошли к «субъективной логике». При этом он оговаривается, что «логическое следует вообще понимать... как систему определений мышления, в которой противоположность между субъективным и объективным (в её обычном значении) отпадает»<sup>4</sup>.

Соглашаясь с таким пониманием «логического», Ильенков, однако, отвергает приводимый Гегелем довод в пользу тождества субъективного и объективного, мышления и бытия. Ссылаясь на «древних философов», учивших, что миром правит разум, Гегель превращает мышление в объективный закон мироустройства. Ильенков же *переосмысливает понятие субъективного*.

Уже в своей кандидатской диссертации, писавшейся на закате сталинской эпохи, Ильенков предлагает понять субъективное как форму практической деятельности человека. «Субъективное» перестаёт быть синонимом «духовного» или процессов, протекающих в мозгу, где-то в толще серого вещества. Различие субъективного и объективного есть различие двух сторон, или «моментов», *трудовой деятельности* общественного человека, или, что то же самое, *практики* преобразования мира человеческим трудом.

Если это и «гегельянщина», то материалистически переосмысленная, поставленная с головы на ноги. Человек выступает как «субъект» не только когда он мыслит, «шевелит извилинами», но и когда он трудится, формируя вещество природы в соответствии со своими потребностями. Выделение мышления в особое занятие, в профессию, происходит вследствие *разделения труда* на физический и духовный.

В процессе труда природа субъективируется, «распредмечивается», а мысли, идеи объективируются, «опредмечиваются» в природном веществе. Таким образом, труд есть не что иное, как процесс взаимного превращения объективного и субъективного, наглядное, практически истинное «тождество» того и другого. Отождествление мышления и бытия совершается перед глазами у всех и каждого, мало того, оно *производится* нашими собственными руками, когда мы делаем ими какие-нибудь полезные вещи:

Производство выступает в качестве непосредственного *единства* субъекта и объекта... Чем богаче развита *производящая природа человека*, тем больше природа становится природой для человека, тем больше сторон, свойств, качеств, закономерностей внешней природы становятся «полезными» человеку, тем больше *совпадают, сливаются* в реальном материальном процессе производства «субъективное» и «объективное»... Различие *субъективного и объективного* у Маркса впервые утратило характер различия между духом и материей и было понято в своей основе как различие *внутри материи*, как различие между теми сторонами природы, которые уже стали предметом

<sup>4</sup> Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 121.



материально-практического человека, и всем богатством объективной природы вне человека<sup>5</sup>.

Эти строки взяты нами из кандидатской диссертации Ильенкова, но не из официальной версии, а из той, что писалась им «по гамбургскому счёту», без оглядки на мнение научного руководителя (Т.И. Ойзерман оставил массу неодобренных замечаний на полях рукописи и всё допытывался: «а где это у Маркса?»). В итоге Ильенков счёл за лучшее убрать свою рукопись в стол и за оставшиеся до конца аспирантуры полгода написал новый текст объёмом около 12 авторских листов, который без особых проблем удалось защитить.

Предлагаемая читателю работа «О тождестве и различии между “логическими” и “онтологическими” определениями (категориями)» является частью спора Ильенкова с противниками принципа тождества, в первую очередь – из Московского логического/методологического кружка<sup>6</sup>. Тогда в него входили Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, Н.Г. Алексеев, В.А. Костеловский, уже упомянутый Мамардашвили и собственно «Основатель», как именует себя в своих мемуарах Зиновьев<sup>7</sup>. Это и есть те самые не названные Ильенковым по имени логики-методологи, которым, по его словам, «словечко “специфика” начинает казаться панацеей, спасением от бесплодного нагромождения “примеров”». Именно они предлагали «исследовать “специфику” проявления всеобщих законов и форм диалектического развития в разных областях действительности и познания – “специфику” как бытия, так и мышления»<sup>8</sup>.

«Постулат специфики» мышления и бытия выдвигался против «принципа тождества». Спасение от мистики «гегельянщины» нашлось в логике «кантианщины». Не кто иной, как Кант, резче всех подчёркивал специфичность процессов мышления и объявил «догматиками» приверженцев принципа тождества мышления и бытия. Знаменитый «коперниканский поворот» Канта вырыл непреодолимую пропасть между «мыслить» и «быть», между миром вещей в себе и познающим субъектом. Кантовская логика занимается исключительно специфичными для мышления формами восприятия и суждения. На том твёрдо, как Лютер, стоят и все неокантианские школы.

«Гносеологами», в полном смысле этого слова, были на самом деле участники Московского логического кружка, а не Ильенков с Коровиковым. «Конституирование “гносеологии” в особую науку и исторически, и по существу связано с широким распространением неокантианства», – отмечал Ильенков<sup>9</sup>. Это общеизвестный факт. Объявить кого-либо «гегельянцем» и одновременно, не переводя дыхания, «гносеологом» были способны лишь слабавато подкованные выпускники Института красной профессуры, вроде Молодцова с Гагариным (пара деканов МГУ времён Ильенкова).

Зиновьев и «младокантианцы» не имели намерений превращать термин «гносеолог» в ярлык для своих оппонентов. Зиновьев определял гносеологию как «обобщённое описание действий» познающего субъекта, в то время как онтология

<sup>5</sup> Ильенков Э.В. Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса «К критике политической экономии» // Ильенков Э.В. Логика Маркса: Собр. соч. Т. 7. М., 2023. С. 261–268.

<sup>6</sup> В архиве есть ещё одна работа на эту тему, где прямо названо имя Мамардашвили: Ильенков Э.В. О различии между «логическими» и «онтологическими» определениями // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2017. С. 343–354.

<sup>7</sup> Зиновьев и Мамардашвили довольно быстро прекратили участие в собраниях, на смену им пришли ещё полдюжины молодых голов.

<sup>8</sup> См. ниже: Приложение 1. Ильенков Э.В. О тождестве и различии между «логическими» и «онтологическими» определениями (категориями).

<sup>9</sup> Ильенков Э.В. Ленинская идея совпадения логики, теории познания и диалектики // Философия и естествознание / Под ред. М.А. Маркова и др. М., 1974. С. 41.

занимается «обобщённым описанием эмпирических объектов»<sup>10</sup>. Наряду с логикой, изучающей «языковые средства» познания, гносеология с онтологией образуют разделы «интеллектологии», науки о «логическом интеллекте», которой, как свидетельствует сам Зиновьев, он занимался с 1951 г. (когда поступил в аспирантуру).

Метод восхождения от абстрактного к конкретному Зиновьев трактовал как специфический «приём мышления», не выражающий ровным счётом ничего объективного – как чисто субъективную «форму мысли»<sup>11</sup>. В мире «эмпирических объектов» нет ничего, что соответствовало бы такого рода «приёмам». Осуществляемая с их помощью «связь абстракций» отлична от реальной связи мыслимых вещей. Один и тот же предмет можно познать разными «приёмами», так же как носок можно связать спицами с помощью различных техник, каждая из которых вполне субъективна. Изобретение и использование технических приёмов познания и составляет предмет изучения гносеологии.

Для Ильенкова же восхождение от абстрактного к конкретному – это объективно реальная форма развития любых природных и общественных вещей, отражаемая в движении понятий. Всякий конкретный (= целостный) предмет развивается из «клеточки», которая на первых порах своей истории является абстрактным (= односторонним) моментом иного «органического целого», элементом иной системы. Например, товарный обмен возникает в системе натурального производства как случайный момент взаимосвязи между продуктами труда (первую форму стоимости Маркс поэтому именует «единичной, или случайной»). Со временем стволовая «клеточка» товарных отношений развивается в рынок, возникает товарное производство, и, в конце концов, на этой основе образуется целая экономическая формация. Так, в двух словах, выглядит эволюция товара «от абстрактного к конкретному», и Маркс нашёл тот единственный метод, который только и позволяет её понять. Благодаря этому открытию ход теоретической мысли совпал с ходом вещей, мышление достигло «тождества» с бытием и наступил *момент истины* (тождество мысли с предметом и есть не что иное, как истина, согласно её классическому определению).

Эту логику восхождения к конкретному тождеству мышления и мыслимого предмета Мамардашвили и называет «онтологизацией приёмов и способов мысли в виде свойств мира». Здесь он, как и остальные участники логического кружка, солидарен со своими факультетскими наставниками. Те тоже, как вспоминает В.А. Лекторский, «подчёркивали различие, несовпадение: субъективная диалектика – в голове человека, а объективная диалектика – учение о мире, о процессах, которые в мире происходят»<sup>12</sup>. Так учили не только «красные профессора», но и серьёзные специалисты по логике уровня В.Ф. Асмуса и С.А. Яновской. И с ними тоже Ильенков, вчерашний аспирант, не стеснялся вступать в жёсткую очную полемику, когда те оказывались «по одну сторону баррикады вместе с И. Кантом»<sup>13</sup>.

По той же причине Ильенков в предлагаемой работе обращается к аргументам Фихте и Гегеля против Канта, вместе с тем показывая, что субъективистская традиция в логике, в лице Карнапа и Витгенштейна, неизбежно оканчивается уходом в область языка и «знаковых операций». Такую эволюцию проделывал на глазах

<sup>10</sup> Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 42.

<sup>11</sup> «С учётом сказанного мы в дальнейшем будем термин “форма мысли” употреблять в смысле субъективной связи, структуры» (Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2022. С. 26).

<sup>12</sup> Лекторский В.А. Глазами очевидца // Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2016. С. 11.

<sup>13</sup> Ильенков Э.В. Концепция диалектики у С.А. Яновской // От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2017. С. 343.

Ильенкова и его друг «Сашка» (как близкие друзья звали Александра Зиновьева). Он ушёл в формальную логику, задачу которой, вслед за неопозитивистами, усматривал в «усовершенствовании языка», и принялся разрабатывать «правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями»<sup>14</sup>.

Собственно говоря, и сам Ильенков понимал предмет формальной логики так же. Он ни в коей мере не отрицал ценность формально-логического исследования языковых форм, как это часто изображают критики Ильенкова. Другое дело, что он считал «языковые средства» *внешними формами выражения* мышления, строжайшим образом отличая их от *внутренних, категориальных форм* познания мира, изучаемых в диалектической логике.

В архиве Ильенкова сохранились листы к какому-то выступлению (название и дата не сохранились). Одно место, касающееся Зиновьева и формальной логики, мы хотели бы привести целиком.

То, что называют «специфическими формами и законами мышления» формальные логики, есть на самом деле специфические формы и правила (а не «законы», ибо «законов» нарушать нельзя – в этом весь смысл категории «закон») выражения процесса мышления в речи, в языке, в лингвистических структурах и знаковых системах, «каркасах» и т.п. «внешних формах» мышления.

Поэтому я думаю, что тот же А.А. Зиновьев занимается нужным и важным для людей науки делом, исследуя эти *внешние* формы движения мышления как субъективного процесса, или же мышление со стороны форм его выражения в языке. «Язык» тут – в широком смысле слова, в том смысле, в каком его и понимают формальные логики.

Я совершенно искренне думаю, что такое исследование имеет свой реальный предмет и помогает многое понять именно в процессе мышления, то есть в предмете подлинной Логики, ибо *формы проявления* любого процесса (в том числе и мышления) надо изучать не менее тщательно, чем внутренние законы, управляющие движением этих форм, не менее тщательно, чем диалектические законы мышления, чем законы и категории диалектики.

Понятно, что языковые, знаково-символические формы никогда не совпадают с формами бытия реальных вещей. У них свои правила и своя специфика. Верховным законом для них является запрет противоречия в определениях одной и той же вещи и т.д. Весь этот формально-логический скаруб Ильенков отвергать и не думал.

Типичное для формальных логиков заблуждение начинается там, где они выдают эти формы *выражения* мысли за формы её реального *осуществления* (принимая внешние логические формы за внутренние), когда утверждают, что движение этих языковых форм и есть процесс мышления, а мышление представляют как внутреннюю речь:

Такое понимание, оправданное и законное в психологии, сразу же оказывается недопустимо узким и потому ложным, как только его переносят без корректив в логику... Под мышлением при этом понимают *нечто вроде внутренней речи*, нечто вроде немого монолога и потому исследуют это мышление лишь постольку, поскольку оно выражено или выражается в виде речи внешней – устной или письменной «экспликации». Вот это-то старинное, ходячее и на первый взгляд самое «естественное» представление о мышлении, распространённое именно в силу своей кажущейся естественности, и лежит в основе огромного числа логических теорий<sup>15</sup>.

Для Ильенкова же подлинная специфика процесса мышления заключается в *идеальной чистоте отражения* законов, причинно-следственных связей и форм развития мыслимых вещей. Специфика логических категорий – в их *всеобщности*

<sup>14</sup> Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 42–43.

<sup>15</sup> Ильенков Э.В. Гегель и проблема предмета логики // Философия Гегеля и современность / Под ред. Л.Н. Суворова и др. М., 1973. С. 125.

и универсальности, а не в их отличии от «бытия» и его реальных форм. Мышление позволяет человеку выразить суть дела и воспроизвести предмет «как есть», не принося в его понятие никакой субъективной «отсебятины» и не изменяя сам реальный объект как таковой. В этом и состоит природа мышления и его специфика как предмета Логики.

Безусловно, у мышления имеются и свои специфически-субъективные формы языкового выражения, разные для разных культур, и особые материальные формы осуществления в мозгу и в поведении человека. Такого рода «специфика» мышления изучается не только в формальной логике, но и в лингвистике, психологии, физиологии высшей нервной деятельности и иных науках о человеке как мыслящем существе. Логика с большой буквы, диалектическая, не может и не должна покушаться на их законные владения, равно как и они, в свою очередь, не имеют права претендовать на понимание *идеальной природы* мышления – мысли как таковой, «в собственном соку».

В помещаемых ниже материалах из домашнего архива Ильенкова собраны все его уцелевшие комментарии к работам Зиновьева, начиная с его кандидатской диссертации и заканчивая листом, в котором им дана нелюбезная оценка эволюции логических взглядов Зиновьева.

В конце 1960-х гг. их старая дружба кончилась, а философские дороги разошлись ещё раньше. Разошлись и дороги житейские. Зиновьев стяжал немалую славу на Западе, а вернувшись в постсоветскую Россию, был принят на государственном уровне и принялся защищать сталинизм (Ильенкову органически ненавистный).

«У меня были с Зиновьевым хорошие отношения, пока он не расплевался с марксизмом в логике и не стал издеваться над диалектической логикой», – скажет Ильенков на заседании партийной комиссии по делу Зиновьева<sup>16</sup>. И это был самый жёсткий упрек, высказанный им в адрес «Сашки» публично. Он очень переживал разрыв дружеских отношений и скандальный отъезд Зиновьева. Ну а тот ни в своих мемуарах, ни в стенах МГУ по возвращении на родину не найдёт для бывшего друга ни одного доброго слова – ничего, кроме пренебрежительных реплик и обвинений.

Так завершился спор, начавшийся когда-то на полях Марксова «Капитала».

---

<sup>16</sup> Ильенкова включили в эту комиссию как человека, некогда давшего Зиновьеву рекомендацию для вступления в КПСС. Подробнее см.: *Илеш Е.Э.* «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.

## Приложение 1

**О тождестве и различии между «логическими»  
и «онтологическими» определениями (категориями)<sup>1</sup>**

В этой форме в последнее время часто встаёт вопрос о путях и способах разработки как диалектики, так и логики.

Возник он непосредственно на почве неудовлетворённости тем способом разработки и изложения (соответственно, изучения) диалектики как науки, при котором она сводится к «сумме примеров», подтверждающих одни и те же, уже известные всеобщие истины.

Всем ясно, что содержание самих формул ни на йоту не обогащается от того, что их подтверждали «современными» примерами. Когда закон перехода количественных изменений в качественные иллюстрируют не кипением воды в кастрюле, а моментом взрыва атомного заряда при достижении им критической массы, то это ровно ничего не изменяет в формулировке самого закона.

Правда, некоторые авторы думают, что в этом и заключается конкретизация диалектических формул, их «конкретное» раскрытие. В одних, мол, условиях, закон диалектики проявляет себя так, в других – эдак, в одних условиях он «применяется» так, а в других – так. Поэтому главный путь разработки диалектики состоит в том, чтобы исследовать «формы проявления» законов диалектики в различных областях действительности и познания – показывать «специфичность» их проявления в биологии, в химии, в истории познания и т.д. и т.п. Но это, как нетрудно понять, лишь разновидность всё того же сведения к сумме примеров.

Возникает сомнение: может быть, дело не в количестве «черт»? Если взять не четыре<sup>2</sup>, а шестнадцать, двадцать четыре или четырёста двадцать черт (законов, формул и т.д.), то изменится ли от этого дело? Ведь эти «подтверждаемые» формулы по-прежнему будут выражать то абстрактно-общее, что одинаково свойственно и мышлению, и бытию (а бытие – это природа плюс общество), и не будут выражать ни специфики «мышления», ни «специфики» бытия.

Отсюда часто и делается вывод, что вообще уже незачем возиться с разработкой диалектики в её всеобщей форме. От неё, де, надо уйти в «конкретную» разработку, в исследование диалектики биологических процессов, диалектики развития языка, диалектики, наконец, самого «процесса познания» и т.д. и т.п. Надо исследовать «специфику» проявления всеобщих законов и форм диалектического развития в разных областях действительности и познания – «специфику» как бытия, так и мышления.

Словечко «специфика» начинает казаться панацеей, спасением от бесплодного нагромождения «примеров».

Это рассуждение применяется и к логике, как науке о «мышлении». Логика это-де, такая же специальная наука, как физика или математика, как биология или политэкономия. Стало быть, она, как и любая другая наука, должна выяснять не то «общее», что её предмету свойственно вместе с любым другим предметом, а «специфическое».

Отношение диалектики к логике с этой точки рисуется тем же самым, что и отношение диалектики к химии, к психологии, к математике и т.д. Диалектика-де, рас-

<sup>1</sup> Девять пронумерованных машинописных страниц. Работа оставлена неоконченной, стр. 3–4 не сохранились. (Сноски и примечания здесь и далее наши. – А.М., Е.И.)

<sup>2</sup> Имеются в виду четыре «основных черты марксистского диалектического метода» в сталинском «Кратком курсе»: (1) всё в мире взаимосвязано, (2) всё изменяется и развивается, (3) количественные изменения переходят в качественные, (4) развитие совершается в борьбе противоположностей.

крывает абсолютно всеобщие формы и законы всего существующего, и её категории по отношению к категориям логики, химии, физиологии и прочих наук суть «родовые понятия», абстракции, в которых погашена специфика мышления, как и специфика любой другой области исследования. Логика же исследует именно «специфику» мышления.

На первый взгляд эта точка зрения кажется весьма убедительной и плодотворной, по крайней мере для логики. Однако она молчаливо предполагает, что диалектика уже по существу исчерпала себя в качестве науки и что «всеобщие формы и закономерности природы, общества и мышления» уже всем давно ясны и разработаны в их содержании. Речь отныне может идти только о том, чтобы расследовать, как эти законы проявляются в сугубо конкретных условиях, как они обнаруживаются в химических, экономических, логических и т.д. явлениях.

Исследование «всеобщих форм и закономерностей» начинает казаться, по своему своему намерению, бесплодным. Более того, само представление о «всеобщих» (т.е. тождественных и мышлению и бытию) формах и закономерностях молчаливо признаётся синонимом гегелевского понимания предмета философии. Это Гегель, де, исследовал «формы тождества мышления и бытия», законы, тождественные процессу мышления с любым другим процессом. Эта задача имела, мол, кое-какое оправдание в начале XIX века, но никакого оправдания не имеет ныне, в XX веке...

Неслучайно в последнее время Гегеля часто упрекают не за идеалистическое толкование «тождества» законов мышления и законов предметной действительности, а за самое признание такового «тождества»; сам тезис о «тождестве мышления и бытия» объявляется синонимом идеализма его концепции. Стараясь выявить лишь формы и законы, «общие» мышлению с бытием, он остался, дескать, слеп к специфике и того и другого: «бытия», с одной стороны, и «мышления» – с другой.

Заслуга Маркса с этой точки зрения рисуется так: он понял бесплодность поисков законов и форм, общих «бытию вообще», и стал исследовать специфические законы и формы «конкретного бытия», непосредственно – экономики капитализма.

Поэтому всякий разговор о «всеобщих» формах и закономерностях неизбежно возвращает философию к точке зрения Гегеля.

<...> В конце концов логика является наукой о тех формах и законах, которые остаются инвариантными, идёт ли речь о «бытии» (разумеется, в позитивистском понимании), или же о самом мышлении, о формах тождества мышления и бытия, «логических» и «реальных» отношений, о формах, безразличных к пресловутой «специфике» как мышления, так и предметной действительности.

Это и неудивительно, ибо «тождество» законов мысли и законов предмета мысли (как бы последний ни понимался – материалистически, объективно-идеалистически или на манер субъективного идеализма) есть вообще естественная точка зрения логики. Альтернативой к «тождеству» оказывается взгляд, согласно которому один и тот же человек должен мыслить «предметную действительность» по одним правилам и законам, а мыслить о мышлении – совсем по другим, не имеющим ничего общего с первыми. Получается, что в человеке допускается как бы два совсем различных и несоизмеримых между собой «мышления». Мышление о фактах – это одно, а мышление о мышлении – другое «мышление». Иными словами, дуализм в понимании законов мышления и законов бытия ведёт и к дуализму в понимании самого мышления. В этом случае получается, что мышление учёного-логика и мышление естествоиспытателя – это тоже два принципиально не согласуемых типа мышления, каждый из которых протекает по «правилам», не имеющим ничего общего. В таком случае нет правил, одинаково обязательных и для логика, и для естествоиспытателя, хотя эти правила и формулирует не кто иной, как логик...

Отрицание «тождества» мышления и предметности равнозначно самоупразднению логики, ибо в этом случае логик и естествоиспытатель также мало нужны друг другу и также мало могут понять язык друг друга, как, скажем, математик и папуас. В таком случае «правила», разрабатываемые логикой, имеют значение только для самой чистой логики и никакого значения – для математика или биолога, для зубного врача или папуаса. Поэтому, собственно, в истории логики нельзя указать ни одного сколько-нибудь последовательного автора, который бы не принимал (тайно или явно, прямо или окольным путём) тезиса о тождестве законов мышления и законов «мыслимого» (то есть «действительности» в том или ином её понимании).

В противном случае неизбежно получается не только полный разлад логики с естествознанием, но и кое-что похуже, а именно, что логика может позволять себе всё то, что она запрещает всем другим наукам, и запрещать себе всё то, что она толкует как всеобщие обязательные для всех остальных наук нормы.

В таком нелепейшем положении Гегель блестяще уличил кантовскую концепцию, внутри которой Логика являет собой образец плохого следования тем самым правилам, постулируемым как правила, без соблюдения коих не может быть никакой «научности».

Кантовская логика, например, исходит из того, что «предмет» и его «явление» в формах сознания – это принципиально разные вещи. В логике же, как науке, принимается как раз обратный принцип: предмет и есть понятие, и есть форма сознания. Любой другой науке Кант разъясняет, что «форма знания» – это одно, а «содержание знания» – другое. В логике же принимается обратное положение: содержанием её оказывается как раз «чистая форма». В результате дуализм между предметностью и мышлением в системе Канта неизбежно выступает как дуализм внутри самого же мышления, как роковая невозможность соблюсти «тождество» в системе определенных «чистого разума»: непреходимая антиномичность основоположений рассудка – и их результатов в сфере анализа разума, высшей синтетической способности ума. Учение о мышлении, исходящее из непреодолимого дуализма форм и законов предметности, с одной стороны, и форм и законов мышления – с другой, воспроизводит внутри себя тот же самый дуализм, доходящий до антиномической остроты.

Поэтому, собственно, после Канта ни один сколько-нибудь последовательно мыслящий логик и не строил уже Логик на основе принципа «различия» между мышлением и предметностью, между законами того и другого. На этой основе оказалось невозможным в принципе, по самому существу дела, построить «непротиворечивую» логику, учение о мышлении, соблюдающее тот принцип, который постулируется как высший и исходный.

Все без исключения послекантовские попытки строить логику основываются на том или ином способе упразднить «различие» между мышлением и бытием в самом начале, в самом фундаменте построения. Все эти попытки идут либо по линии объективного идеализма, рассматривающего понятие как «подлинную» форму предметного мира вне головы человека, либо по линии субъективного идеализма, который старается представить «предмет» как феномен в сознании, то есть как «понятие» в субъективном смысле, либо, наконец, по линии материализма.

Материалистическое решение проблемы логики было достигнуто только Марксом и Энгельсом, на почве диалектики. Об этом придётся говорить ниже, после предварительного обзора других попыток.

Факт остаётся фактом: после Канта любая попытка строить логическую теорию исходит из тезиса о *тождестве* мышления и бытия, понятия и предмета, формы мыслящей деятельности и формы «мыслимого» материала, ибо в противном случае не может быть достигнуто тождество мышления с самим собой, тождество законов мышления логика и законов мышления естествоиспытателя.

Борьба после Канта разворачивается уже не по вопросу о том, принять или не принять такое «тождество», а исключительно о том, как понимать природу этого тождества.

Вопрос о «тождестве» форм мышления и форм предметности встал теперь так: обязана ли сама Логика (как научная теория) соблюдать те самые правила и принципы мышления, которые она диктует всем другим наукам в качестве всеобщих и необходимых условий достижения истины, или же она вправе позволять себе, и только себе, игнорировать их?

Вопрос, казалось бы, чисто риторический. Так его и сформулировал уже Фихте, обозвав Канта – и не без оснований – «драйфиртелькопфом»<sup>3</sup> за то, что Кант в своём учении о мышлении допускает прямое отступление от тех всеобщих оснований, которые это учение призвано обосновать. Согласно самому же Канту, указывает Фихте, мы знаем «мир» только таким, каким мы его знаем, каким он дан нам в формах нашего мышления. Это положение абсолютно истинно как тавтология, положение чисто аналитического свойства, просто разъясняющее смысл «понятий», то бишь терминов.

Но в таком случае понятие «вещи в себе», т.е. вещи, какой она существует до её вступления в наше сознание, есть очевидная бессмыслица, очевидное нарушение закона «тождества» и «запрета противоречия». Если такая вещь «мыслится», то она также находится в нашем мышлении. Если же это – нечто, находящееся вне мышления, то она не мыслится нами. Как следствие, падает и тезис Канта, что формы явления вещи нашему сознанию есть нечто иное, чем формы её бытия до вступления в наше сознание. Ведь этот тезис предполагает понятие вещи в себе, понятие внутренне противоречивое, понятие объекта, о котором мы не имеем никакого понятия и ничего не можем сказать – ни того, что эта вещь такая же, какой мы её мыслим, ни того, что она не такая. Кант же всё-таки утверждает, что она «не такая», т.е. совершает запретный оборот мысли, делает прыжок от мысли – к бытию, к «трансцензусу».

Если, продолжает Фихте, вещь в себе есть понятие, вообще недопустимое в философии, то вопрос об отношении форм мышления (форм, в которых нам является вещь) к формам бытия вещи в себе (к формам, в которых она нам не является) – это тоже вопрос бессмысленный, «метафизический».

Вопрос об отношении форм мышления к формам предметности в его рациональном виде есть просто вопрос об отношении форм деятельности мышления – к формам его продукта, вопрос об отношении мышления к самому себе. А задача философии заключается в том, чтобы вторично, с сознанием, воспроизвести все те представления и понятия, которые мы раньше продуцировали совершенно бессознательно, не отдавая себе отчёта в том, что и как мы на самом деле делаем.

«Тождество» мышления и мыслимого здесь опять допускается, но уже на почве последовательного субъективного идеализма. Это тождество имеет место внутри мышления сначала бессознательно, а затем – сознательно.

Это – классический пример критики Канта «справа». Современные неопозитивисты, претендующие на новое слово в решении этой проблемы, на деле воспроизводят ту же самую аргументацию, только не рассуждают столь ясно и чётко, как Фихте.

«Тождество понятия и его предмета» – это исходный пункт и Карнапа, и Витгенштейна, то есть тех самых мыслителей, которые фыркают на всю классическую

<sup>3</sup> Фихте – Рейнгольду, 18 июля 1880 г.: «Я приписываю изобретение трансцендентального идеализма Канту... но не “трём четвертям головы” персонально Канта (nur nicht dem “dreiviertel Kopf” individuellen Kant), а времени и Духу святому в Канте» (Johann Gottlieb Fichte's Leben und litterarischer Briefwechsel. Sulzbach, 1831, Bd. 2, S. 320).



философию, обвиняя её в «мистическом» отождествлении мышления и бытия, в «субстанциализации понятий» и прочих грехах.

Карнап, например, начинает с того, что объявляет «понятие» и «предмет» синонимами – по крайней мере, в логике как науке. В логике это синонимы уже потому, что «понятие» и есть «предмет» логики, а любой другой «предмет» принимается логикой во внимание лишь постольку, поскольку он уже выступил в мышлении, то есть предстал как «понятие».

Раз «понятие» есть такой же «предмет исследования», как и любой другой, то «предмет» и определяется как «родовое понятие», охватывающее и «предмет», и «понятие». Логика как наука в ряду других наук и выражает формы и закономерности, одинаково значимые и для «предмета», и для «понятия». Проводить различие между «понятием» и «предметом» логика как наука не может – в противном случае возникнет нужда ещё в одной науке, которая излагала бы принципы, одинаково значимые для любой науки, стало быть, и для логики. Различие между «понятием» и «предметом» вовсе не касается логики, это – чисто психологическое различие.

Спор о том, что означает известный «предметный знак» (т.е. словесный символ) – «предмет» или же «понятие», о том, касается ли известное положение (высказывание, Satz) «предмета» или «понятия» – это с точки зрения Логики праздный спор о названии. Логика должна формулировать лишь такие положения, которые остаются инвариантными, тождественными, идёт ли речь о «предмете» или о «понятии». Поэтому спор о том, что они выражают, не касается существа, значения, «функции» этих положений. Лишь логически не просвещённые философы способны принимать этот спор о способе словесного выражения одного и того же за принципиальную борьбу «реализма с идеализмом». Язык Логики нейтрален, её положения остаются теми же самыми, как их ни толкуй, относи их к «предмету» или к «понятию». Спор о том, что именно они выражают, не касается их собственного содержания, – это связано, мол, с самим существом логики как науки, излагающей правила и принципы построения любой теории, в том числе и теории мышления, то есть самой же Логике. В противном случае это будет уже не логика, а психология, выявляющая в мышлении те моменты, которые отличают, и только отличают, «мышление» как особый предмет – от предмета физики, химии, астрономии и прочих наук, те моменты, которые не имеют никакого значения ни для физики, ни для химии, ни для политэкономии.

Эта «нейтральность» положений логики вытекает прямо из того, что логика выражает те всеобщие принципы, которым любая другая наука подчиняется так же, как и сама логика, учение о понятиях. Стало быть, нейтральность её положений предполагается уже её предметом, предполагается тем, что её положения имеют силу и по отношению к «предмету», и по отношению к «понятию», одинаково значимы и для физики, и для химии, и для самой логики как теории.

«Мы можем, однако, пойти ещё дальше, и сказать прямо, не приводя здесь дальнейших оснований, что понятие и его предмет – это одно и то же. Но это тождество не означает субстанциализации понятия, а, скорее, как раз обратное – “функционализацию” предмета»<sup>4</sup>.

Здесь мы имеем дело с последовательно проведённой субъективно-идеалистической версией «тождества» законов мышления и законов «предмета» мышления. «Тождество» того и другого принимается здесь как факт, связанный с тем, что предмет берётся только в том виде, в каком он «функционирует» в нашем мышлении, в том виде, в каком он существует в сознании человека, под черепной коробкой мыслящего субъекта, – только как смысловое значение известного «предметного знака», и никак иначе.

<sup>4</sup> Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. Berlin-Schlachtensee, 1928. S. 6.

Предмет есть то, что я имею в виду, произнося известный термин, – вот исходная точка рассуждений Карнапа, его дефиниция предмета. Если эту дефиницию принять, то, естественно, «предмет» и «понятие» оказываются синонимами.

Поэтому задача Логике как науки естественным образом сводится к прояснению «смысла слов» и к установлению единообразия в их употреблении, в правилах их сочетаний и т.д. А относительно «смысла слова» можно только договариваться, приходится к полюбовному соглашению. Это – неизбежный вывод, если принято, что вне мышления нет того прообраза, не зависящего от деятельности мышления, по поводу которого люди могли бы установить «согласие» в применении «предметных знаков», символики языка. Символика оказывается и исходным, и финальным пунктом такой логики, а «тождество» мышления и предмета выступает как тождество в употреблении знаков, как тождество связи знака с обозначаемым, то есть с его собственным «значением», с его «функцией» в системе знаков, с «функционализированным предметом».

С этой точки зрения, в глазах Карнапа, сливается в один неразличимый образ и объективный идеализм, и материализм. И там и здесь, де, совершается одна и та же «субстанциализация понятия», а именно тот оборот мысли, в результате которого значению словесного символа придаётся непосредственно предметное, «трансцендентно-метафизическое» значение и функция. Иными словами, и объективный идеализм, и материализм в глазах субъективного идеалиста совершают одинаковый грех по отношению к логике, полагая, что словесный символ выражает что-либо иное, кроме того значения, которое этому символу придаёт мыслящий, употребляющий сей символ, человеческий индивидуум.

Поэтому «тождество» понятия и предмета на языке неопозитивизма означает лишь единообразие в употреблении знака, символа. Отсутствие «тождества» – это отсутствие единообразия в употреблении знака в ходе операций с ним, в его «функционализации». Логика поэтому должна заботиться о разработке системы правил, которые препятствуют такому расхождению знака и его функции, или обеспечивать такой ход операций, при котором знак сохранял бы постоянно ту же самую функцию.

Логическое прояснение мысли может заключаться только в обнаружении «тождества» в употреблении знаков в операциях с ними. Поэтому логика в конце концов сводится к «логическому синтаксису языка», к правилам, обеспечивающим тождество знака самому себе; иными словами, – к этому выводу приходит Витгенштейн – её суть заключается в тавтологии, в абсолютном тождестве. «Доказательство в логике есть только механическое средство облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена»<sup>5</sup>.

Всеобщая форма «логического доказательства» – тавтология. Поэтому Витгенштейн абсолютно последователен, когда говорит, что Логика в конце концов невозможна как наука, как система предложений, имеющих смысл, а возможна либо как «деятельность», задачей которой выступает «прояснение мыслей», либо как доказательство своей собственной тавтологичности, т.е. бессмысленности.

Итогом «функционализации предмета» оказывается, таким образом, голая форма тождества, тавтология. Это – неизбежный результат субъективного идеализма в логике как науке. Логика как таковая становится невозможной, её предмет оказывается отнесённым к сфере языкознания, лингвистики. Субъективный идеализм, таким образом, всей практикой своих построений доказывает, что его позиция – это позиция капитуляции перед действительной проблемой, перед проблемой отношения форм мышления, как субъективной деятельности человека, – к формам предмета этой деятельности, формам бытия вещей вне головы, вне мышления. Субъективный идеализм утешает себя тем, что это – псевдопроблема.

<sup>5</sup> Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 88.

## Приложение 2

<Замечания о кандидатской диссертации А.А. Зиновьева><sup>1</sup>

«Отражение предметов посредством абстракций есть мышление (мысль)... Мысль есть обязательно связь абстракций» (8)<sup>2</sup>.

Два этапа, две задачи мышления:

(1) практическое мышление. Здесь человек отвлекает в предметах их функции в его жизни как их свойства (например, способность животных служить пищей для человека);

2) теоретическое мышление. Здесь человек выявляет свойства предметов, не зависящие от его вмешательства и потребности (9)<sup>3</sup>.

«Анализ мысли со стороны предметного содержания есть анализ процесса соотношения мысли с предметом, глубже говоря – анализ зависимости мысли как субъективной связи от деятельности человека с предметами, анализ того, как одни связи (вещественная деятельность человека) обуславливают другие (умственную деятельность) (10)<sup>4</sup>.

Здесь вместо «глубже говоря» подчёркнуто совсем другое. «Предмет – мысль» приравнено к [отношению] «деятельность человека в предмете – его мысль о предмете». Это отношения разные. Если нет, тогда снимается различие «теоретического» и «практического» мышлений, двух задач, этапов, или как там ещё их назвать.

(13) «Хаотическое представление о целом или созерцание»<sup>5</sup>.

(14) «Предмет вообще имеет массу сторон, которые, будучи взяты изолированно, выступают как общие с другими предметами... Что превращает анализ общего в анализ специфики данного целого? Исключительно одно: раскрытие специфических связей целого. Общее здесь берётся не само по себе, а в его роли в данном целом, в его специфическом проявлении»<sup>6</sup>.

(18–19) «Эти связи представляют собою формы мысли, качественно отличные от форм формальной логики». А в качестве примера дано *ослабленное* описание конкретного как единства противоположностей. (Предмет А, его свойства В и С. В без С – абстрактное понятие об А. Рассмотрение В в связи с действием С дают конкретное понятие об А. Исследования С совпадают по результату с конкретным понятием об А.)

Почему не сказать так: конкретное должно содержать в себе понимание предмета как единства взаимоисключающих противоположностей? Ведь *не любые* В, С и т.д. дадут конкретное понятие. Лист бумаги: белый, прямоугольный... Об этом говорится выше? Почему же выше развитые определения здесь не вводятся в определение «форм мысли»? Ведь «формой мысли» в данном случае является категория единства противоположностей, единства во многообразии – в противоположность формально-логическому *тождеству* (формально-логическому варианту «единства»).

<sup>1</sup> 10 рукописных страниц содержат выписки и комментарии к тексту диссертационной работы. Написаны Ильенковым не ранее 1954 г., поскольку в скобках указаны номера страниц готовой диссертации.

<sup>2</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). С. 25.

<sup>3</sup> Там же. С. 26.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 28–29.

<sup>6</sup> Там же. С. 29.

Единство без противоположностей, слепое, равнодушное тождество, а рядом с ним – различия, противоположность без единства, различия, эмпирически конкретизируемые, но не постигаемые в единстве. Ведь в этом [состоит] различие форм мысли, известных формальной логике и неизвестных ей?

Назвать это «типом связи абстракций» мало. Более того, и это преломляется вверх ногами в головах Костеловского<sup>7</sup> и других.

«Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически» («Капитал», т. 1, стр. 87).

К пониманию субстанции «феноменологии»:

«Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве *одного общего им* обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»<sup>8</sup>.

Здесь, кстати, и «общий им» (обоим) понимается в смысле единства противоположностей, а не в смысле *одинаковости*. *Одинаково* здесь, строго говоря, название, не больше, обозначающее некоторую реальность. Точно так же можно сказать, что «*общим*» для барана и мясника является такое отношение между ними, когда мясник перерезает горло барану. Формально-логическое общее как равнодушное тождество здесь вовсе ни при чём. Такое общее у мясника и барана ровно ничего не говорит о том специфическом отношении, в котором они находятся.

Хороший пример из Рикардо: «Стоимость есть... сила приобретать другие блага» («Начала», стр. 1)<sup>9</sup>.

Критики Рикардо [утверждают]: с повышением ренты падает прибыль. Умозаключение на каждом этапе, при условии отвлечения от соответствующих обстоятельств или при условии предположения их постоянными, правильны. Однако вывод ложен. В чем тут дело?

1. Само это рассуждение возможно лишь постольку, поскольку факт связи падения нормы прибыли с ростом ренты замечен без него. Всё рассуждение строится с целью обосновать его, определяется наперёд заданной задачей, а не объективной связью явлений.

2. Отсюда – искусственно произведённые абстракции. Рассуждающий закрывает глаза на обстоятельства, исключая возможность строить рассуждение. Так, стоит принять во внимание изменение рабочего дня, как всё рассуждение становится невозможным. Тем более, стоит принять во внимание изменение органического строения капитала, как выступает изменение нормы прибыли, совершенно независимое от изменения ренты.

Рассуждение логично лишь постольку, поскольку на каждом этапе абстрагируется односторонняя зависимость. Оно справедливо в целом только в таком смысле: при всех прочих постоянных обстоятельствах изменение одного явления ведёт к изменению другого, и больше ничего. Но объясняет ли это всеобщий факт понижения

<sup>7</sup> Костеловский Владимир Александрович (1925–?), окончил МГУ в 1955 г., участник Московского логического/методологического кружка. Работал редактором издательства «Просвещение», впоследствии эмигрировал в США.

<sup>8</sup> Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. М., 1937. С. 95. Курсив Ильенкова.

<sup>9</sup> «Что из себя представляет меновая стоимость как свойство товара, рассматриваемая отвлечённо от обмена? Единственно, что можно пока сказать, следующее: это – способность, “сила приобретать другие блага”» (Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 39).

нормы прибыли? С таким же успехом можно “обосновать” любую эмпирически замеченную связь»<sup>10</sup>.

В этом зарыта собака! Зависимость объяснена? – Нет. Автор [Зиновьев] же утверждает: да. А в таком ли отношении вообще рента с прибылью? Позволительно ли отвлечение для того, чтобы *эту* связь понять?

Способ изложения и способ исследования.

«Можно ли говорить о различии способов, т.е. основных законов того и другого? Ни в коем случае. Те же самые законы, которые в истории исследования пробируются как тенденции хода исследования, в процессе изложения выступают как (скрытые или осознанные) принципы его... Так что можно говорить о различии *формы проявления* одних и тех же законов, одного и того же *способа* отражения в истории исследования и в “застывшем” изложении (22)... Изложение есть форма проявления исследования»<sup>11</sup>.

Это показывает, как важно вскрыть ту «субстанцию», внутри которой производятся различия, в которой различия прежде всего выступают погашенными. Это – «абсолютный субъект», т.е. всеобщий логический разум человечества, не «исследователь», не «популяризатор», не «читатель», не «писатель». Всё это – спецификации логической субстанции человеческого познания...

«Ещё более нелепая конструкция получается в “Логике” [Гегеля]. Категории “качество” и “количество” – последовательные этапы мышления о предмете, значит (с точки зрения “тождества”) качество должно исторически фигурировать раньше количества»<sup>12</sup>.

Опять нелепа не конструкция, а истолкование этой конструкции. У Гегеля точка зрения «тождества» вовсе не такова, какой её сделал т. Зиновьев. У Гегеля *исторически* категории появляются последовательно, во времени, только *в мышлении*. В природе же, взятой безотносительно к развитию мышления, эти категории существуют одновременно в бесконечном времени. И в идее (в абсолюте) они во времени не следуют одна без другой. Следуют они *только* в развивающемся мышлении человека.

«Единственным объектом исследования становятся процессы мышления, вырастающие на основе абстрагирования общего в чувственных предметах. Не случайно “субъективная логика” Гегеля ограничивается в основном рассмотрением известных в логике суждений и умозаключений (55)»<sup>13</sup>.

Стоит открыть шестой том<sup>14</sup>, чтобы убедиться, что это совсем не так. Ср. с тем, что в «Субъективной логике» вычитывает Ленин. Это всё что угодно, только не «известные в логике» фигуры. А потому и Гегель остаётся облачным зазря: [мол,] у него «исследование сводится к возне с категориями и их порядком». То же самое можно с лёгкостью сказать и про «Капитал»...

Критика Гегеля слаба и по сути дела бессильна. О владении: «На самом деле владение есть одностороннее отношение целого, предполагающее и семью, и гражданское общество»<sup>15</sup>. Не знаю, как с семьёй и *какую* семью понимает автор (если ту же, что и Гегель, тогда это так же неверно, как и с гражданским обществом), а гражданское общество *владением* вовсе не предполагается. «Владеет» и охотник,

<sup>10</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 42–43.

<sup>11</sup> Там же. С. 34–35.

<sup>12</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 57. На поле возле выписанной цитаты – вопрос Ильенкова: «А если излагает не исследователь?».

<sup>13</sup> Цитата выделена волнистой линией на полях, справа проставлены три вопросительных знака.

<sup>14</sup> В Сочинениях Гегеля 6 том содержит заключительную часть «Науки логики» – «Субъективная логика или учение о понятии».

<sup>15</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 57.

который может быть и холостым, неженатым. Предполагает владение не «семью» (если не называть этим словом любой элемент общежития, где рождают детей), а вообще человека, присваивающего природу общественным трудом.

Что такое семья? Первобытная семья? Буржуазная? Это ведь вещи разные. Каждую же отдельную форму семьи владение не предполагает, а, наоборот, предполагается ею; именно на этом основании Гегель и дедуцирует семью (а он имеет в виду буржуазную семью, семью как клеточку товарно-капиталистического права) из «владения», как абстрактной формы буржуазной *собственности*.

Владение для Гегеля берётся как категория *права*, тогда как это категория экономическая, и вот *здесь-то идеализм* (а не там, где увидел автор).

Ср., кроме того, указание Маркса насчёт справедливости начала [философии права] с владения у Гегеля<sup>16</sup>.

*Здесь слабый пункт:*

«Противоречие всякого товара образуют потребительная стоимость и стоимость, но не тот факт, что товар есть *этот* единичный товар и товар вообще (51). Лишь в процессе отражения единичных предметов посредством абстракций единичное отражается как общее, и эти стороны мысленного образа предмета образуют противоречие; последнее есть действительное движущее противоречие – оно проявляется в особом движении мысли: “единичное есть общее”... Раскрыть диалектику атома? – Извольте: всякий атом есть этот атом и атом вообще»<sup>17</sup>.

«Смещение диалектики простейших процессов мышления с диалектикой предметов, о которых совершается мышление», приводит к следующему:

«1. Действительная диалектика исследуемого предмета не исследуется или затухивается... Логика получает предметность, но исчезает логика предметов. Всякий предмет фактически берётся лишь для иллюстрации трижды известных логических приёмов...

2. Конкретная диалектика процессов мышления, будучи абсолютизирована, утрачивает свою конкретность и превращается в искусственную схему»<sup>18</sup>.

3. Эти схемы выступают как мерки для действительности.

Вся эта тирада имеет смысл лишь при том предположении, что категории общего, особого, единичного понимаются по-челпановски<sup>19</sup>. Противоречие между столом вообще и отдельным столом, конечно, никого и ничего (в том числе и мысль) не движет. Но по отношению к «товару вообще» всё это уже неверно. Товар «вообще» – это вовсе не «общее». Быть товаром = находиться в сети взаимосвязей товарно-капиталистического организма. Противоречие между товаром «вообще» и *этим* товаром есть не что иное, как противоречие цены и стоимости. В сущности любой товар продаётся по стоимости, в явлении – никогда. Индивидуальное отклонение от стоимости – единичное. Закон – общее.

«Исследование простого должно выявить условия его *возникновения*. И это будет вместе с тем выявление одного из условий *возникновения* предмета в целом»<sup>20</sup>.

<sup>16</sup> «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые ещё только *владеют*, но не имеют *собственности*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. Ч. I. М., 1935. С. 192).

<sup>17</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 56. Курсив Ильенкова.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Преподавание логики до революции велось по учебнику неокантианца Челпанова. См.: Челпанов Г.И. Учебник логики (для гимназий и самообразования). Киев; Одесса, 1906. После войны, когда Сталин озаболел дефицитом логики в стране, челпановский учебник был переиздан ещё дважды в сокращённом виде.

<sup>20</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 56. Курсив Ильенкова.

Существования, данного в созерцании, не «возникновения». Товар есть поверхность развитого буржуазного общества.

Клеточка (товар) – наиболее общее отношение. Любое отношение капитализма включает в себя товар как свою необходимую сторону.

«Даже Д – Д' есть товарное отношение, поскольку деньги как капитал превращаются в товар *благодаря “своему” свойству давать среднюю прибыль (70)*»<sup>21</sup>.

Зачем подчёркнутая часть фразы? Она совершенно лишняя и только затуманивает мысль. Любая категория содержит в себе товарное отношение как «сторону», как абстракт, вовсе не в том смысле, что товар есть общее, одинаковое, актуально в каждый миг существующее свойство любого отношения (как то думает формальная логика), а в том смысле, что любая другая форма необходимо *превращается, возвращается* в товарную, и без этого не может существовать как особая форма.

«“Клеточка” есть общая черта всех отношений предмета, но специфическая черта его отношений»<sup>22</sup>. (Тут нет противопоставления формальной логике.)

«Клеточка характеризует предмет специфически именно в силу её крайней общности для всех его отношений. В формальной логике – наоборот, чем меньшему числу и типу предметов присуще данное свойство, тем выше степень его особенности. Крайняя особенность – единичное, неповторимое (72)»<sup>23</sup>.

Здесь совершенно справедливо замечает (видно) Копнин: «Это “наоборот” не доказано».

Далее: «Являясь внешней формой, средством движения, существования всех отношений предмета, клеточка выступает как явление, непосредственно, чувственно-практически данное созерцанию. Она прежде всего “бросается в глаза”» (75).

С критикой Гегеля вообще дело Schwach<sup>24</sup> (82–84).

Гегелю приписываются именно наивные глупости, непонимание того, из чего он всегда сознательно исходил. «Сова Минервы вылетает лишь в сумерки...»

<sup>21</sup> Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 68. Курсив Ильенкова.

<sup>22</sup> Там же. С. 69.

<sup>23</sup> Там же. С. 70.

<sup>24</sup> Плохо, слабо (нем.).

## Приложение 3

<Заметки о докладе А.А. Зиновьева><sup>1</sup>

<...> Ибо под «названием», «сконструированным из ряда данных терминов»<sup>2</sup>, можно разуметь буквально любой термин, в коем осуществляется понятие, – в том числе и «мышление», и «искусство», и «субъект», и «господь бог», и «свобода», и т.д.

Возьмём в таком случае любой «термин», [удовлетворяющий условиям:] существование предмета, который ему «соответствует», не определяется путём прямого наблюдения, во-первых, и «не предполагается заведомо»<sup>3</sup> [во-вторых].

Под такое определение в аккурат подходят такие термины, как «бог» и «материя». И тот и другой термины обозначают чрезвычайно сложные представления, откристаллизовавшиеся в общественном сознании в ходе тысячелетней эволюции знаний. Термины такие *есть*. С этим З. [Зиновьев] спорить не будет. Не может он спорить и с тем обстоятельством, что «существование предметов», соответствующих этим терминам, не может быть доказано ни прямым наблюдением, ни принято «заведомо». В противном случае пришлось бы объявить «несуществующим предметом» *всю историю философии* вплоть до наших дней.

Допустим, что мы сконструировали термин *П* из других терминов таким образом, что имеет место  $X \vdash \bar{X}$  и  $X \vdash X^4$ . Дешифруем обратно. Это значит:  $X = P\bar{p}$  (так или не так?)

Следовательно, сконструировали мы следующее. Если признать истинным высказывание, согласно которому некоторый предмет обладает определённым признаком, то надо признать истинным и высказывание, согласно которому тот же самый предмет *П* тем же самым признаком не обладает.

Если «предмет» – стул, на котором я сижу, то проблемы нет. Если предмет «задан определением», то примером может служить *любое* понятие, с необходимостью сложившееся в науке.

«Бог» и «всемогущ».

Бог может создать любой камень (*Пр*).

Даже такой, который он сам не сможет поднять? (*П $\bar{p}$* )

(Всемогущество тогда всемогущество, когда оно включает в себя своё собственное отрицание.)

Оставим господа бога. Возьмём философское понятие «субъект». Этот термин тоже «есть». Всё дело в его содержании. А анализ его по содержанию мигом даёт парадокс.

*Субъект* есть прямая антитеза *объекту*. Объект есть то, что в отношении к другому определяется этим другим, т.е. предмет, который существованием любого

<sup>1</sup> Три рукописных листа, начало не сохранилось, предположительное время написания – 1958 г. В том году на институтском семинаре по логике Зиновьев сделал доклад о парадоксах, возникающих при оперировании неопределёнными высказываниями. Приводимые Ильенковым формулы заимствованы из этого доклада. См.: Зиновьев А.А. О работе семинара по логике в Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 170–172.

<sup>2</sup> «Мы можем сконструировать из ряда данных терминов такое название предмета, что без доказательства не всегда бывает очевидно, существует соответствующий ему предмет или нет. Оперирование же в теории высказываниями о несуществующих предметах может привести к парадоксам» (Там же. С. 170).

<sup>3</sup> Для такого рода предметов двузначная логика бывает недостаточной, утверждал Зиновьев. Деление высказываний на истинные и ложные вполне справедливо лишь для «высказываний о предметах, существование которых определяется путём наблюдения» (Там же).

<sup>4</sup> Из  $X$  следует  $\bar{X}$  и из  $\bar{X}$  следует  $X$ .



признака обязан «другому» (детерминирован извне). Субъект есть предмет, существование признака  $p$  у которого есть собственный, независимый от воздействия другого предмета атрибут.

Если З. [Зиновьев] не согласится принять эти определения, то почему я обязан принимать те определения, которые он даёт «множеству» и «нормальному множеству»? Ни на что другое, кроме как на *факт наличия такого определения в сегодняшней математике*, его правота не опирается.

Последней инстанцией в решении проблемы, *существует или не существует предмет, соответствующий данному определению, оказывается само данное определение*. Иными словами: я принимаю, что данное определение истинно, а если что-то в него не лезет (или даёт парадокс), то это «что-то» *не существует*.

Или: я принимаю некоторое определение, некоторую аксиому как абсолютную истину. Если её применение к некоторому предмету даёт парадокс, то этого предмета «не существует согласно определению».

Тут опять затем возможен и такой вполне «логический» ход: а что если определение логично? Даже если принять, что парадокс – это показатель несуществования, то вопрос решается двояко:

- 1) не существует предмет, соответствующий общему определению,
- 2) не существует предмет, соответствующий частному определению.

По замыслу Зиновьева, это один и тот же предмет. «Множество всех множеств». (Каталог всех каталогов.)

Я принимаю определение: «Множество  $m = Df$ . Предметы, в отношении которых истинно  $x$ », или = «предметы  $P$ , имеющие признак  $p$ ».

Выражение « $P$  включается в  $m$ » означает, что предмет  $P$  также обладает признаком  $p$ .

«Введём определение нормального множества»<sup>5</sup>. Если каждый из предметов, в отношении которых известно, что он имеет признак  $p$ , включается в  $m$  (= круг предметов, обладающих признаком  $p$ ), то круг предметов, обладающих признаком  $p$ , не обладает признаком  $p$ .

Так выглядит определение нормального множества, если опять размаскировать закорючки.

Или: если каждый из предметов, входящих в круг предметов, обладающих признаком  $p$ , обладает признаком  $p$ , то круг предметов, обладающих признаком  $p$ , этим признаком  $p$  не обладает.

---

<sup>5</sup> Зиновьев А.А. О работе семинара по логике. С. 171.

## Приложение 4

О «специфике» мышления<sup>1</sup>

Мышление есть субъективная деятельность. Вопрос, следовательно, о «специфике» форм и законов мышления как субъективной деятельности встаёт как вопрос о различиях этих форм от форм и законов познаваемого, обрабатываемого этой деятельностью объекта. Знание как продукт этой деятельности «тождественно» объекту. Формы «готового» знания начинают противостоять, при этой постановке вопроса, формам знания «становящегося».

По видимости это так: та совокупность действий, которую голова должна проделать, чтобы отразить объект, не стоит ни в какой необходимой координации с формами этого объекта. Одно и то же «понятие» может быть получено разными методами деятельности мышления. Любой субъективный приём в эксперименте или в отыскании чувственных данных нелепо, ясное дело, рассматривать как «аналог» объекта.

(Чтобы «познать», я должен, например, отрезать собаке голову. Факт, действие субъекта – «отрезание головы», – отражает что-то в объекте? Это, конечно, ставит «материалистов» в тупик. Всё, что может возразить Дынник: «в конечном счёте, всё же, формы мышления “отражают” объект, являются “аналогами”»... Черкесов и Гагарин<sup>2</sup> просто выдвигают цитаты, с которыми Сашкина позиция и в самом деле не вяжется.)

Частным случаем этого положения является вопрос об аналоге противоречия общего и отдельного. Что это – противоречие развивающегося познания, всецело специфичное для последнего, или же «отражение»?

Такая постановка вопроса сама по себе нелепа, и Сашка сам ставит вопрос в этот нелепый план своей формулой: «сознание противоречиво не потому, что оно отражает противоречия предмета, а по своей собственной природе».

В таком случае резонен вопрос: а что это за его «собственная природа»? Что такое мышление по его природе? Ответ Сашки: «субъективная деятельность». Это – не ответ. Это очень верно, но не представляет собой ответа на вопрос, точно так же, как фраза «человек есть млекопитающее» не есть ответ на вопрос, что такое человек по его «собственной природе».

Субъективная деятельность – этим можно обозначить любое активное проявление человека. В том числе и «копание лопатой». И фраза Тюхтина<sup>3</sup>: «мышление тем более», – [тоже] ничего не доказывает.

Differentia specifica этой деятельности в том, что она воспроизводит объект. «Специфика» мышления, проистекающая из его «собственной природы», в том, что это – совокупность форм, в которых объект воспроизводится, воссоздаётся. «Изменение» объекта, происходящее в акте этой деятельности (которая, разумеется, как и всякая деятельность, что-то изменяет, пользуясь при этом орудиями, средствами, соответствующими цели) не только не подобно «копанию» как акту материально-практического изменения, но и прямо ему противоположно в основных характеристиках.

Что тут «изменяется»? Непосредственно изменяется *сознание*, знание. Переобрабатывается представление. С *объектом* самим по себе никаких изменений мышление не производит – исключая, разумеется, эксперимент, как форму проверки

<sup>1</sup> Машинописная страница, набранная через минимальный интервал. Написана по следам одной из дискуссий, состоявшейся в 1950-е гг. (в тексте упоминается выступление А.П. Гагарина, умершего в 1960 г.).

<sup>2</sup> М.А. Дынник, В.И. Черкесов и А.П. Гагарин – профессора МГУ.

<sup>3</sup> Тюхтин Виктор Степанович (1923–1988), в 50-е гг. – аспирант МГУ, с 1961 г. – сотрудник Института философии, работал в секторе философских вопросов естествознания.

гипотезы, которая поэтому опять-таки предполагает деятельность мышления как форму теоретического отношения (в гегелевском смысле).

Следовательно, мышление есть деятельность, изменяющая сознание и только сознание, ни в коем случае не объект, остающийся инвариантом и моделью, к соответствию с которой мышление (как деятельность) приводит человеческое сознание, представление.

Это давно выявлено и Фихте, и Гегелем: деятельность мышления обращена (как изменяющая деятельность) на свои собственные продукты, то бишь «на себя». Изменяются понятия, представления, вообще формы знания. Продукт изменения, переработки имеющегося непосредственно знания и есть продукт «мышления», постоянно сравниваемый с «объектом». Последний не дан в созерцании, а дан в акте постоянного изменения его человеком как общественно-историческим субъектом практического действия.

## Приложение 5

### <Итоговая оценка А.А. Зиновьева><sup>1</sup>

<...> он отныне свою жизнь в науке. Но ломать голову над этой проблемой ему по каким-то причинам не захотелось. Может быть, потому что он не чувствовал в себе силы придумать тут что-нибудь «нетривиальное». Может быть и поэтому. Кто его знает.

И выход был найден. Наш герой объявил в один прекрасный день (его биографам, если такие найдутся, предстоит выяснить точную дату), что всё то, что он ранее считал «очевидным» и «тривиальным», надлежит отныне считать выдумкой. С проблемой было покончено одним махом. Диалектика? – Выдумка. Тезис о взаимном превращении противоположностей? – Выдумка. Противоречие? – Выдумка. Всё это не имеет никакого отношения к логике. Правила логики не имеют никакого отношения к реальному миру. Они суть только правила «оперирования высказываниями и терминами». Всё остальное – от лукавого.

Оригинально? Нетривиально?

Оригинального во всём этом было немного – одна лишь храбрость, с которой провозглашались известные тривиальности неопозитивизма в стране, где неопозитивизм никакой популярностью не пользовался. И всё.

Вот эта-то храбрость кому-то и стала чрезвычайно импонировать, по той причине, что неопозитивистская интерпретация «логики» недвусмысленно противостоит (ни для кого в мире это не секрет) материалистической диалектике, понимаемой как логика и теория познания. Другого секрета популярности работ Зиновьева в известных кругах людей нет. Пусть поклонники его «таланта» объяснят миру, что нового внесли его сочинения в логику как науку? Что именно он в этой науке «изобрёл»? Пусть они назовут хотя бы одну проблему в логике, которую он не то что решил, а хотя бы вразумительно поставил?

В данном отношении последуем рекомендации Зиновьева и «не будем приписывать исследователю способности решать неразрешимые задачи»<sup>2</sup>.

### Список литературы

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 453 с.
- Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: Канон+, 2022. 400 с.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
- Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.
- Зиновьев А.А.* О работе семинара по логике в Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 167–172.
- Иллеш Е.Э.* «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.
- Ильенков Э.В.* Гегель и проблема предмета логики // Философия Гегеля и современность / Под ред. Л.Н. Суворова и др. М.: Мысль, 1973. С. 120–144.
- Ильенков Э.В.* Концепция диалектики у С.А. Яновской // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2017. С. 332–343.

<sup>1</sup> Единственный уцелевший машинописный лист (стр. 2). Написан Ильенковым, предположительно, незадолго до смерти, уже после высылки Зиновьева в 1978 г.

<sup>2</sup> *Зиновьев А.А.* Логика науки. М., 1971. С. 11.

Ильенков Э.В. Ленинская идея совпадения логики, теории познания и диалектики // *Философия и естествознание* / Под ред. М.А. Маркова и др. М.: Наука, 1974. С. 40–61.

Ильенков Э.В. Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса «К критике политической экономии» // Ильенков Э.В. *Логика Маркса: Собр. соч. Т. 7.* М.: Канон+, 2023. С. 7–316.

Ильенков Э.В. О различии между «логическими» и «онтологическими» определениями // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2017. С. 343–354.

Лекторский В.А. Глазами очевидца // Ильенков Э., Коровиков В. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)* / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2016. С. 5–13.

Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, т.е. случайно // *Вопросы методологии.* 1991. № 1. С. 44–53.

Маркс К. *Капитал.* Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. М.: Партиздат, 1937. 863 с.

Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+, 2023. 336 с.

Челпанов Г.И. *Учебник логики (для гимназий и самообразования).* Киев; Одесса, 1906. 177 с.

Carnap R. *Der Logische Aufbau der Welt.* Berlin-Schlachtensee: Weltkreis-Verlag, 1928, 290 S.

Johann Gottlieb Fichte's *Leben und litterarischer Briefwechsel.* Sulzbach, 1831, Bd. 2, 476 S.

### Evald Ilyenkov and the Moscow Logical Circle: Materials of Polemics

**Anrey D. Maidansky** – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor. Belgorod National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: amaid@rambler.ru

**Elena E. Illesh** – Candidate of Sciences in Psychology, research fellow. Belgorod National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: elillesh@gmail.com

The publication deals with an almost forgotten dispute between two currents of Russian philosophy that emerged on the threshold of the “Thaw”. Its leaders were Evald Ilyenkov and Aleksander Zinoviev, both of whom had just graduated from Moscow State University. The dispute revolved around the methodology of Marx’s *Capital* and then developed into a discussion of the subject of dialectical logic and the specifics of thought. Ilyenkov’s archive preserved the theses of his speeches and critical notes on the position of Zinoviev and his followers from the Moscow Logical Circle. This material is published below. The accompanying article reconstructs the contexts of the polemic – theoretical, cultural-historical and personal – and weighs the arguments of each side. The inadequacy of labelling Ilyenkov as a “gnoseologist” is demonstrated. The thesis he defends about the dialectical identity of thinking and being invalidates the very distinction between gnoseology and ontology. The Kantian origins of Zinoviev and his teachers, professors at the Moscow State University, in solving the problem of the specificity of thought are revealed. All of them proclaimed the distinction between the “subjective dialectic” in the human mind and the “objective dialectic” of the external world – in opposition to the principle of the identity of thinking and being, which they regarded as the “Hegelian mysticism”. Ilyenkov, on the other hand, pointed out that this identity is fulfilled before our eyes in practice – in the processes of human labour.

**Keywords:** dialectical logic, gnoseology, ascent from the abstract to the concrete, specificity of thought, identity of thinking and being, Aleksander Zinoviev, Merab Mamardashvili, Soviet philosophy, Moscow Logical Circle

**For citation:** Maidansky, A.D., Illesh, E.E. E.V. Ilyenkov i Moskovskij logicheskij kruzhok: materialy polemiki [Evald Ilyenkov and the Moscow Logical Circle: Materials of Polemics], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 62–86. (In Russian)

**Funding:** The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24-18-00130 “E.V. Ilyenkov and the End of Classical Marxist Philosophy”.

## References

- Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskiy traktat* [The Logico-Philosophical Treatise]. Moscow: Inostranoy literaturny Publ., 1958. 133 p. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopaedia of Philosophical Sciences: in 3 vol. Science of Logic. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 453 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale "Kapitala" K. Marksa)* [Ascent from the Abstract to the Concrete (On the Material of "Capital" by K. Marx)]. Moscow: Kanon+ Publ., 2022. 400 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Logika nauki* [Logic of Science]. Moscow: Mysl' Publ., 1971. 279 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the Way to Super-Society]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2000. 638 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. O rabote seminarov po logike v Institute filosofii AN SSSR [On the Work of the Seminar on Logic at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 1958, Vol. 2, pp. 167–172. (In Russian)
- Illesh, E.E. "Delo Ilyenkova" i "delo Zinov'eva" ["Ilyenkov's Case" and "Zinoviev's Case"], *Che-lovek* [The Human Being], 2017, Vol. 5, pp. 7–24. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Hegel i problema predmeta logiki [Hegel and the Problem of the Subject of Logic], in: *Filosofiya Hegelya i sovremennost'* [Hegel's Philosophy and Modernity], pod red. L.N. Suvorov et al. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 120–144. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Kontseptsiya dialektiki u S.A. Yanovskoy [Concept of Dialectics in S.A. Yanovskaya], in: Ilyenkov, E. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoj marshrut. 1950–1960* [From the Abstract to the Concrete. A Steep Trail. 1950–1960], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 332–343. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Leninskaya ideya sovpadeniya logiki, teorii poznaniya i dialektiki [Lenin's Idea of the Coincidence of Logic, Theory of Cognition and Dialectics], in: *Filosofiya i estestvoznaniye* [Philosophy and Natural Science], pod red. M.A. Markov et al. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 40–61. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Nekotorye voprosy materialisticheskoy dialektiki v rabote K. Marksa "K kritike politicheskoy ekonomii" [Some Issues of Materialist Dialectics in the Work of K. Marx "On the Critique of Political Economy"], in: Ilyenkov, E.V. *Logika Marksa: Sobr. soch. T. 7.* [Marx's Logic. Collected Works. Vol. 7]. Moscow: Kanon+ Publ., 2023, pp. 7–316. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. O razlichii mezhdu "logicheskimi" i "ontologicheskimi" opredeleniyami [On the Difference Between "Logical" and "Ontological" Definitions], in: Ilyenkov, E. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoj marshrut. 1950–1960* [From the Abstract to the Concrete. A Steep Trail. 1950–1960], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 343–354. (In Russian)
- Lektorskiy, V.A. Glazami ochevidttsa [Through the Eyes of an Eyewitness], in: Ilyenkov, E., Korovikov, V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions for Theses on the Subject of Philosophy (1954–1955)], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2016, pp. 5–13. (In Russian)
- Marx, K. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1], in: Marx, K., Engels, F. *Soch. T. 17.* Moscow: Partizdat Publ., 1937. 863 p. (In Russian)
- Mamardashvili, M.K. Nachalo vseгда istorichno, t.e. sluchajno [The Beginning is Always Historical, i.e. Accidental], *Voprosy metodologii* [The Problems of Methodology], 1991, Vol. 1, pp. 44–53. (In Russian)
- Sovetskaya filosofiya soznaniya: etyudy po istorii idej* [Soviet Philosophy of Consciousness: Etudes on the History of Ideas], pod red. A.D. Maidanskogo. Moscow: Kanon+ Publ., 2023. 336 p. (In Russian)
- Chelpanov G.I. *Uchebnik logiki (dlya gimnaziy i samoobrazovaniya)* [Textbook of Logic (for Gymnasiums and Self-education)]. Kiev, Odessa, 1906. 177 p. (In Russian)
- Carnap, R. *Der Logische Aufbau der Welt.* Berlin-Schlachtensee: Weltkreis-Verlag, 1928, 290 S.
- Johann Gottlieb Fichte's Leben und litterarischer Briefwechsel.* Sulzbach, 1831, Bd. 2, 476 S.

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*М.Д. Голубов*

### **Ранний В.В. Бибихин**

Рецензия на: Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов.  
СПб.: Владимир Даль, 2022. 816 с.

**Голубов Михаил Дмитриевич** – аспирант, стажёр-исследователь научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии Школы философии и культурологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1; e-mail: alens@alens.ru, mgolubov@hse.ru

В рецензии предлагается анализ и оценка сборника «Отдельных записей 1965–1989 годов». В книге мы встречаем не столько дневниковые записи, сколько сборник разножанровых заметок, не объединённых общим сюжетом или стратегией авторского намерения. Личные записи В.В. Бибихина пронизаны философией: сборник демонстрирует, что его частная жизнь – это изнанка философского проекта, продолжение философствования за пределами академических текстов. По нашей оценке, в сборнике обнаруживаются сюжеты, фундаментальные для философии Бибихина, широко известные его читателям и часто встречающиеся в корпусе уже опубликованных текстов: темы события, языка, детства, древней философии, интуитивного познания и другие смежные с ними. Рассматриваемые в рецензии фрагменты «Отдельных записей» легко поддаются сравнению с цитатами из поздних, более академических работ. Поэтому, на наш взгляд, публикация этих материалов даёт возможность проследить генезис центральных тем поздних работ В.В. Бибихина, впервые вводя концептуальное различие между «ранним» и «поздним» творчеством мыслителя. Таким образом, «Отдельные записи» В.В. Бибихина представляют богатый материал, имеющий источниковедческий, биографический и историко-философский потенциал.

**Ключевые слова:** В.В. Бибихин, дневник, событие, детство, древняя философия, интуитивное познание

**Для цитирования:** Голубов М.Д. Ранний В.В. Бибихин. Рецензия на: Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб.: Владимир Даль, 2022. 816 с. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 87–106.

Я чувствую свой долг свидетельствовать о необъяснимом благе жизни в эпоху механического и эксплуататорского отношения к ней. Я должен, чтобы после меня осталось свидетельство моего примирения с жизнью и религиозного удивления перед ней.

*В.В. Бибихин*

«Отдельные записи 1965–1989 годов» за авторством Владимира Вениаминовича Бибихина (1938–2004) вышли в 2022 г., почти через два десятилетия после его смерти. Книга была опубликована петербургским издательством «Владимир Даль», которое ранее уже неоднократно печатало труды В.В. Бибихина<sup>1</sup>. Сами же «Отдельные записи» вышли в обособленной серии издательства – «Дневники XX века»<sup>2</sup>.

В нашей рецензии мы проанализируем «Отдельные записи» на предмет их потенциальной значимости для исследователей творчества В.В. Бибихина. Предварительно нашу оценку, которую мы постараемся обосновать далее, можно сформулировать следующим образом: в силу того, что частная жизнь Бибихина была сократически пронизана философией, в очень личном сборнике «Отдельных записей» мы находим большое количество сюжетов, развиваемых автором в других, более академичных работах. Таким образом, эти материалы демонстрируют развитие значимых для философа тем и существенно обогащают их понимание. На основании этого мы полагаем публикацию данных записей интересной и заслуживающей внимания читателей<sup>3</sup>.

Для удобства читателя кратко обозначим содержание рецензии. В первую очередь мы уделим внимание техническим вопросам издания – содержанию и жанру записей, а также редакторской работе. Затем мы перейдём к содержательному анализу «Отдельных записей»: во-первых, выскажем наши замечания о перспективе, через которую, на наш взгляд, следует рассматривать сборник, и, во-вторых, сопоставляя избранные фрагменты, рассмотрим, как повторяющиеся в сборнике сюжеты резонируют с корпусом философских текстов Бибихина.

### Особенности издания и содержание

Скажем несколько слов о редакторской работе над текстом. Редакторами, а также составителями выступили О.Е. Лебедева и С.Ю. Невзоров. Нужно отдать должное их большой работе по дешифровке рукописного текста, восстановлению дат записей, пояснению технических примечаний самого Бибихина и приводимых им фрагментов и цитат на древних или иностранных языках. Кроме того, как указано в предисловии, составителями были «...даны комментарии к персоналиям, событиям, упоминающимся литературным персонажам, цитатам из разных источников и т.п.», а оформление текста по возможности сохранено в авторском варианте<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См. напр.: *Бибихин В.В.* Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. СПб., 2022; *Бибихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). СПб., 2014; *Бибихин В.В.* Пора (время-бытие). СПб., 2007.

<sup>2</sup> В предисловии составителей (О.Е. Лебедева, С.Ю. Невзоров) упомянута благодарность В.М. Камневу, входящему в редакционную коллегию серии «Дневники XX века», за «его верность и постоянную поддержку дела публикации наследия В.В. Бибихина» (*Бибихин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 9).

<sup>3</sup> Мы хотим выразить благодарность за помощь в подготовке нашего исследования и ценные советы А.О. Коцарь, Г.И. Демину и А.С. Чальцевой.

<sup>4</sup> *Бибихин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 8–9.



Существенных типографических ошибок, упущенных при вычитке, во время чтения мы почти не заметили<sup>5</sup>.

Отдельно стоит поблагодарить за работу вдову и верную соратницу Бибихина – О.Е. Лебедеву, которая долгие годы усердно работает с ещё не опубликованным архивом записей философа, бережно следит за процессом издания и в качестве литературного душеприказчика сотрудничает с книжными издательствами и журналами, посмертно публикующими наследие Бибихина. Надо полагать, именно ей принадлежит основная доля редакторской работы, связанной с прояснением узких биографических ссылок сборника, которые читатель заведомо не способен расшифровать без помощи близкого и хорошо знающего автора человека.

### Содержимое сборника

Обратимся непосредственно к анализу содержания «Отдельных записей». Книга состоит «из записей, рукописных и машинописных, которые велись Бибихиным на отдельных листочках с 1965 по 1989 гг.»<sup>6</sup>, и является сборником заметок, принадлежащих самым разным жанрам<sup>7</sup>.

Купюры касаются «в основном личных писем, оказавшихся среди этих бумаг, семейных записок, записей разговоров с близкими, а также бессвязных и неразборчивых записей»<sup>8</sup>, которые составители опустили за их избыточностью. Стоит заметить, что, несмотря на это, некоторые записи, вошедшие в конечный вариант публикации, как кажется, также стоило бы исключить, т.к. они явно носят несущественный характер и представляли частный интерес только для самого автора. Так, читатель может найти записи грамматических упражнений по санскриту<sup>9</sup>, которые сами по себе не имеют никакой содержательности, т.к. механически скопированный текст никак не отражает дух размышлений Бибихина. Или, например, в другом месте мы находим текст записки, оставленной для Е. Гальцевой, внучки Ренаты Гальцевой, второй супруги В.В. Бибихина: «Катюша! Прости, прости меня: я где-то здесь, около кресла или на кресле потерял иголку без нитки! В.»<sup>10</sup>. На наш взгляд, подобные примеры записей также могли быть вынесены за рамки публикации.

Книга делится на три больших хронологических раздела, соответствующих архивным папкам, которые сформировал сам В.В. Бибихин: а) 1965–1972 гг., б) 1973–1978 гг., в) 1979–1989 гг.<sup>11</sup>

<sup>5</sup> Однако некоторые мы всё-таки обнаружили. Например, «...стали включать в себе [sic] те мысли, которые ранее записывались...» (с. 7), а также неудачное редакторское восполнение авторских сокращений: «соотв<етственного>» (с. 32) вместо «соответствующего».

<sup>6</sup> Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 7.

<sup>7</sup> Наиболее полный список жанров, которые можно встретить в сборнике, перечисляет в своей краткой рецензии на книгу А.В. Чанцев: сны, стихи, философия, афоризмы, пророчества, автобиографическое, отчёты о кафедральных/редакционных делах, любовные письма, молитвы, автоматическое письмо, дзуйхицу, богословие теоретическое и личное, парадоксы, ницшеанские максимы, ирония, наставления а-ля Монтень, «описание курса по гражданской обороне, который В. Бибихин вынужден был вести», разговоры с редактором и корректором, мемуары и политика (Чанцев А.В. Аскетические практики последних вопросов // Дружба народов. 2023. № 10. Журнальный зал: литературный интернет-проект. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2023/10/asketicheskie-praktiki-poslednih-voprosov.html> (дата обращения: 02.11.2023)).

<sup>8</sup> Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 8.

<sup>9</sup> Там же. С. 62.

<sup>10</sup> Там же. С. 516.

<sup>11</sup> Возможно, исследователям биографии В.В. Бибихина было бы интересно задаться вопросом о критериях этой периодизации: что заставило автора выделить именно эти годы, а не иные?

Как можно сразу заметить, текст «Отдельных записей» собран из совершенно разрозненного материала, который не объединён никаким общим сюжетом, схемой или стратегией авторского намерения. Однако эта вариативность не так заметна, поскольку, как в длинном философском размышлении, так и в пустяшной рабочей заметке, записке, напоминании Биbihин остается чуток к событиям его жизни и верен созерцательному идеалу<sup>12</sup>. «Отдельные записи», как и другие подобные сборники, иногда напоминают своим стилем поток сознания персонажей Джойса, который не меняется сам в характере своего течения, а меняет лишь перспективу и предмет. В случае Биbihина такой поток рождается из ежедневного труда по регистрации неожиданных событий жизни: речь идёт о повседневности, в которой укореняется его философия. Это рождает чувство непрерывной включённости в опыт автора, в его *Umwelt*, в котором философ выступал сразу в нескольких социальных и профессиональных ролях<sup>13</sup>. Авторская привычка отмечать дату записи позволяет читателю сориентироваться в конкретной хронологической соотнесённости тех или иных событий.

Как отмечают составители в предисловии, записи велись В.В. Биbihиним «параллельно дневниковым»<sup>14</sup>. По этой причине, несмотря на то, что произведение включено в серию «Дневники XX века», его всё же нельзя назвать относящимся к жанру дневника в полном смысле<sup>15</sup>: мы встречаем не столько исключительно *дневниковые* записи, сколько *сборник* разножанровых заметок. Поэтому удачно выбранное название («Отдельные записи») – к тому же авторизованное самим Биbihиним – действительно отражает содержание книги, более инклюзивной по своему составу в сравнении с обычным дневником.

<sup>12</sup> Примеры заметок мы подробнее рассмотрим ниже.

<sup>13</sup> В XXI в. феномен прекариата встречается куда чаще и ощущается куда привычнее для академического работника, однако, как показывают «Отдельные записи», русский интеллигент конца XX в. был с ней уже прекрасно знаком. Ученица Биbihина Ксения Голубович рассказывает в выпуске передачи «Наблюдатель», что он, уже будучи довольно зрелым человеком, продолжал жить опасно, «без страховки» – так, как человек его возраста, имея столько возможностей себя обезопасить, обычно себе уже не позволяет (Наблюдатель. Памяти философа Владимира Биbihина: видеозапись телевизионного эфира. Телеканал «Культура», при участии Ольги Седаковой, Александра Михайловского и Ксении Голубович. Эфир от 16.12.2014. URL: <https://smotrim.ru/video/1154571?ysclid=Iw14rtfwa888865720> (дата обращения: 15.09.2023)). Однако Биbihин принимал такой риск не только в житейском смысле, но и в интеллектуальном. В качестве одного из примеров можно назвать пари, больше подходящее на публичный перформанс, на тему дальнейшего проявления деструкции Хайдеггера через невозвратную её деконструкцию Деррида, которое Биbihин заключил с самим собой в ходе прочитанного в 1996 г. в РГГУ доклада «Деррида читает Хайдеггера»: «Ведь чем следить за операциями сознания и знать, что время решит по-своему, и ожидать, как оно решит, я попробую рискнуть, рисковать вообще интересно, тем более что у меня есть шанс, с моим бородастым прошлым вдруг оказаться ещё не наставшим будущим» (Расшифровка доклада В.В. Биbihина «Деррида читает Хайдеггера». РГГУ. 01.11.1996. URL: <http://www.bibikhin.ru/reports/261> (дата обращения: 29.09.2023)).

<sup>14</sup> *Биbihин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 7.

<sup>15</sup> И, *vice versa*, нельзя утверждать обратное – что «Отдельные записи» не являются сборником дневниковых заметок, – т.к. последние тоже присутствуют в сборнике, а кроме того, люди в принципе ведут дневники по-разному и с разными целями (см., напр.: *Архипова М.В.* Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 197–198). Поэтому в данном случае использовать это жанровое название можно только в широком смысле. Кроме того, «Отдельные записи» не являются единственным источником, в котором мы можем обнаружить дневниковые записи Биbihина. Как указывают составители в предисловии, ранее в книге «Познай самого себя» уже публиковалась часть его дневников (*Биbihин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 7).

## Перспектива

Перед тем, как предложить нашу оценку и её обоснование, укажем перспективу, в которой, на наш взгляд, следует рассматривать «Отдельные записи» в контексте корпуса текстов В.В. Бибихина и его философии в целом.

Наиболее разумным решением при ответе на вопрос о назначении сборника записей будет обратиться к тому, что об этом писал сам автор<sup>16</sup>. Такое свидетельство мы можем найти в предпосланном книге эпиграфе (дневниковая запись от 23.10.87)<sup>17</sup>:

Перечитывая свои записки (жаль, что многие небрежные), неожиданное понимание: не примеряй свою данность ни к чему другому, ни с чем ни сравнивай, ничего не прося, ничего не бойся, ничему не верь, не удивляйся своему удивлению. Как в тумане, в котором уже неделю плывет Москва. В записках твоих ответа нет и не будет, никуда ты не придёшь, твои записки – проблески твоей жизни, не больше<sup>18</sup>.

Обыкновенно эпиграф рассматривается как стилистически важный элемент, чьё назначение как раз и состоит в том, чтобы задать искомую перспективу, поэтому мы не можем им пренебречь. Однако приведённую цитату трудно назвать удачной для эпиграфа и, шире, для перспективы рассмотрения сборника в целом. С одной стороны, нельзя однозначно согласиться с тем, что сам автор искренне и последовательно придерживается своих наставлений: нет ли в его словах помимо нарочитой смиренности и сдержанности ещё и самоиронии или даже лукавства<sup>19</sup>? И, что более важно, насколько этот отрывок адекватен тому, что мы действительно встречаем в тексте «Отдельных записей»? На наш взгляд, рассматриваемая дневниковая запись – вынесенная в эпиграф, надо полагать, составителями, а не самим автором, – совершенно не отражает содержания материала.

Однако пример предложенной перспективы послужит отправной точкой для выработки и артикулирования нашей собственной. Во-первых, вопреки духу эпиграфа, мы полагаем, что «Отдельные записи» как раз-таки следует внимательно сопоставить с другими работами Бибихина по причине их обширного философского содержания, знакомство с которым, на наш взгляд, расширяет понимание характерных для его философии сюжетов. Во-вторых, «в записках нет ответа» следует понимать как отсутствие ответа для самого автора – или, шире, для мировой философии,

<sup>16</sup> Что, конечно, это совсем не обязательно говорит о том, что оценка исследователя совпадет с тем, как рассматривал задачу этого сборника сам В.В. Бибихин.

<sup>17</sup> Указание на момент написания имеет для нас значение, т.к. эта запись относится к более позднему времени, когда хронологически составление архива «Отдельных записей» уже подходит к концу: «Жанр “отдельных записей” существовал с 1950-х годов... С 1990 года этот жанр перестал существовать. По-видимому, курсы и семинары, тексты для которых всегда писались заранее (т.е. фактически постоянно, ежедневно), стали включать в себе все те мысли, которые ранее записывались на отдельных листочках, а записи снов нашли своё место в дневниках» (*Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов*. СПб., 2022. С. 7). Кроме того, сам В.В. Бибихин на момент написания этой заметки был уже сформирован как мыслитель: в том же 1989 г. он начал свой знаменитый курс авторских лекций в МГУ.

<sup>18</sup> *Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов*. СПб., 2022. С. 5.

<sup>19</sup> Зачастую фрагменты, в которых мы встречаем смирение и покорность, соседствуют с теми, где Бибихин тут же разоблачает их, обнаруживая за ними что-то ещё более основательное. Чуткой, вечно колеблющейся и оттого по-настоящему живой мысли Бибихина свойственна осторожность в рассуждении и рефлексивная нерешительность, не допускающая категоричности, ищущая место для сомнения: «Псалмы говорят о жирном устроении... Но есть два жира – до порога и после порога, до перевала и после. Избавь нас Бог от раннего жира. Но жир зрелости, умащающий тук переизобилия, – разве от него надо отказываться? Разве он несовместим с нищетой? Странно, что я, до экстаза любивший истощаться, говорю это... Но если я так говорю, значит, я что-то видел» (*Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов*. СПб., 2022. С. 183–184).

в решении фундаментальных проблем которой «Отдельные записи» явно не смогут помочь, – но отнюдь не для исследователей творчества самого Бибикина.

Наверное, это единственное место нашей рецензии, где мы твёрдо не согласны с оптикой, в которой составители предлагают позиционировать «Отдельные записи», т.к. эпитафия может произвести ложное впечатление бесполезности заметок, будто *сам автор* не способен из них что-либо вынести. С другой стороны, если задумкой составителей было передать отрешённый характер сборника, то эпитафия прекрасно передаёт настроение записей. Однако даже в таком случае нам не стоит принимать эту цитату за чистую монету, рассматривая её, скорее, как иллюстрацию рефлексивного тона автора, но никак не в качестве вердикта о содержании сборника.

Вопреки перспективе, которую предлагает эпитафия, мы оцениваем значимость сборника совершенно иным образом. На наш взгляд, «Отдельные записи» позволяют взглянуть на *изнанку* мысли Бибикина, которая оказывается не чем иным, как продолжением философствования *иными средствами*. Ведь будет справедливым заметить, что Бибикин, как и многие мыслители до него, не отделяет глубокое философствование от обыденного мышления повседневной жизни. Напротив, для него вовсе нет разрыва между высоким призванием философии и заботами частной жизни: вместо того, чтобы противопоставлять их, он движется в обратную сторону, отказываясь от схематизма и ярлыков<sup>20</sup>, затемняющих связь философии и повседневности<sup>21</sup>.

### Анализ содержания

Итак, кратко определив перспективу и общую оценку, перейдём к анализу философского содержания книги.

Работая с творчеством многих философов, можно заметить, что их ключевой подход, жест или интуиция сложились и были в той или иной степени сформулированы уже в самых ранних работах: если прочитать весь корпус их текстов, то окажется, что он целиком состоит из попыток выразить то, что в первых работах содержалось уже сполна, но ещё не отчётливо, в «сгущённом» виде. На наш взгляд, к этой категории мыслителей можно отнести и Бибикина. Мы находим характерные

<sup>20</sup> Это настроение прекрасно выражено в известном пассаже из «Письма о гуманизме», вышедшего в 1988 г. в переводе Бибикина: «...недостаточно ещё очевидна беда, творимая всеми обозначениями такого рода? Люди, конечно, давно уже не доверяют “измам”. Но рынок общественного мнения требует всё новых. Люди снова и снова готовы откликнуться на эту потребность. Названия вроде “логики”, “этики”, “физики” тоже возникают лишь с тех пор, как подходит к концу самобытное мышление. Греки в свою великую эпоху мыслили без подобных клише. Даже “философией” они свою мысль не называли. Мысль приходит к концу, когда уклоняется от своей стихии. Её стихия то, благодаря чему мысль может быть мыслью. Её стихия – это в собственном смысле могущее: сама возможность» (Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М., 1993. С. 194). Примечательно, что эта же позиция сохраняется у Бибикина и в отношении т.н. «дела Хайдеггера»: «Главный русский переводчик и интерпретатор Хайдеггера ставит под сомнение, что “дело Хайдеггера” вообще является “нашим делом” (в смысле участия в расследовании: Хайдеггер – реакционный романтик? криптофашист? нацист?), хотя бы уже потому, что “завести дело” – это совсем другое, чем продолжать дело самого Хайдеггера» (Михайловский А.В. *О некоторых особенностях российской рецепции философии Мартина Хайдеггера в связи с дискуссией вокруг «Чёрных тетрадей»* // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. Вып. 1. С. 63).

<sup>21</sup> Именно по этой причине сборник разножанровых заметок позволяет лучше всего раскрыться разностороннему таланту молодого философа. Как отмечает в своей рецензии А.В. Чанцев, «...это как раз тот жанр... где Бибикин раскрывается во всей силе, полным букетом, со всеми аспектами и нюансами» (Чанцев А.В. *Аскетические практики последних вопросов* // Дружба народов. 2023. № 10. Журнальный зал: литературный интернет-проект. URL: <https://magazines.gorky.media/druzha/2023/10/asketicheskie-praktiki-poslednih-voprosov.html> (дата обращения: 02.11.2023)).

черты его философского стиля очень схожими, как в лекционных курсах и опубликованных философских работах, так и в личных заметках. В этом смысле у речи Бибихина не удастся обнаружить двойного дна, что, на наш взгляд, свидетельствует об интеллектуальной честности. С этой стороны «Отдельные записи» возможно разочаруют читателя, ожидавшего встретить подноготную, оборотный край, но будут полезны для исследователей, которые ищут спрятанные в воду концы (или начала) философского проекта Бибихина.

Для того чтобы продемонстрировать значимость «Отдельных записей», мы проведём контекстуализацию, где покажем, что уже в них обнаруживаются фундаментальные для философии Бибихина сюжеты, широко известные его читателям и часто встречающиеся в корпусе его текстов: темы события, языка, детства, интуитивного познания и другие смежные с ними. С этой целью ниже мы рассмотрим некоторые из них, наиболее ярко представленные в «Отдельных записях».

### Тема детства

Первой и ярче всего бросающейся в глаза темой является восхищённое и даже замороженное отношение Бибихина к *детям*<sup>22</sup>. Напомним, что в его работах тема детства рассматривается, как правило, в качестве очень особенного времени, когда существо человека ещё не испорчено «механическим и эксплуататорским»<sup>23</sup> отношением к самой жизни. Детский опыт универсален, т.к. касается каждого взрослого человека онтогенетически и экзистенциально. Однако, как мы узнаём из сборника, впервые свидетельство подобного рассуждения мы можем встретить среди самых ранних из «Отдельных записей» – например, в следующем фрагменте от 29.04.1970:

Точно так смущаются дети, когда к ним обращаются со словами любви люди, особенно незнакомые: ребёнок смущается от внутреннего упрёка самому себе в том, что не ощущает того благоговения, которое соответствует этим словам, чувствует себя выброшенным за пределы ситуации. Ребёнок не догадывается, ему в голову не приходит, что произносящий эти слова лишь *называет* их, пользуется ими как фальшивой монетой, крадёт из золотого запаса нечто, что *данной* ситуации не принадлежит; ребёнок не может вообразить себе такого обмана, он сразу исследует ситуацию на присутствие этого обозначаемого словом элемента, на наличие соотв<етственного> чувства, ничего не находит и страдает...<sup>24</sup>

Поразительно, насколько хорошо рифмуется с приведённой записью рассуждение из «Языка философии», который будет издан через 20 лет:

Нищета пошлого слова недаром так задевает нас: это наша незаметная нищета. Нищета утвердилась в нас самих, если мы слышим слово нищим. Дети его таким не слышат. Оно полно для них загадочного и обещающего смысла раньше чем вставляется в сетку значений. Когда у ребенка отнимают право на молчание и требуют доносить словами на себя и мир, вымогаемая информация произносится обычно робким бесцветным тоном. Такой тон резко выделяется на фоне характерного распева детской речи. До того дети участвовали в мире всем своим словесным существом<sup>25</sup>.

<sup>22</sup> Тема замороженного отношения к детям проходит через всю книгу, часто встречаясь даже не в отдельных и самостоятельных рассуждениях, которые мы приведём ниже, а в совершенно неожиданных местах, как следующее интимное признание: «Жар, который обугливает порочную душу, греет детскую. Ещё много позже, во время долгого разговора, я узнал, что у моей желанной детская душа» (Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 18).

<sup>23</sup> Там же. С. 17.

<sup>24</sup> Там же. С. 32.

<sup>25</sup> Бибихин В.В. Язык философии. СПб., 2007. С. 37.

Как видно по этим цитатам, В.В. Библихин в обоих случаях подчёркивает совершенно особенное отношение ребёнка к слову, а также его событию<sup>26</sup>. Это отношение может быть утрачено взрослой «болтовнёй», которая на самом деле скрывает за шумом голоса глубочайшее молчание; детская непосредственность, свободная от наносного мусора, позволяет обращаться с языком наиболее естественным образом.

Однако Библихин обращается к теме детства не только, как мы видели выше, в ракурсе нарратива о наивной благородности ребенка, не испорченного благами культуры, подобно руссоистскому дикарю. Например, тема детства часто носит религиозный или даже мистический оттенок: «Есть две крайности. Ребёнок божественен, пока не смотрит на себя. И светлый человек божественен, пока смотрит на себя»<sup>27</sup>.

В некоторых записях связь христианства и темы детства заявляется прямо:

Человек спасён своим божественным образом, – спасён пока ещё только по своему телесному естеству. *Особенно мощно эта сила божественной защиты мирского человека действует в детстве*, когда и маска ещё не успевает прирасти к лицу (хотя в действительности дети надевают её очень рано), и во всей полноте и заманчивости реют ещё вокруг человека знамения его возможных ангелоподобных осуществлений<sup>28</sup>.

Наконец, в рассуждении о неконтролируемых душой помыслах Библихин использует образ детей для метафоры о воспитании образа мышления:

Слишком грубо говорить, что помысл есть сама видимая нами украдываемая мысль; помысл не сама мысль, а её вор... Сердиться же и негодовать на видимые мысли, украдываемые помыслом, нелепо, потому что это наши же дети, ворующие от нас. Их родил не помысел, а чистая жена – молитва, невеста Христа... Жена сама ничего не истребляет, она лишь рождает. Не вор, а мы ответственны трудом взрастить и воспитать детей, вот главная задача мужа. В детях его богатство, и ради детей он живёт.

<sup>26</sup> Это понятие играет большую роль в философии В.В. Библихина, поскольку сама философия есть не что иное, как «попытка – ничем не обеспеченная – вернуть жизни, моей человеческой, то, чем она с самого начала размахнулась быть: отношением к миру, не картине, а событию» (цит. по: <http://bibikhin.ru/?ysclid=lwl6mald5q230063127> (дата обращения: 29.09.2023)). В своей статье А.С. Мерзенина прекрасно показывает двоякую роль этого понятия в библихинской философии: «...событие – это не только то, что нельзя устроить по собственному желанию, но и то, что без человеческого вмешательства не может состояться» (Мерзенина А.С. Политическое «событие» и право в философии Владимира Библихина: онтический аспект и сверхэтическое измерение // Философия. Журнал Высшей Школы Экономики. 2022. Т. 6. Вып. 3. С. 73). Мы не будем уделять понятию «события» и его роли в проекте Библихина отдельное внимание, т.к. вокруг него уже существует большая дискуссия, которую мы не сможем затронуть в тексте рецензии. Отметим лишь, что изучение этого понятия в философии В.В. Библихина, с одной стороны, вызывает споры об исследовательском подходе, с другой стороны, нельзя отрицать очевидный интерес научного сообщества к этой теме. Не касаясь нюансов, сошлёмся на работы, в которых можно найти более подробный анализ этой темы: *Магун А.В.* Понятие события в философии Владимира Библихина // *Stasis*. 2015. Т. 3. № 1. С. 156–176; *Шестова Е.А.* Герменевтическая этика Владимира Библихина (чтение как событие) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 57–69; *Павлов И.И.* Перестройка и девяностые в герменевтике Владимира Библихина // *Философский Журнал*. 2019. Т. 12. № 2. С. 174–187; *Павлов И.И.* Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Библихина // *Социологическое Обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 197; *Ярлова В.Д.* Философская речь как предмет осмысления Владимира Библихина // *Kant: Social Sciences & Humanities*. 2022. Т. 12. № 4. С. 4–18; *Хан Е.И.* Настроения исторического времени: «новый ренессанс» В. Библихина и «историческая тревога» П. Рикёра // Философия. Журнал Высшей Школы Экономики. 2021. Т. 5. № 1. С. 136–158; *Черняк А.А.* Проблема реальности как основания поступка: экзистенциально-феноменологический подход. Дисс. ... к. филос. н. Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016.

<sup>27</sup> *Библихин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 183.

<sup>28</sup> Там же. С. 107. (Курсив мой. – М.Г.)

Это невозможно без искусства. Вор искусством не владеет, он хотя невидим, но прост. Стены иерусалимские создаются спасителем и охраняются детьми<sup>29</sup>.

Как видно по приведённым выше фрагментам, Бибихин рассматривал тему детства с совершенно разных сторон, в том числе в роли родителя, ответственного за труд воспитания своих собственных детей<sup>30</sup>. Но для нас остаётся важным, что «Отдельные записи» оказываются невероятно богаты на раскрытие этой темы в совершенно разных контекстах, а приведённые цитаты очень хорошо поддаются сравнению с аналогичными отрывками из более поздних работ.

### Тема древней философии

В авторском репертуаре есть ещё одна тема, очень близкая к прошлой по своему духу. Если, благодаря своей непосредственности, дети обладают особым отношением к языку, миру и его событию, то в философии та же непосредственность рождает так называемую «философию первой мысли», т.е. классическую античную философию. Как известно, классику составляет нетленное, остающееся актуальным в любую эпоху. В наш век, переживший бунт модерна против всего классического, от музыкальной гармонии до философского словаря, нередки проявления пренебрежительного отношения к «классическому», выражающиеся в его отождествлении с чем-то одиозным и успевшим давно набить оскомину. Однако зачастую подобное отношение возникает из-за неумения встретиться с классическим произведением, воспринять его язык и заговорить на нём самому<sup>31</sup>. На наш взгляд, в противовес этой тенденции, Бибихин преследует цель продемонстрировать головокружительную мощь, всё ещё сокровенно покоящуюся на своём законном месте в самом сердце классической философии<sup>32</sup>, что сподвигает его раз за разом обращаться к «философии первой мысли» как к неисчерпаемому источнику:

Вчитывающийся в эти места Платона о слове и мысли, о слове как мысли не должен стыдиться, если голова у него закружится от раскрывшейся бездны. У молодого Сократа кружилась голова, когда приехавший в Афины Парменид развернул перед ним

<sup>29</sup> Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 134–135.

<sup>30</sup> Примечательно, что в приведённой выше цитате эта роль отведена мужчине, тогда как популярная культура, начиная с эпохи индустриализации, зачастую отводит эту роль женщине. Даже несмотря на то, что в цитате роли родителей взяты не в собственном смысле, это не мешает нам отнестись к этим словам Бибихина всерьёз, экстраполировав их на его собственный жизненный опыт. Свидетельства демонстрируют, что в личной жизни Бибихин придавал большое значение ценности семьи и детей (родительства?). Подтверждения этому мы находим в словах о. Вл. Зелинского, который пишет, что В.В. Бибихин «...очень гордился, что в новом браке у него было четверо маленьких сыновей» (*Зелинский о. Вл. Моя память о В.В. Бибихине // Vox. Философский журнал. 2020. № 29. С. 10*). Кроме того, согласно О.А. Седаковой, он проводил много времени с детьми, изучая их язык (*Наблюдатель. Памяти философа Владимира Бибихина: видеозапись телевизионного эфира. Телеканал «Культура», при участии Ольги Седаковой, Александра Михайловского и Ксении Голубович. Эфир от 16.12.2014. URL: <https://smotrim.ru/video/1154571> (дата обращения: 02.11.2023)*).

<sup>31</sup> В конспекте беседы с Л.Е. Пинским В.В. Бибихин делает комментарий: «Древняя философия неисторична – да потому, что она общечеловечна!» (*Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 67*).

<sup>32</sup> Например, об этом свидетельствует Ксения Голубович в выпуске передачи «Наблюдатель». (*Наблюдатель. Памяти философа Владимира Бибихина: видеозапись телевизионного эфира. Телеканал «Культура», при участии Ольги Седаковой, Александра Михайловского и Ксении Голубович. Эфир от 16.12.2014.*) В этом же выпуске Седакова подчёркивает, что одной из главных фигур, повлиявших на философский подход Бибихина, стала фигура В.В. Розанова и соответствующий ему мотив интеллектуальной честности без оглядки на любые авторитеты: я как простой человек рассуждаю о какой-то проблеме так, как будто до меня не было всей истории философии.

антиномии бытия и небытия, единого и многого. Не надо думать, будто теперь какая-то «современная» научная зрелая философия придумала средство, избавляющее от головокружения над бездной. До сих пор единственный надёжный способ уберечь себя – это отвернуться или закрыть глаза. Но, похоже, человек, чтобы быть человеком, должен стоять на краю и заглядывать в пропасть<sup>33</sup>.

Этот отрывок прекрасно демонстрирует как Бибихин рассматривал подлинную, с его точки зрения, роль философии: каждый обнаруживает себя к ней причастным, когда его рассуждение остаётся свободным от принадлежности к традициям и концептуальным схемам<sup>34</sup>. Вместе с этим В.В. Бибихин «сетует» на захваченность современников обманчивой соблазнительностью науки и техники, которая, вместо того чтобы раскрывать и дополнять мысль, лишь заслоняет и затемняет её:

Надо читать специальные книги, чтобы узнать, что парадоксы Зенона остались проблемой. Опыта бесконечности, встречи с настоящей бесконечностью, как для Ксенофана, например, осязаемо земля подступала к нему как бесконечная масса, мы, современные люди, лишены. Для античной мысли достаточно убедительной была встреча с несоизмеримостью в математике. За асимметрией вставала бесконечность, за ней иррациональность, запрещающая мечтать о том, что подступы к софии мира не загорожены неприступной стеной<sup>35</sup>.

Таким образом, мы видим, что сюжет превосходства древней философии над высокомерием модерна часто встречается в работах Бибихина. Для нас интерес составляет то, что эту же тему мы находим ярко выраженной в сборнике «Отдельных записей»: «Словом, поскребите наши туманные и сырые мысленные шевеления, и увидите платоновский “живой” космос, невидимым нусом вверху... столь же невидимым началом действия и движения, т.е. душой, посредине, и телом мира... внизу»<sup>36</sup>.

В записи без даты, принадлежащей хронологически промежутку 1983 г., Бибихин пишет: «Мы зависимы от античности, обречены быть привязаны к ней, до тех пор и постольку, поскольку сами не обрели чувства предела. У Аристотеля всё решает чувство предела. Предельное понимание, предельное усилие. Практика начинается там, где ёухата (пределы. – М.Г.), где повеяло ветром последнего, неразложимого, повеяло ветром границы, абсолютного предела»<sup>37</sup>.

Величие древней философии заключается в том, что она ставит перед собой универсальные проблемы, которых невозможно избежать, насколько бы ни был современный философский проект изошрённым в своей изобретательности. Бибихин демонстрирует, что наивность классики мнима: в своей непосредственности

<sup>33</sup> Бибихин В.В. Язык философии. СПб., 2007. С. 12.

<sup>34</sup> Чтобы проиллюстрировать отношение В.В. Бибихина к делу мышления, процитируем небольшой фрагмент из его доклада «Деррида читает Хайдеггера»: «...для Хайдеггера иметь руку как не орган схватывания так же трудно, как думать. А думать мы пока не умеем, это мы от Хайдеггера слышали, и слышали, что он при этом добавил: *der Sprecher mit einbegriffen, er sogar zuerst*; думать мы не умеем и говорящий тоже, и он даже в первую очередь... “Говорит, т.е. думает”. Порядок неслучайный. *Nur insofern der Mensch spricht, denkt er; nicht umgekehrt, wie die Metaphysik es noch meint*. Лишь поскольку человек говорит, он думает, не наоборот, как метафизика до сих пор полагает. В этом по крайней мере отношении Хайдеггер верен своим словам. Он действительно сначала говорил, потом думал. Как все мы» (Расшифровка доклада В.В. Бибихина «Деррида читает Хайдеггера». РГГУ. 01.11.1996. URL: <http://www.bibikhin.ru/reports/261> (дата обращения: 29.09.2023)).

<sup>35</sup> В.В. Бибихин. Другое начало. СПб., 2003. С. 401. И немного ниже в том же тексте он добавляет: «[Человек] точен и в современной строгой мысли, хотя из-за количества наружного шума она знакома нам хуже старой, прошедшей цензуру времени» (Там же. С. 429).

<sup>36</sup> Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 102.

<sup>37</sup> Там же. С. 619.



«философия первой мысли» естественным образом продолжает жизнь, укоренённую в повседневности. Здесь сама собой напрашивается параллель с детской непосредственностью, о которой мы писали выше: между искусственностью, фальшью в философии и во «взрослом» отношении к жизни<sup>38</sup>, обе эти темы объединяет чувствительность к тому, что Библихин называет «софийной» устроенностью мира:

То же детское хулиганство, только у взрослых дикое, свирепое. Ведь теперь их сдерживает только Бог. План устроения жизни на земле. Страх смерти ему уступает. А может быть, этот план имеет целью отмену истории, возвращение к природному существованию? Да, но достигает ли он этого, может ли достичь? Не в силах человек разобрать, что собрано Богом. Только мудрость, София, может сохранить и природу, и историю<sup>39</sup>.

Однако несмотря на то, что в указании на эту параллель явно есть зерно истины, всё же заметим, что описываемая Библихиным гармоничная идиллия древней философии, удивительно рифмующаяся с детским состоянием, сама по себе кажется несколько сомнительной. Тот факт, что способ описания обеих тем очень схож, свидетельствует только о том, что Библихин интуитивно тяготел к тому, чтобы связывать два этих сюжета одной красной линией, которая, на наш взгляд, сводится к упомянутой идее *непосредственности*. Однако если в случае темы детства категоричное настаивание на непосредственности не предполагало грубых злоупотреблений<sup>40</sup>, то в случае с апологией древней философии – настойчиво возобновляющейся из текста в текст, скорее, из бунта, в пику современности и её засилью вульгарного позитивизма (и марксизма-ленинизма) – экстраполяция тех же выводов приводит к карикатурной гиперболизации<sup>41</sup>. История философии как таковая у Библихина

<sup>38</sup> Поддержать этот довод о схожести двух тем мы можем следующей цитатой из «Языка философии»: «Ребёнок, которому мир близок, мерит каждым словом его полноту. Так и ненадорванная культура. В свете наших навыков собирания сведений о вещах и надежды компенсировать нецелость нашего мира наращиванием количества информации, архаическая культура кажется неразвитой. Как ребёнок по нашим представлениям интересуется только игрушками, так гомеровская Греция только своими богами и героями. Как ребёнок, Гомер о большинстве вещей своего мира молчит. Каждая полновесная культура по-своему молчит о своём» (Библихин В.В. Язык философии. СПб., 2007. С. 38).

<sup>39</sup> Библихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 519.

<sup>40</sup> Хотя и тут можно было бы поспорить. Например, в противовес библихинской замороженности детской непосредственностью можно было бы сказать, что открытие часто упоминаемой в «Отдельных записях» Фрейдом инфантильной амнезии скрывает интригу не менее, а может, и более свирепую, чем перипетии, встречающиеся во взрослой жизни. Критика библихинской очарованности встречается также у других исследователей. Так, например, Б. Нарумов в критической статье, посвящённой главному бестселлеру В.В. Библихина «Язык философии», пишет следующее: «Сам Библихин называет языковые категории (род, число, лицо) игровыми (с. 229), но лучше всего об этом свидетельствуют слова на с. 164: “Нужно упрямство ребёнка, поэта или сумасшедшего, чтобы наперекор силе всех учёных радоваться и пугаться от (sic!) простейших вещей, придавать им безмерное значение, ходить под их властью”... В этом высказывании представлен джентльменский набор субъектов иррациональности: дитя, поэт, сумасшедший, – кочующий из одного сочинения в другое на протяжении последних двух веков» (Нарумов Б.П. «Язык» лингвистики и «язык» философии. Contra Библихин // Логос. 1999. Т. 11. № 1. URL: [https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999\\_01/1999\\_1\\_11.htm](https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_11.htm) (дата обращения: 25.09.2023)).

<sup>41</sup> С.А. Шульц в своей рецензии на книгу Библихина «Дневники Л. Толстого» отмечает, что для него свойственен пророческий тон: «В.В. Библихин не уходит от пафоса вообще, в том числе пафоса некоего “пророчества”, вчитываясь в текст Толстого как в “весть” и, надо думать, рассматривая свою книгу тоже в качестве своеобразной пророческой “вести”» (Шульц С.А. Со-философствуй с Л. Толстым. Рецензия на работу: Библихин В.В. Дневники Л. Толстого. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. – 480 с. // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 3. С. 243).

зачастую предстаёт тем, что Ричард Рорти назвал *Geistesgeschichte*, «историей духа», со всеми вытекающими особенностями такого взгляда на историю<sup>42</sup>. Особенность такого подхода состоит в том, что история философии рассматривается не как набор частных и разрозненных аргументов, а как единый нарратив, объединённый центральной проблемой, этапы самораскрытия которой и формируют канон классических для этой «истории духа» мыслителей. Методичная апология древней философии, повторяющаяся из года в год в разных текстах, несмотря на свою резонность, всё же подчёркивает склонность Бибикина к этому жанру в его подходе к истории философии. Однако, несмотря на пространство для исследовательской критики, нельзя отрицать, что темы детства и древней философии не только ярко представлены в «Отдельных записях», но и демонстрируют связь, схожую с той, что мы находим в поздних работах мыслителя.

Наконец, чтобы завершить анализ данной темы и одновременно перейти к развитию следующей, логически из неё вытекающей, мы приведём фрагмент, подытоживающий отношение Бибикина к древней философии. В этой записи автор конспектировал свою беседу с Л.Е. Пинским и привёл следующую запись его реплики, обращённой к самому Бибикину: «У вас просветительское, модернистское высокомерное отношение к архаике. Ясперс, современный философ, но важный: признаёт величие древней философии. По сумме всяких знаний любой студент выше древних – но по пониманию принципов мы стоим у ног Платона, Гиппократ. Интуитивное постижение начал жизни»<sup>43</sup>.

Помимо очевидной солидарности Бибикина с Пинским в отношении высокомерия эпохи модерна в данной цитате нам кажется интересным ещё и то, что автор называет «интуитивным постижением начал жизни». Рассмотрим эту тему более подробно.

### Тема интуитивного познания

Как мы показали выше, тема уникальности детского опыта и его непосредственности в философии Бибикина с лёгкостью и без особого концептуального перевода переходит в замороженность непосредственностью философии первой мысли. Однако обе эти темы настолько же органично объединяются третьей, на наш взгляд, наиболее фундаментальной для его философии.

Созерцательное познание, которому учили самые древние философы<sup>44</sup>, означает следование принципам природы и, также негативным образом, невмешательство

<sup>42</sup> Р. Рорти пишет, что вопрос о том, какие проблемы и вопросы нужно считать философскими *par excellence*, – проблематика, часто встречающаяся в текстах В.В. Бибикина, – это одна из отличительных черт жанра «истории духа» (см.: *Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy / Ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind & Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–75*).

<sup>43</sup> Бибикин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 67.

<sup>44</sup> Согласно известному фрагменту из Гераклида Понтийского, Пифагор, являясь отцом самоназвания «любитель мудрости», говорил, что мы, люди, подобны «гостям, прибывшим на ярмарку из другого города, и выбираем кто славу, кто деньги, и лишь немногие из нас не придают всему этому никакого значения и старательно созерцают природу вещей. Вот их-то и называют “стремящимися к мудрости” (*sapientae studiosos*) или “любителями мудрости” (философами). И как на ярмарке наиболее свободному человеку (*liberalissimum*) подобает просто смотреть, ничего не желая для себя, так и в жизни созерцание и постижение природы вещей превосходит все другие занятия» (*Афонасин Е.В. Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства («О болезнях, или Бездыханная», фр. 82–95) // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12. № 2. С. 699*).

в природу вещей там, где это отчуждает от неё<sup>45</sup>. Именно эта «пассивная»<sup>46</sup> захваченность событием мира<sup>47</sup>, которое являет себя через язык, позволяло Бибихину осуществлять бесшовное соединение философии и жизни, философии внутри жизни и ради неё:

Вся актуальность философии в этом: она что-то делает с нами, говорит важное, единственным образом касающееся самого нашего существа, хочет открыть нам нас чтобы мы нашли себя. Обращение философии к нам, к нашему существу и есть её язык. Если она говорит нам о том, что для нас, мы знаем и чувствуем, открывает нас самих, то прежде всего надо всё-таки вслушаться в её говоримое. Малейшая примесь распорядительности с нашей стороны сделает наше занятие бессмысленным<sup>48</sup>.

Распорядительность появляется в тот момент, когда мы отказываемся внимать миру и силимся утвердить, навязать собственный опосредованный порядок. На проявлении этого «модернистского высокомерия», свойственного окружающей его (советской и постсоветской) действительности, Бибихин реагировал болезненно. Как видно по отрывку выше, для Бибихина философия имеет «экзистенциальное» значение в том смысле, что она не просто даёт знание, информацию о мире, но также затрагивает и *этику* обращения с этим знанием, *способ существования* мыслящего и говорящего<sup>49</sup>. Позволим себе ради сохранения контекста и атмосферы привести из сборника крупный фрагмент, который передаёт туманный, отрывочный – на грани парцелляции – стиль и одновременно демонстрирует бережное, чуткое отношение

<sup>45</sup> Бибихин в своей сократической манере не устаёт напоминать Калликлам-современникам, что возможность применить силу разума для бесконтрольного повелевания, господства над природой вещей и слов ещё не подразумевает сама собой разумное обращение с этой силой. Ведь разум сам должен направляться разумным образом, подобно тому, как Платон пишет, что истина «равна только себе и ничему больше (346 b)» (цит. по: *Бибихин В.В. Язык философии*. СПб., 2007. С. 31), т.к. истина «неразмножима» (Там же). В «Отдельных записях» В.В. Бибихин пишет: «Жизнь опьяняет, если её не стеснять» (*Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов*. СПб., 2022. С. 43).

<sup>46</sup> Выбор эпитета «пассивный» как существенной характеристики познания, свойственной подходу Бибихина, на наш взгляд, неоднозначно. Этот эпитет не имеет негативных коннотаций и был продиктован сквозным упоминанием «активизма» в пейоративном смысле в корпусе текстов самого философа. Например, он саркастически пишет в заметке 1982 года: «Классовое угнетение везде, гнетёт ровной давящей массой, против него защитит только неустанный активизм» (Там же. С. 506). И в «Языке философии» мы находим то же понятие со схожей оценкой, но уже в более серьёзном тоне: «Попробуем не впадать в панический активизм “предметного” исследования» (*Бибихин В.В. Язык философии*. СПб., 2007. С. 28). И немного ниже: «Эта правда – что слово остаётся за мыслью – должна была бы предостеречь нас от нового активизма» (Там же. С. 42).

<sup>47</sup> Эта захваченность подразумевает не бездеятельную пассивность, не умение владеть собой, а, напротив, радикальный прорыв к единственно возможной свободе: «Человек мобилизован внезапным событием, но не подавлен, а захвачен, т.е. освобождён» (Там же. С. 134). И в «Отдельных записях» мы находим поразительно схожее рассуждение: «Расположение не от нас, оно меньше всего от нас – оно всегда заранее уже есть, мы разве что в силах его оттолкнуть. Где же человеческая свобода? В свободе связать себя этим: расположением. Всякая другая свобода, пожалуй, ужасна» (*Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов*. СПб., 2022. С. 519).

<sup>48</sup> *Бибихин В.В. Язык философии*. СПб., 2007. С. 11. Также приведём очень схожую по смыслу цитату из другого, не менее известного произведения Бибихина: «Философия всегда шла против течения. С большим риском... Философия для того, чтобы вернуться от учений к вещам; чтобы снова вспомнить о раннем; чтобы кончить гадание на словах. Отличие философии от наук: они себя выстраивают, философия призвана разобрать себя как леса после постройки дома» (*Бибихин В.В. Слово и событие*. М., 2001. С. 47, 20).

<sup>49</sup> «...если изложенная истина перестаёт быть собой или, в менее радикальной формулировке, она вовсе не обязательно будет присутствовать в слове человека, то и отсутствовать она может тоже только в человеческом слове... Человек стоит в исключительном отношении к истине. Что бы и как бы он ни говорил, он задевает её...» (*Бибихин В.В. Язык философии*. СПб., 2007. С. 31).

к созерцательно познаваемому миру, что, на наш взгляд, очень точно характеризует этическую позицию Бибикина:

Мир немощует и ждёт, чтобы его озвончили словом. Вот вся религия...

Жизнь опьяняет, если её не стеснять. Может быть, в другие эпохи опьянение было пороком. Сейчас

– дайте его нам, больше.

Над моей головой дамоклов меч. Паровой молот. Я в сети. Я мучим комариными укусами, жаждой, голодом. Я вделан в ил, глину, скалу. Я заточен. И из моего карцера я что могу? Да, что могу?

Так спросить = ответить.

Я абсолютизировал свою несвободу? Она ирреальна по сравнению со свободой?

Да, я дьявольски, божественно свободен. Я не могу пальцем двинуть по своей воле. Я вклеен в мир, как ракушка в камень.

И только опустившись на дно и давась под толщью океана, я узнаю свою страшную силу. Всё в моей воле. Я свидетельствую о том, что в этой стиснутой, сдавленной руке держу ключи мира. Я поверну их – и мир повернётся отныне.

И это – потому, что я не рву своих сетей.

Раз оступившись человек рвёт невидимые сети.

*Раз оступившись, человек выпадает из нянчащего его мира*<sup>50</sup>.

Выпадение человека из нянчащего его мира – следствие «поспешного активизма» модерна, чья этика в обращении со знанием подразумевает его использование с целью господства над природой при помощи науки и техники. Такому подходу в размышлениях Бибикина всякий раз противопоставляется этика «пассивности» и «непосредственности» в отношениях с «событием мира». В некоторых местах соответствующие этой теме рассуждения носят подчёркнуто религиозный окрас: «...я чувствую свой долг свидетельствовать о необъяснимом благе жизни в эпоху механического и эксплуататорского отношения к ней. Я должен, чтобы после меня осталось свидетельство моего примирения с жизнью и религиозного удивления перед ней»<sup>51</sup>.

Как мы видим, этика в познании демонстрирует выраженную связь с религиозной верой и её истиной. Бибикин прямо пишет, что человеку свойственно по природе стремиться к подлинному я, которое заключается в бытии с Богом:

Только погружение в подлинное «я» открывает человеку действительную сладость его источника. Не стремиться к наслаждению, счастью, «эвдемонии» человек не может: так устроена его природа. Не зная, не ведая, не видя глубочайшего счастья бытия с Богом, он не может не прилепляться к ложным наслаждениям. Поэтому и получается, что он грешит от неведения: исполняя истинное, природное стремление к счастью, грешит с ложными образами счастья, потому что не знает истинного<sup>52</sup>.

В определённые моменты тон Бибикина обретает почти неоплатоническую высоту. Например, в заметке о том, как истинная реальность черпает своё основание в бездне:

<sup>50</sup> В архивной папке, составленной В.В. Бибикиным, эта запись без отмеченной даты лежит между записями от 30 июня и от 7–8 июля 1970 г. (*Бибикин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов.* СПб., 2022. С. 42–43. (Курсив мой. – М.Г.)

<sup>51</sup> Там же. С. 17. (Курсив мой. – М.Г.)

<sup>52</sup> Там же. С. 108. Религиозный аспект мысли Бибикина, будучи связан с этикой и познанием, предполагает, что все средства для подлинного существования в согласии с истиной у нас уже есть, однако ими нужно суметь воспользоваться: «Мы всегда прощаемся мимо души и Бога, когда читаем о неких событиях и воображаем, что они должны с нами когда-то совершиться, если мы сможем их стяжать. Но на деле они уже совершились. И Царствие Божие, о котором мы читаем, на самом деле внутри нас. Умейте только вернуться в себя» (Там же. С. 115).

В вечном мире всё наоборот, например необязательность здесь следствий и причин и вообще законов. Законы здесь «наоборот»: из реальности, как-то данной, вырастают все предшествующие причины. Дерево, растущее корнями вверх...

Опора здесь – непостижимый, inattingible vertex, бездна, abgrund, которая есть в то же время urgrund и grund.

Species не формируют, а информируют. Помимо abgrund реальностей нет<sup>53</sup>.

Таким образом, тема интуитивного познания и особой этики в отношении мира и мышления ярко представлена в «Отдельных записях». Эта тема объединяет в себе детскую непосредственность древней философии и специфическую «пассивность» в отношении события мира. На наш взгляд, это центральный сюжет философии Биbihина, который так или иначе затрагивает остальные. «Отдельные записи» показывают, что философская жизнь Биbihина полна непрерывного усилия мысли, усилия мыслить «против» самой мысли с её инерциями, будь то общественного или философского происхождения, – мысли, которая была верна себе до последнего предела, в том числе и в частной жизни, в наиболее интимных её обстоятельствах.

### Другие записи

Наконец, рассмотрев сюжеты «Отдельных записей», которые резонируют и дополняют уже опубликованное и широко известное творчество В.В. Биbihина, отметим также и то новое, что можно обнаружить в сборнике.

К этой категории можно отнести сохранённые В.В. Биbihиним фрагменты собственных писем<sup>54</sup> (ответы корреспондентов в большинстве случаев отсутствуют), записи снов<sup>55</sup>, стихотворений<sup>56</sup>, а также личные, если не интимные, откровения, более подходящие по форме на исповедь, которые не могут не вызывать у читателя чувство острой деликатности<sup>57</sup>. Как мы писали выше, «Отдельные записи» не совсем корректно называть дневником, однако если что-то и приближает сборник к этому жанру, так это подобные фрагменты.

Однако следует заметить, что большинство личных записей зачастую довольно отрывочны или отсылают к очень узкому контексту, поэтому из них сложно вынести какую-то содержательную информацию о личности Биbihина, не говоря уже о его философии. Поэтому мы склоняемся к мысли, что они могут быть полезны, скорее, для изучения его биографии. По-видимому, составители включили эти записи в сборник в надежде, что кто-то сможет к ним подступиться и что-то из них вынести, ведь в конце концов, если автор поместил эти записи в архивную папку, то они потенциально значимы. Однако, на наш взгляд, при прочтении иногда складывается

<sup>53</sup> Биbihин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022. С. 153.

<sup>54</sup> Например, см.: Там же. С. 163–169, 270–271, 498–499, 705 и т.д.

<sup>55</sup> Весь сборник полон записей снов разных лет (Например, см.: Там же. С. 187–190, 384–386, 517, 622 и т.д.), а также ссылок на «подслеповатого титана Фрейда» (Там же. С. 132) и даже на Лакана (Там же. С. 144).

<sup>56</sup> Например, см.: Там же. С. 35–39, 56–63, 69–70, 80–81, 155–160, 505, 549 и т.д.

<sup>57</sup> Например, в самом начале сборника, среди очень ранних из сохранившихся записей, мы встречаем следующий фрагмент: «Первый разговор, мучительный, мучительный, мучительный, был, когда она показывала мне египетские картуши. Птолемей и Клеопатра. Но мне была интересна она, а египетские картуши мне были не интересны... Я до сих пор живу с этой мукой. Кажется ещё, что я был так слеп, что сваливал вину чуть было не на неё. Уж конечно я не знал, и, уверен, каким инстинктом не мог угадать, что она может хотеть, чтобы я мучился, понимая, что мне это нужно, так ведя меня. Иначе ведь для неё вести было невозможно, и бросить меня ей было невозможно. Она была в безвыходном положении... Я был не её круга, и ситуация была, наверное, ей необычна – или обычна? Я не знаю; я её совсем не знаю. Но, давая, она богателя. Так ведь всегда бывает» (Там же. С. 19). Подобные фрагменты мы встречаем на протяжении всего сборника.

впечатление, что те или иные узкие отсылки, намёки или краткие замечания, разбросанные по всему сборнику, несмотря на утончённую литературную форму, не несут в себе большой ценности и, как содержание любой авторской картотеки, обретают смысл только в руках своего составителя.

### Заключение

Хронология «Отдельных записей» заканчивается 1989 г. неслучайно – Бибихина приглашают читать лекции в качестве сотрудника Института теории и истории мировой культуры при философском факультете МГУ. С этого момента философские размышления, которые мы находим в «Отдельных записях», больше не прячутся в стол, для них наконец находится чуткая и признательная аудитория.

Резюмируя наш критический анализ содержания сборника, публикация «Отдельных записей» может быть интересна как читателям, желающим познакомиться с личной жизнью Бибихина, так и исследователям, работающим с его философским наследием. Этот союз возможен благодаря тому, что частная жизнь В.В. Бибихина, представленная разрозненными заметками «Отдельных записей», словно лента Мёбиуса оказывается оборотной стороной его философии, продолжением философствования иными средствами. В силу этой неразрывной связи у нас есть два влияющих на работу с этими материалами замечания, которые мы хотели подчеркнуть в нашей рецензии.

Во-первых, изучение личных записей требует от читателя предварительного знакомства с философией Бибихина, т.к. частная жизнь философа сократического типа – изнанка его философского проекта. Несмотря на блестящее образование и невероятную эрудицию, Бибин не является типичным академическим мыслителем. В личной жизни Бибин остаётся всё тем же глубоко *рефлексивным интеллигентом*, и даже незначительные события и встречи дают начало сложным размышлениям, которые идут непроторёнными тропами, всегда находя новый способ смотреть на предмет незашоренным взглядом.

Однако, во-вторых, эта связь имеет и обратное влияние: частная жизнь мыслителя даёт нам богатый материал для исследования его философии. Как мы показали в нашей рецензии, в сборнике можно найти большое количество бибинских сюжетов и интуиций, но ещё в не до конца оформленном виде. Надо полагать, что поздние работы, по которым известен Бибин, – это прямое продолжение того пути, что наметили «Отдельные записи», в которых мы находим интеллектуальное становление русского философа и его своеобразного стиля. Поэтому материал «Отдельных записей», демонстрируя взаимную переводимость личных заметок и философских работ, открывает новое пространство для анализа и сопоставления сюжетов и аргументов Бибихина, впервые вводя различие между его «ранним» и «поздним» творчеством<sup>58</sup>.

Таким образом, «Отдельные записи» имеют источниковедческий, биографический<sup>59</sup> и историко-философский потенциал. Актуальность последнего подтверждается

<sup>58</sup> То, что такое деление в принципе стало возможно, – ещё одно доказательство заслуги «Отдельных записей»: можно ли было себе представить такое до их публикации? Кажется, что исследователи избегают говорить о русском философе в таком академическом тоне из уважения к его своеобразию, выходящему за академические рамки. Однако теперь, с появлением «Отдельных записей», у нас появляется возможность проследить развитие философии В.В. Бибихина, в том числе выделяя характерные черты, интуиции, сюжеты, свойственные преимущественно «раннему» или «позднему» этапу творчества.

<sup>59</sup> На данный момент, кроме краткой записи на сайте [bibikhin.ru](http://bibikhin.ru) за авторством К. Голубович, при участии О.А. Седаковой и О.Е. Лебедевой, полноценной биографии В.В. Бибихина всё ещё нет. Однако

острым исследовательским интересом к философии В.В. Библихина, о чём свидетельствует рост количества посвящённых ему работ в последние годы<sup>60</sup>. Всё это говорит о дальнейшей публикации наследия В.В. Библихина как о совершенно оправданной и закономерной.

### Список литературы

- Архипова М.В.* Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 197–207.
- Афонасин Е.В.* Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства («О болезнях, или Бездыханная», фр. 82–95) // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12. № 2. С. 697–704.
- Библихин В.В.* Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 400 с.
- Библихин В.В.* Слово и событие. М.: УРСС, 2001. 277 с.
- Библихин В.В.* Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. СПб.: Владимир Даль, 2022. 480 с.
- Библихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
- Библихин В.В.* Пора (время-бытие). СПб.: Владимир Даль, 2007. 367 с.
- Библихин В.В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
- Библихин В.В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб.: Владимир Даль, 2022. 816 с.
- Зелинский о. Вл.* Моя память о В.В. Библихине // Vox. Философский журнал. 2020. № 29. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/552/560.html> (дата обращения: 02.11.2023).
- Магун А.В.* Понятие события в философии Владимира Библихина // Stasis. 2015. Т. 3. № 1. С. 156–176.
- Мерзенина А.С.* Политическое «событие» и право в философии Владимира Библихина: онтический аспект и сверхэтическое измерение // Философия. Журнал Высшей Школы Экономики. 2022. Т. 6. Вып. 3. С. 70–91.
- Михайловский А.В.* О некоторых особенностях российской рецепции философии Мартина Хайдеггера в связи с дискуссией вокруг «Чёрных тетрадей» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. № 1. С. 54–71.
- Наблюдатель. Памяти философа Владимира Библихина: видеозапись телевизионного эфира. Телеканал «Культура», при участии Ольги Седаковой, Александра Михайловского и Ксении Голубович. Эфир от 16.12.2014. URL: <https://smotrim.ru/video/1154571> (дата обращения: 02.11.2023).
- Нарумов Б.П.* «Язык» лингвистики и «язык» философии. Contra Библихин // Логос. 1999. Т. 11. № 1. URL: [https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999\\_01/1999\\_1\\_11.htm](https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_11.htm) (дата обращения: 25.09.2023).
- Павлов И.И.* Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Библихина // Социологическое Обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 195–223.
- Павлов И.И.* Перестройка и девяностые в герменевтике Владимира Библихина // Философский Журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 174–187.

---

большая редакторская работа позволяет составить довольно целостное представление о жизни автора из подстрочных сносок «Отдельных записей». Будем надеяться, что они положат начало будущей биографии.

<sup>60</sup> В отечественной базе учёта рецензируемых статей eLibrary.ru (РИНЦ) за последние 8 лет количество работ о В.В. Библихине выросло в несколько раз: из всех 140 статей, в которых В.В. Библихин прямо упоминается в названии, аннотации и ключевых словах, написанных более чем 130 исследователями из разных наук, 98 (т.е. почти две трети) было написано в промежуток с 2015 по 2023 г. Популярности философии В.В. Библихина также способствуют ежегодные чтения его имени, которые проводятся в Бежецке (Всероссийская конференция «Четвёртые Библихинские чтения». Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ. URL: <https://phc.hse.ru/news/844126414.html> (дата обращения: 25.09.2023)).

Расшифровка доклада В.В. Бибихина «Деррида читает Хайдеггера» // Доклад В.В. Бибихина в РГГУ 01.11.1996. URL: <http://www.bibikhin.ru/reports/261> (дата обращения: 29.09.2023).

*Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

*Хан Е.И.* Настроения исторического времени: «новый ренессанс» В. Бибихина и «историческая тревога» П. Рикёра // *Философия. Журнал Высшей Школы Экономики*. 2021. Т. 5. № 1. С. 136–158.

*Чанцев А.В.* Аскетические практики последних вопросов // *Дружба народов*. 2023. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2023/10/asketicheskie-praktiki-poslednih-voprosov.html> (дата обращения: 02.11.2023).

*Черняк А.А.* Проблема реальности как основания поступка: экзистенциально-феноменологический подход. 2016. Дисс. на соискание уч. степени к. филос. н. Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. 136 с.

*Шестова Е.А.* Герменевтическая этика Владимира Бибихина (чтение как событие) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6. № 3. С. 57–69.

*Шульц С.А.* Со-философствуя с Л. Толстым. Рецензия на работу: Бибихин В.В. Дневники Л. Толстого. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. 480 с. // *Новое прошлое / The New Past*. 2016. № 3. С. 241–245.

*Ярлова В.Д.* Философская речь как предмет осмысления Владимира Бибихина // *Kant: Social Sciences & Humanities*. 2022. Т. 12. № 4. 2022. С. 4–18.

*R. Rorty.* The Historiography of Philosophy: Four Genres // *Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy* / Ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind & Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–75.

**Благодарность:** В данной научной работе использованы результаты проекта «ТЗ-96 Феноменологические течения в философии XX–XXI вв.: истоки, влияния, развитие», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

### Early V.V. Bibikhin

Review on: Bibikhin V.V. Selected Writings of 1965–1989.

St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 816 p.

**Mikhail D. Golubov** – postgraduate student of the School of Philosophy and Cultural Studies, trainee researcher at the Research and Training Laboratory of Transcendental Philosophy. National Research University Higher School of Economics. 21/4 c1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: [alens@alens.ru](mailto:alens@alens.ru), [mgolubov@hse.ru](mailto:mgolubov@hse.ru)

The review offers an analysis and evaluation of the collection “Selected Notes of 1965–1989”. In the book we meet not so much diary entries as a collection of multi-genre notes, not united by a common plot or strategy of authorial intention. Due to the fact that V. Bibikhin is a Socratic philosopher, his personal notes are permeated with philosophy: the collection demonstrates that V. Bibikhin’s private life is an underside of his philosophical project, the continuation of philosophizing beyond academic texts. Therefore, the personal writings are, among other things, of research interest. In our assessment, the collection reveals subjects fundamental to Bibikhin’s philosophy, widely known to his readers and often found in the corpus of already published texts: the themes of event, language, childhood, ancient philosophy, intuitive cognition, and other related ones. The fragments of “Selected Notes” considered in the review can easily be compared with quotations from later, more academic works. Therefore, in our opinion, the publication of “Selected Notes” provides an opportunity to trace the genesis of the central themes of V. Bibikhin’s later works, introducing for the first time a conceptual distinction between the thinker’s “early” and “late” works. Thus, V. Bibikhin’s “Separate Notes” represent a rich material with source study, biographical and historical-philosophical potential. All this suggests that further publication of V. Bibikhin’s legacy is absolutely justified and legitimate.

**Keywords:** V. Bibikhin, diaries, event, childhood, ancient philosophy, intuitive cognition



**For citation:** Golubov, M.D. Ranniy V.V. Bibihin [Early V.V. Bibikhin. Review on: Bibikhin V.V. Selected Writings of 1965–1989. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 816 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 87–106. (In Russian)

## References

Afonasin, E.V. Geraklid Pontiiskii. Fragmenty i svidetel'stva [Heraclides of Pontus. Fragments and Testimonies], *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Scholae. Philosophical Antiquity and Classical Tradition], 2018, Vol. 12, No. 2, pp. 697–704. (In Russian)

Arhipova, M.V. Psihologicheskie svoystva i predstavleniya, svyazannye s praktikoj vedeniya lichno-go dnevnika [Psychological Properties and Ideas Related to the Practice of Keeping a Personal Diary], *Vestnik Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2012, Vol. 13, No. 3, pp. 197–207. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averintsev* [Alexey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 480 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. St. Petersburg: Nauka, 2003. 400 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Istoriya sovremennoj filosofii (edinstvo filosofskoj mysli)* [History of Modern Philosophy (Unity of Philosophical Thought)]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2014. 398 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Otdel'nye zapisi 1965–1989 godov* [Selected Recordings from 1965–1989]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 816 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Pora (vremya-bytie)* [Duration (Time-Being)]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2007. 367 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Slovo i sobytie* [Word and Event]. Moscow: URSS, 2001. 277 p. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Yazyk filosofii* [The Language of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka, 2007. 389 p. (In Russian)

Chantsev, A.V. Asketicheskie praktiki poslednih voprosov [Ascetic Practices of Recent Issues], *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], 2023, No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2023/10/asketicheskie-praktiki-poslednih-voprosov.html>. (In Russian)

Chernyak, A.A. *Problema real'nosti kak osnovaniya postupka: ekzistentsial'no-fenomenologicheskij podhod* [The Problem of Reality as the Basis of an Act: An Existential-phenomenological Approach], 2016. 136 p. (In Russian)

Father V. Zelinsky. Moya pamyat' o V.V. Bibikhine [My Memory of V.V. Bibikhin], *Vox. Filosofskij zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 2020, No. 29. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/552/560.html>. (In Russian)

Haidegger, M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. (In Russian)

Han, E.I. Nastroeniya istoricheskogo vremeni: “novyj renessans” V. Bibikhina i “istoricheskaya trevoga” P. Rikera [Moods of Historical Time: V. Bibikhin's “New Renaissance” and P. Ricœur's “Historical Anxiety”], *Filosofiya. Zhurnal Vysshej Shkoly Ekonomiki* [Philosophy. Journal of HSE], 2021, Vol. 5, No. 1, 2021, pp. 136–158. (In Russian)

Magun, A.V. Ponyatie sobytiya v filosofii Vladimira Bibikhina [The Concept of an Event in the Philosophy of Vladimir Bibikhin], *Stasis*, 2015, Vol. 3, No. 1, pp. 156–176. (In Russian)

Merzenina, A.S. Politicheskoe “sobytie” i pravo v filosofii Vladimira Bibikhina: onticheskij aspekt i sverheticheskoe izmerenie [Political “Event” and Law in the Philosophy of Vladimir Bibikhin: Ontic Aspect and Superethical Dimension], *Filosofiya. Zhurnal Vysshej Shkoly Ekonomiki* [Philosophy. Journal of HSE], 2022, Vol. 6, No. 3, pp. 70–91. (In Russian)

Mikhailovskij, A.V. O nekotoryh osobennostyah rossijskoj retseptsii filosofii Martina Haideggera v svyazi s diskussiej vokrug “Chernyh tetrad” [On Some Features of the Russian Reception of Martin Heidegger's Philosophy in Connection with the Discussion Around the “Black Notebooks”], *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy], 2017, No. 1, pp. 54–71. (In Russian)

“Nablyudatel”. Pamyati filosofa Vladimira Bibikhina [“Observer”. In Memory of the Philosopher Vladimir Bibikhin]. TV Channel Kul'tura [Culture] with the Participation of Olga Sedakova, Alexander Mikhailovsky and Ksenia Golubovich. Broadcast from 12.16.2014. URL: <https://smotrim.ru/video/1154571>. (In Russian)

Narumov, B.P. “Yazyk” lingvistiki i “yazyk” filosofii. Contra Bibikhin [The “Language” of Linguistics and the “language” of Philosophy. Contra Bibikhin], *Logos*, 1999, Vol. 11, No. 1. URL: [https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999\\_01/1999\\_1\\_11.htm](https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_11.htm). (In Russian)

Pavlov, I.I. Ontologiya vlasti kak ontologiya istorii: politicheskaya filosofiya Vladimira Bibikhina [The Ontology of Power as the Ontology of History: the Political Philosophy of Vladimir Bibikhin], *Sotsiologicheskoe Obozrenie* [The Sociological Review], 2019, Vol. 18, No. 3, pp. 195–223. (In Russian)

Pavlov, I.I. Perestroika i devyanostye v germenevtike Vladimira Bibikhina [Perestroika and the Nineties in Vladimir Bibikhin’s Hermeneutics], *Filosofskij Zhurnal* [Philosophy Journal], 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 174–187. (In Russian)

Rorty, R. The Historiography of Philosophy: Four Genres, in: *Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy* / Ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind & Q. Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–75.

Shestova, E.A. Germenevticheskaya etika Vladimira Bibikhina (chtenie kak sobytie) [Hermeneutical Ethics of Vladimir Bibikhin (Reading as an Event)], *Filosofiya. Zhurnal Vyshej Shkoly Ekonomiki* [Philosophy. Journal of HSE], 2022, Vol. 6, No 3, pp. 57–69. (In Russian)

Shul’ts, S.A. So-filosofstvuya s L. Tolstym [Co-philosophizing with L. Tolstoy], *The New Past*, 2016, No. 3, pp. 241–245. (In Russian)

Transcript of V.V. Bibikhin’s report “Derrida chitaet Haideggera” [Derrida Reads Heidegger]. URL: <http://www.bibikhin.ru/reports/261>. (In Russian)

Yarovova, V.D. Filosofskaya rech’ kak predmet osmysleniya Vladimira Bibikhina [Philosophical Speech as a Subject of Comprehension by Vladimir Bibikhin], *Kant: Social Sciences & Humanities*, 2022, Vol. 12, No. 4, pp. 4–18. (In Russian)

**Acknowledgement:** This research paper uses the results of the project “Technical task 96 Phenomenological Currents in Philosophy of 20th–21st Centuries: Origins, Influences, Development” carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2023.

*Е.С. Петриковская*

### **О смысле памяти**

Рецензия на: Шор О.А. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч.  
О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2023. 229 с.

**Петриковская Елена Сергеевна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: lenape.69@mail.ru

Рецензия представляет читателю впервые изданные рукописи Ольги Александровны Шор, известной как биограф и издатель сочинений русского поэта Вячеслава Ивановича Иванова. В рецензии подробно рассматривается изданный по автографам, хранящимся в Римском архиве Вяч. Иванова, трактат «Мнемология», а также вошедшие в книгу отдельные записи. Философствование Ольги Шор предлагается понимать как своеобразный мистический онтологизм, опирающийся на понятие бытия как исходного пункта для описания онтологической памяти и реальности события. Контурно рассматриваются связи и взаимодействия размышлений автора трактата с культурным контекстом – философией Платона и Аристотеля, наследием Вяч. Иванова, неокантианством, русской и европейской религиозно-философской мыслью. Автор рецензии выражает надежду, что первая и весьма обстоятельная публикация «Мнемологии» позволит привлечь исследовательское внимание к самостоятельному философскому творчеству Ольги Шор. Возвращение таких забытых имён и трудов в наше интеллектуальное пространство важно и тем, что оно открывает доступ в творческую лабораторию Серебряного века, занятого поиском выхода из кризиса европейской культуры и созданием оригинальной версии культурфилософии. Ольга Шор оставила свой труд незавершённым, не подготовив его к изданию, что делает некорректным серьёзный критический разбор этого произведения; в рецензии главным образом проясняются узловые пункты мысли автора и предлагается интерпретация авторского замысла.

**Ключевые слова:** память, Серебряный век, русский символизм, неокантианство, Вячеслав Иванов, культура, трагедия, О.А. Шор

**Для цитирования:** *Петриковская Е.С.* О смысле памяти. Рецензия на: Шор О.А. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2023. 229 с. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 107–119.

Ольга Александровна Шор (1894–1978) – философ, искусствовед, ученица и последовательница русского поэта Вячеслава Ивановича Иванова, биограф и издатель его сочинений, личность и философское творчество которой долгое время

оказывались на периферии исследовательских интересов, привлекая внимание лишь в связи с жизнью своего учителя – в качестве представителя сложившегося вокруг него интеллектуального круга.

Встречу с Вяч. Ивановым и его творчеством Шор рассматривала как главное событие своей биографии, которое на философском языке Шор и Иванова обозначалось понятием «апантема», т.е. встреча в высоком экзистенциальном смысле, онтологическое совпадение родственных душ. После переезда в Италию в 1927 г. и до конца жизни вся деятельность Шор была посвящена интерпретации, изданию и комментированию сочинений Иванова. В публикациях, изданных под псевдонимом О. Дешарт (Deschartes), ею проводился анализ философских идей, лежащих в основе его поэзии.

Многолетняя собеседница поэта стала соавтором его последнего произведения «Повесть о Светомире Царевиче», над которым он работал в период своей итальянской эмиграции, с перерывами – примерно 21 год (с 1928 г. по 1949 г.). Сама «Повесть...» рассматривается как своеобразное духовное завещание мыслителя, в основе которого лежит его автобиография. Перу Вяч. Иванова принадлежат первые пять книг. Написанные О. Шор 6–9 книги исследователи называют «продолжением» «Повести...», оставляя открытым вопрос о том, в какой мере данный текст соответствует замыслам самого поэта. Не имея чёткого плана развития сюжета, Иванов допускал, что Шор может что-то «открыться» в этой истории о сказочной стране, символически изображающей Россию. Они были сообщниками, и поэт верил в её способность развить в правильном русле изменчивые образы «Повести...»<sup>1</sup>.

Опыт первой и весьма обстоятельной публикации «Мнемологии», рассматриваемой нами ниже, позволяет надеяться на то, что художественное и философское творчество Ольги Шор привлечёт к себе то внимание исследователей, которое оно по праву заслуживает. Возвращение таких забытых имён и трудов в наше интеллектуальное пространство важно и тем, что оно открывает доступ в творческую лабораторию Серебряного века, занятого поиском выхода из кризиса европейской культуры и созданием оригинальной версии культурфилософии.

«Мнемология» – это оригинальное философское размышление об онтологической памяти (а не памяти как предмете психологической науки), призванное отвечать запросам жизни, ориентировать современное сознание в важнейших вопросах бытия. Автору трактата важно вернуть проблему памяти в нужное русло: Шор идёт наперекор «школьной» современной философии, которую характеризует как «депласированная вездесущность, мертвенная суета»<sup>2</sup>. Мы имеем дело со смелой попыткой в системной и рациональной форме обозначить структуру целостного опыта, ассоциируемого со словом «культура», который как раз и играет роль сопряжения знания и жизни.

Крайне важно проследить логику рассуждений мыслителей XX в., представителей «философствующего искусства» в отношении онтологии, метафизического характера искусства, теургии, жизнетворчества, роли духовной культуры в жизни человека и общества. Хотя мы сейчас не можем похвастаться их оптимизмом, те ценности, которые они отстаивали, нисколько не утратили своей значимости.

Вместе с тем Ольга Шор оставила свой труд незавершённым, не подготовила его к изданию. Дошедший до нас текст имеет черновую форму. Автор не поставила окончательной точки и не дописала ряд параграфов. Поэтому серьёзный критический разбор этого произведения невозможен. В рецензии мы главным образом проясним

<sup>1</sup> См. комментарии к научному изданию текста в серии «Литературные памятники»: *Иванов В.И. Повесть о Светомире Царевиче* / Подгот. изд. А.Л. Топоркова, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина. М., 2015.

<sup>2</sup> *Шор О. Мнемология* / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 145.

некоторые узловые пункты мысли автора, предложив свою интерпретацию авторского замысла.

Разбираемый текст для современного читателя необычен тем, что он ставит в центре всего память, рассматриваемую как важнейшую проблему мировоззрения, решение которой достигается через «логико-математическое осмысление законов и процессов небесного мира – вечной борьбы ангелов и “аггелов”»<sup>3</sup>. Такая работа не терпит суеты и спешки, и оттого на неё ушли годы (задумана «Мнемология» была, вероятно, ещё в студенческие (1910-е) годы, а запись первой редакции текста начата 28 февраля 1930 г.); даже неустанно поторапливавший ученицу Вяч. Иванова, который придавал большое значение этому сочинению, был не в силах ускорить процесс. Скорее всего, ему показывали «страницы невнятной бормотни», но он смог почувствовать их духовный жар, о чём поведал в акrostихе «Сотруднице» (1932). Работая над «Мнемологией», Шор также переписывала первую книгу «Повести о Светомире Царевиче» Вяч. Иванова, готовила эссе о Вяч. Иванове и М.О. Гершензоне, которые должны были стать предисловием к итальянскому изданию «Переписки из двух углов».

«Мнемология» О. Шор, безусловно, тесно связана с мировидением Вяч. Иванова. Но её интерпретация мистических прозрений поэта заслуживает дальнейшего, более внимательного изучения, и такая возможность появляется с публикацией рецензируемого текста. Пользуясь случаем, мы хотели бы обратить внимание на несколько важных моментов. Заметим, что предисловие к первому тому брюссельского издания сочинений Вяч. Иванова и «Мнемология» создаются параллельно. Очерк о жизни и деятельности поэта, в значительной степени основанный на его устных свидетельствах, – важнейший источник для реконструкции замысла книги о памяти.

Шор уже зарекомендовала себя как истолкователь мифотворчества Вяч. Иванова в *определённом* ключе, который следует признать в значительной степени апологетическим или идеализирующим. Литературоведы признают, что есть запрос на «тщательный аксиологический и духовный анализ творчества Иванова, исследование его мифопоэтических построений в их сущности (а не в многочисленных, произвольных и бессистемных интертекстуальных связях)»<sup>4</sup>. Для первого собрания сочинений Иванова О. Шор, по мнению Т.А. Кошемчук, выбрала именно апологетический и «лакировочный подход», представляющий безупречный образ поэта-христианина («В стихах и в прозе В.<ячеслав> И.<ванов> ищет правдиво, точно сообщить, как Христос в душе человека рождается и как человек “во Христа облекается”»<sup>5</sup>). В этом видят ошибку:

Ведь совсем иным было её отношение – к Микеланджело, там тоже любовь, но подход вглубь, к самой духовной личности, – и этого она не позволила себе по отношению к Вяч. Иванову, а ведь она знала более всех о глубинных тайнах этого духа! И потеря невозвратима. Ибо такая душа, даже в проблемном, даже в срывах, но ведь и в вершинах – увиденная из глубины взглядом любви и правды, есть – могла бы быть – великой ценностью<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 4.

<sup>4</sup> Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 134.

<sup>5</sup> Рудник Н., Сегал Д. Письмо О. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну // Зеркало. 2021. № 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html> (дата обращения: 26.04.2024).

<sup>6</sup> Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями. С. 139.

Иными словами, Шор упрекают в том, что она создала *житие* вместо биографии *дионисийствующего* поэта. Однако она стремилась сохранить главный смысл свершившегося события под названием «Вячеслав Иванов»:

В.<ячеслав> И.<ванов> – лирический поэт. А лирический поэт сам себе задан как миф. Лирика, даже самая интимная (если и поскольку она – подлинная лирика), всегда есть точное описание объективной, высшей реальности, но описание в аспекте особого, своеобразного опыта и неповторимого личного переживания. Лирический поэт будто бы капризно и своевольно утверждает единственность каждого своего чувства и поступка, и в то же время явленной тайной своей поэзии он «в едином и через единственное открывает всеобщее и вселенское». Запечатлевая свою личность обращением её в миф, он тем самым и постигает и знаменует истинное, высшее бытие<sup>7</sup>.

Изданный трактат «Мнемология» напечатан по автографам, хранящимся в Римском архиве Вяч. Иванова (РАИ). Он содержит первую (печатается по автографу: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 2; датируется 1930–1932 гг.; состоит из семи глав, где шестая – отсутствует, третья и седьмая – не окончены) и вторую редакции (печатается по автографу: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 1; датируется 1933 г.; состоит из двух глав), а также отдельные записи (это избранное из подготовительных материалов, рабочих записей к двум книгам – о памяти и о Микеланджело), связанные с темой памяти. В Приложении издатели поместили стихотворения Вячеслава Иванова, посвящённые Ольге Шор, три статьи о ней Ю.П. Иваска, Б.А. Филиппова и В.А. Рудича. В подстрочных примечаниях воспроизводятся зачёркнутые автором фрагменты текста, переданы также авторские подчёркивания.

Первая редакция в 1933 г. переписана О. Шор в тезисной форме, но не полностью – только две главы. Глава III («Дедукция времени») во второй редакции лишь заявлена. В итоге вторая редакция почти в три раза меньше, чем первая.

Итак, перед нами «заброшенная книга»<sup>8</sup>. Повторюсь, даже эти наброски с авторскими пометками представляют интерес для исследователя русской мысли в силу того, что шоровская концепция памяти развивается в свете эволюции русского символизма. До сих пор остро ощущается нехватка теоретического языка, на котором можно было бы обсуждать проблемы подобной теории, избегающей установленных рубрик. Характер изложения рецензируемого текста, употребляемые термины и образы, а также цитируемые тексты красноречиво свидетельствуют, что мышление теоретика символизма не знало чётких границ между философией, богословием, литературой и наукой.

Несмотря на профессиональную философскую подготовку, О. Шор философствует не академично, едва ли не на грани мистицизма. «Мнемология» представляет собой обоснование «апантетической» философии и включает следующее содержание:

Первая редакция. О ПАМЯТИ. АПАНТЕМА. МНМОЛОГИА.

Глава I. (в конце главы) Типология Зла как диалектика беспамятства.

Глава II. Пролог на небе. § 1 Иерархии ангельские. § 2 Падение ангелов. § 3 Архангел Михаил. § 4 Ариман. § 5 Архангел Гавриил. § 6 Люцифер. § 7 Архангел Рафаил. § 8 Асмодей. § 9 (без названия).

Глава III. Человек (*где рассказывается, как черт с Богом борется, а арена – сердца людей*). Только один параграф с названием – § 5 Платон (Федр).

Глава IV. Κένωσις. Метафизическая топография κένωσις'α. Трагедия. § 1 Рождение трагедии. § 2 Трагедия творчества и жизни.

Глава V. Протомиф.

Глава VII. Апантема.

<sup>7</sup> Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 31.

<sup>8</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 11.

Первая глава довольно короткая, особенно в первой редакции. Она сжато, почти тезисно, вводит и приводит во взаимосвязь ключевые термины книги – «узна(ва)ние», «память», «бытие», «событие», «встреча»: «Узнание есть единственный акт, свидетельствующий о наличии пребывания»<sup>9</sup>. Узнавать пребывающее означает познавать его. Узнавания отнесены к непреходящему Вседержителю – Бытию: «В актах узнавания нашего открывается нам Бытие»<sup>10</sup>. Описание внутренней жизни Бытия («Бытие из себя рождает Слово, говорит Событием») приводит к памяти:

Событие возвращается к Бытию актом Памяти. Память возвращает событие Бытию. Память исходит из События и из Бытия; она есть их встреча... Память есть динамический аспект, движущийся образ Бытия... Память по существу своему есть Бытие в акте возврата; о ней нечего спрашивать, что она вспоминает. Неустанное создание памятного знака и его возврат в Память есть природа, сущность самой Памяти. А воскресительный возврат есть сущность Анамнезиса<sup>11</sup>.

Вторая редакция первой главы более подробно останавливается на теории припоминания: «Память непосредственно даётся в актах воспоминания и узнания. Воспоминание – движущийся образ памяти, то, что непосредственно представляется нам собственно памятью, – обращено к прошлому, узнание же – к настоящему»<sup>12</sup>.

Автору важно привести в связь основной закон мысли – закон тождества (как акт узнания) – с памятью. В аспекте памяти рассмотрены и другие законы логики, сведённые к закону тождества. По мнению Шор, сущностью мышления является память: держание в уме целого гарантировано только памятью. Шор приписывает Вяч. Иванову открытие «закона избыточного основания» как акта усмотрения связей, определяющих место единичного в целом универсума. И в этом усмотрении проявляется работа памяти<sup>13</sup>.

Среди цитируемых авторов главное место принадлежит блаженному Августину и его идее человека как помнящей души. Философия памяти Шор – это философия Платона, развитая Августином и глубоко пережитая поэтом-мыслителем Вяч. Ивановым, которую в целом можно охарактеризовать как мистический платонизм: «Память есть не только способность души, но и действие духа, Духа Животворящего»<sup>14</sup>. Широко и пристрастно исследуется Шор идея троичности времени, которая, по её мнению, была утрачена Декартом и Бергсоном. Вместе с этим утрачены и понимание настоящего как встречи прошлого с будущим, родственность воспоминания и мечты: «Держание есть основной аспект Памяти, обнимающий всё», «непреходящая апантема»<sup>15</sup>.

Вторая глава «Пролог на небе» в обеих редакциях состоит из девяти параграфов, её название отсылает ко второму прологу трагедии Гёте «Фауст». Здесь предложена типология зла как диалектика беспамятства. Автор возвращается к описанию «внутренней жизни Бытия» в аспекте усическом и ноэтическом: «Бытие полагает своё иное как Ничто (Хаос) и творит из него событие, которому дарует свободу. Событие вольно вернуться или не вернуться к Бытию... Если вспыхнет в нём Любовь встречная бытийному Благоволению, то оно в лоно Бытия

<sup>9</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 21.

<sup>10</sup> Там же. С. 23.

<sup>11</sup> Там же. С. 23–24.

<sup>12</sup> Там же. С. 109.

<sup>13</sup> Там же. С. 112.

<sup>14</sup> Там же. С. 113.

<sup>15</sup> Там же. С. 119.

возвратится»<sup>16</sup>. Описание этого процесса в терминах нозических (состояний сознания) являет сложное сплетение между памятью и самосознанием:

Память, исходящая из Бытия, готова превратить свободное событие в знак *Памяти*, памятный знак, готова сделать его событием, существом, Бытию сопричастным, вестником, Ангелом Памяти. Но для того, чтобы это осуществилось, надобно, чтобы и из события изошла Память. Событие вольно узнать или не узнать себя как памятный знак, вспомнить или не вспомнить своё Бытие, само Бытие<sup>17</sup>.

История взаимоотношений, разворачивающихся между памятью и событием, символически отображена в формулах, выявляющих природу ангельского мира. Шор здесь руководствуется идеями из второй главы сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», которого она цитирует по французскому изданию в переводе аббата Жоржа Дарбуа (1845), впоследствии архиепископа Парижского. Падение ангелов и другие сюжеты и герои христианской мифологии описаны в формулах, над которыми впоследствии производятся формальные операции. Основная интрига связана с диалектикой памяти и забвения, беспамятства, небытия. Производится формальная операция, из четырёх жестов-знаков (обозначение памяти, забвения, открывающего и закрывающего жеста) делаются всевозможные перестановки и сочетания по два<sup>18</sup>, а затем прочитываются получившиеся алгорифмы. Таким образом, автор выводит основную типологию добра и зла, которая раскрывается как диалектика памяти и забвения, олицетворяемая архангелами Михаилом (действие), Гавриилом (славословие) и Рафаилом (правая оценка, узнание), с одной стороны, и злыми силами – Ариманом (бездействие), Люцифером (суесловие) и Асмодеем (духовная слепота и потеря ориентации) – с другой. Ареной борьбы ангелов с дьяволами являются души людей.

Введённые символические обозначения борьбы памяти с беспамятством используются и в третьей главе «Человек». Она самая большая по объёму. Здесь получает развитие идея человека как помнящей души и даётся определение культуры как совокупности вещных и действенных знаков, в которые посредством своих «да» и «нет» по отношению к памяти или забвению человек обращает им же самим творимые события. Так в культуре организуются и живут и память, и беспамятство: «Действие и вещь – обители Памяти на земле»<sup>19</sup>. Эти виды сохранения памяти друг в друга переходят: «Как живая человеческая личность является зараз обителью и царя, и пророка, и святого, и поэта, так творение человека, запечатлевшего Бытие, несёт в себе и действенность и вещьность»<sup>20</sup>.

Сказанное выше позволило автору развернуть концепцию культуры как памяти: «Праведное действие и подлинная вещь – вот знаменья самой Памяти, знаки победы Её над Беспамятством»<sup>21</sup>. Подлинная культура есть соединительная среда, её высшая цель – теургия, т.е. в духе Вл. Соловьёва творческое созидание всеединства, а движущая сила – узнаванье, встреча всех со всеми<sup>22</sup>.

В этой же главе параграф пятый знакомит нас с положениями платоновской философии памяти по диалогу «Федр» в переводе С.А. Жебелёва. Шор обращает внимание, что изложенный там миф об изобретении письменности имеет не только всем известный явный гносеологический смысл, известный по учению Платона об анамнезисе:

Письмена не только тем опасны, что помогают вспом<и>нать извне и в сущности ничему не научают, они ещё опаснее тем, что отдаются всякой силе и столь же легко становятся знаками памяти, как и знаками беспамятства. <...> Утрачивая подлинную

<sup>16</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 25.

<sup>17</sup> Там же. С. 26.

<sup>18</sup> Там же. С. 29, 124.

<sup>19</sup> Там же. С. 53.

<sup>20</sup> Там же. С. 66.

<sup>21</sup> Там же. С. 50.

<sup>22</sup> Там же. С. 49.



память (не упражняясь в ней), мы лишаемся критерия истины, чувства жизни её. Воспоминание «изнутри» есть особый акт обращённости к Бытию, которую никаким иным путём обрести нельзя. Письмена, отучая «упражнять память», легко повергают душу в забвение, начинают служить небытию<sup>23</sup>.

«Ангел памяти» Платон предупреждал о преследующей человека опасности обрести памятные знаки в знаки беспамятства, поэтому считал, что «живая» речь надёжнее «мёртвой», записанной речи, уязвимой, беспомощной и неразборчивой: «Писанная речь незнающего никогда ничему хорошему научить не может – и в этом её метафизический грех»<sup>24</sup>. Шор полагает, что только по отношению к «писанной речи» верно утверждение «Вспомнить можно лишь то, что помнишь». Но учение Платона о памяти к этому не сводится: «Платон верит, что можно вновь родиться в духе, приобщившись Памяти, и что “живая речь”... “сеет” Память там, где Её раньше не было»<sup>25</sup>.

Антропологичная по содержанию глава IV (“*Κένωσις*”) посвящена природе человеческого *κένωσις*’а и трагедии. Кенозис – это богословский термин, означающий самоумаление Богочеловека Христа через вочеловечение и принятие страданий вплоть до крестной смерти. Шор трактует его как момент самоопределения личности, выбора душой своего образа, «как Бог её задумал»<sup>26</sup>. Она считает природным для человека после грехопадения состояние ужаса перед Бытием. Память опадении и о свободном первовыборе между добром и злом важна, в этом состоит основной парадокс человеческой природы: «Между Светом Памяти и Памятью о мраке зияет бездна. Бездна непроходимая, зияние несмыкаемое. Чувство этого вечного зияния есть чувство трагического: иное выражение этого чувства трагического есть Ужас, (ветхозаветный) страх перед Богом, бегство от Него»<sup>27</sup>. Христос снял страх перед Богом, заменил его любовью, единением, чем преодолел трагедию. Тем не менее трагический Ужас – это участь человека. В трактовке трагедии Шор опирается на статью Вяч. Иванова «О существе трагедии» (1912). Трагедия там, где жрец есть жертва, где исполнение долга сопровождается великим страданием, где подвиг есть падение: «Трагическое как взрыв всех смыслов, безысходная Печаль о Зле Мира, ибо сие есть не что иное, как память о *κένωσις*’е, переживание Зияния»<sup>28</sup>.

Размышления о трагедии творчества и жизни в трактовке Шор осуществляются в дискурсе «негативной антропологии», весьма популярной у европейских интеллектуалов, особенно в немецкой философской культуре, с середины 20-х по конец 50-х гг. XX в. Человек характеризуется как существо, умеющее придавать положительное значение своей парадоксальности. Человеческая негативность используется как ресурс для построения культуры («Творимая человеком культура состоит из объективаций его *κένωσις*’ов»)»<sup>29</sup>. Человек в своём творчестве повторяет божественный творческий акт, но в муках: «Человеку творение Памятного Знака, этого его подлинного пути к Богу, дано в форме отрыва – и в этом его “мука”»<sup>30</sup>.

Дальнейшее изложение мысли в главе V «*Протомиф*» тематически построено в духе книги Вяч. Иванова «Достоевский: Трагедия – миф – мистика». Именно здесь Шор демонстрирует свою философскую эрудицию, развивая аргументацию вокруг силлогизма классической логики как образа памятного акта. Ей важно указать

<sup>23</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 69.

<sup>24</sup> Там же. С. 71.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. С. 73.

<sup>27</sup> Там же. С. 75.

<sup>28</sup> Там же. С. 78.

<sup>29</sup> Там же. С. 81.

<sup>30</sup> Там же. С. 80.

на объединяющую для понятий среду, где они оказываются многообразно связанными друг с другом – полноту держания, вседержание, память, которой держится и живёт каждое отдельное определение (= знание) («Каждое понятие живёт *полнотой*»<sup>31</sup>).

Комментируя дискуссию о первенстве понятия или суждения, участником которой был Г. Риккерт («К учению об определении», 1888; «Логика предиката и проблема онтологии», 1930), Шор утверждает, что этот спор не имеет смысла, так как они одноправны, морфологически представляя собой умозаключение<sup>32</sup>. Современную логику она подвергает критике за методологизм – предпочтение силлогистике учения о методе – и замену аристотелевского «образования понятий» посредством умозаключений образованием научных понятий посредством различных методов. Этим, считает она, произведён отрыв науки от философии, «которая всегда будет вращаться в сфере невидимого умозаключения. Отказавшись же от невидимого, нельзя, конечно, всерьёз пользоваться видимым силлогизмом, который вырождается в пустую формалистику»<sup>33</sup>. Смысл обычного силлогизма состоит в том, что «он отображает первичный, невидимый жест, включающий малое понятие в большое бытие, позволяет видеть “вещи в Боге”, производит *знание*. Этот невидимый силлогизм есть внутренняя жизнь знания»<sup>34</sup>.

По мнению Шор, следует вернуться к Платону – его требованию понимать из целого и методу усмотрения целостных образов: «Узрение целого Платон имеет как первично данное. Понять значит увидеть понимаемое в логике идеи, познать его как отражение её. Такое понимание есть троичный акт невидимого силлогизма»<sup>35</sup>. Платон и Аристотель «не дружат» с аналитическими понятиями и суждениями: «В мире логоса и Памяти суждение выходит из полноты силлогизма; потому оно и синтетично... [Синтетическому суждению] онтологически предшествует полнота силлогистического троичного акта встречи. Синтетическое суждение всегда есть *знание*»<sup>36</sup>.

Глава заканчивается двумя небольшими параграфами с изложением теории познания Шор, которая основана на «сообщаемости», «*между*», «взаимодействии»: «Подлинное же познание обусловлено тем, что наши эмпирические акты познания отображают высшие акты Памяти»<sup>37</sup>. Своё развитие эта глава получает во второй редакции.

Глава VII дана в двух редакциях в разделе «<НАБРОСКИ>». Можно сказать, что здесь конспективно сделаны заметки к философии апантемы (встречи, соборности), имеющей структуру акта Памяти. Автор размышляет о мистике, мистическом акте, имеющем две формы – опыт церковный и опыт персональный.

После сделанного обзора содержания книги попробуем прояснить главную идею, которую стремится донести до нас Шор. В то время как философское исследование проблем памяти в 30–40-гг. XX столетия фокусировалось главным образом на рассмотрении особенностей восприятия прошлого в индивидуальном и коллективном сознании, Шор разрабатывала именно философию памяти, позволяющую подойти к её осмыслению как духовной универсалии высшего порядка. Её стратегия философствования о памяти – это удержание традиционного взгляда, вопреки набирающему силу стремлению свести память к реконструкции прошлого

<sup>31</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 89.

<sup>32</sup> Там же. С. 88.

<sup>33</sup> Там же. С. 92.

<sup>34</sup> Там же. С. 91.

<sup>35</sup> Там же. С. 93.

<sup>36</sup> Там же. С. 96–97.

<sup>37</sup> Там же. С. 100.

в зависимости от настоящего видения общества (М. Хальбвакс), к инструменту символической политики (П. Нора) или к идеологии. Философия Ольги Шор есть собирание утраченного общего смысла памяти для решения сотериологических задач: «Память имеет предметом своим Бытие, *единственным* предметом, потому совпадает с ним по объёму. Беспамятство = Небытие»<sup>38</sup>.

Значение книги конкретизируется в сравнении с тематически близкими ей сочинениями. Шор формировалась как мыслитель в специфическом интеллектуальном контексте, в котором обращение через эстетику к проблемам культуры становится назревшей необходимостью. В связи с присутствием подобных обращений как в русском символизме, так и в неокантианстве возникает вопрос о влиянии неокантианских идей на мнемологию Шор.

Естественно, что тему памяти Шор унаследовала от Вяч. Иванова и других своих учителей – Платона, Августина, Микеланджело. Однако нельзя сбрасывать со счетов и современные ей философские влияния: Шор прошла выучку у неокантианцев (лекции Г. Риккерта (1863–1936) она слушала во Фрайбургском университете в 1912 г.; дружеские отношения и переписку с русскими неокантианцами С.И. Гессеном и Ф.А. Степуном поддерживала всю свою жизнь) и впоследствии предпочитала философствовать о памяти фундаментально и строго, методологически выверенно.

По сравнению с неокантианцами, проблема памяти приобретает у Шор не только эпистемологическое измерение, связанное с ролью истории в жизни общества и с методологическими основами этой науки. Рецепция платонизма в русском символизме сопровождалась преодолением гносеологического идеализма неокантианства. Интерес Шор к философии Риккерта, скорее всего, связан с освоением им теории ценностей как новой области философии, что оправдывает поиски метафизических предпосылок теории знания.

О.Л. Фетисенко назвала мнемологию «ангельскими мистериями», а саму Ольгу Шор – служительницей памяти, всю жизнь стремившейся постичь этот «благороднейший дар» Бога человеку и «движущийся образ Бытия»<sup>39</sup>, и поместила в начале книги, буквально сделала окном в «МНМОЛОГИА», как в потусторонний мир *другого* мышления, картину Рафаэля Санти «Святой Михаил и дракон» (1503–1505, Лувр), изображающую победу Рыцаря над великим злом.

Пожалуй, этот тип мышления можно определить как *мистический онтологизм*, поскольку он опирается на понятие бытия как исходного пункта для описания онтологической памяти и реальности события. Такое мышление препятствовало наследованию неокантианских идей. Выяснение этого вопроса требует специального дополнительного исследования с опорой на архив Шор.

В тексте «Мнемологии» слово «память» всегда пишется с большой буквы: это память мира, память человечества, память культуры. Именно на путях культуры возможно «собирание» в памяти разрозненных моментов действительности, *анамнезис* как воскресительный возврат.

О. Шор возвращает проблеме памяти сакральный аспект, ставя поиск смысла памяти в зависимость от смысла Священной истории. Автор «Мнемологии» выводит из забвения первоначальный образ Царствия Небесного, описывая «Небесную культуру» (Глава II. «Пролог на небе» предваряется во второй редакции цитатой из Жака Маритена в качестве эпиграфа: «Кто не размышлял об ангелах, никогда не станет настоящим метафизиком»<sup>40</sup>). Символический религиозно-культурный опыт осуществляет попытку всеобъемлющего синтеза – синтеза идеи культуры и мифологемы свободы. Память, помещённая в основание не только культуры, но

<sup>38</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 146.

<sup>39</sup> Там же. С. 5.

<sup>40</sup> Там же. С. 120.

и бытия, освобождает и приносит бессмертие. Такое решение достигается путём трактовки культуры и памяти с позиций религиозного, а не культурологического сознания.

Воспоминание играет при этом важнейшую роль, выступая особым актом обращённости к бытию, техникой памяти и движущей силой культуры. Автор «Мнемологии» обходит стороной проблематику «работы памяти» на уровне личности, личного усилия припоминания (анамнесиология – это раздел мнемологии). Шор ставит память выше воспоминаний: память – «движущийся образ» Бытия, а воспоминания – движущиеся образы самой памяти: «воспоминание есть след, знак Памяти; оно уготовляет единственно доступный человеку путь к восприятию и произнесению Её»<sup>41</sup>. Но воспоминания – не только знаки верности памяти: они несут в себе и возможность измены. Когда они становятся самодовлеющими, то вызывают бесплодную мечтательность, «разлагающую Дух». Ведь тогда они – всего лишь часть целого, предатели полноты и служители забвения, поскольку полнота есть пафос памяти: «Смерть во времени побеждается не воспоминанием, а Памятью. Воспоминание времени следует, Память его преодолевает»<sup>42</sup>. Память вмещает в себя (в силу троичности времени) как направленность на прошлое, так и направленность на будущее.

Кроме европейских дискуссий об онтологии, сознании, символе, важным контекстом размышлений Шор является стремление православных мыслителей христиански оправдать культуру, которая «не принимается безоговорочно», «не входит в христианскую духовность как органический элемент»<sup>43</sup>. Русские философы и богословы связывают культуру с эсхатологией, открывают её значение по отношению к концу. При этом следует учитывать разницу между «сверхэсхатологизмом» Н.А. Бердяева и Д.С. Мережковского и «эсхатологическим утверждением» культуры в православном богословии Павла Евдокимова, о. Георгия Флоровского, в символизме Вяч. Иванова, П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева. В первом случае мы имеем дело с романтическим отказом от этого падшего мира, порывом за грани здешнего, принудительно данного и уродливого к творчеству нового, просветлённого и свободного. Во втором – с принятием этого мира и стремлением высветлить заложенную в нём идею, осознать причастность этого мира миру высшему; причастность через культуру или даже культуры как разные способы искомого причащения. Но культуру здесь следует понимать не как самодостаточную сферу, обладающую бесконечным саморазвитием, не как цель в себе.

Романтическая отчуждённость от исторической действительности приводит, например, у Бердяева к утверждению о «глубоком конфликте» идеи с историей и выведению на первый план апокалиптичности сознания. Его оппоненты утверждают, что отказ от культуры будет означать отказ от христианской церкви<sup>44</sup>.

Интеллектуальная вовлечённость О. Шор в упомянутые дискуссии (в детские и юношеские годы – в доме родителей, гостями которого были Анна Ахматова, Андрей Белый, Всеволод Мейерхольд, Михаил Гершензон, Вячеслав Иванов, потом обучение философии на философско-литературном факультете Высших женских курсов, освоение неокантианской методологии, участие в работе Государственной академии художественных наук, преподавание истории искусств) повлияла на характер построения текста, который своей откровенностью, пристрастностью

<sup>41</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 53.

<sup>42</sup> Там же. С. 119.

<sup>43</sup> Евдокимов П. Православие / Пер. с фр. С. Гриб. М., 2002. С. 433.

<sup>44</sup> Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 215.

и одновременно стремлением применить строгий логически-дискурсивный метод к сюжетам христианской мифологии напоминает тексты А.Ф. Лосева 1930-х гг. Привычные темы русских символистов здесь также переводятся в новый смысловой контекст – богословский<sup>45</sup>. Апантетическое мышление Шор «определено “красотой” (Св. Духом богословски). Поэтому естественно, что именно наш век создал эстетику, в аспекте которой «можно теперь дать всё мирозерцание»<sup>46</sup>. Для подробного раскрытия этой темы потребуются обращение к другим работам Ольги Шор. Это наводит на соображение, что издавать «Мнемологию» лучше вместе с другими текстами автора, тем более что они плохо известны широкому кругу читателей. Это даст более объёмное представление о бытовании христианских идей в культуре Серебряного века, о том, как русская интеллигенция в определённый период истории открывала для себя платонизм и христианское прочтение памяти, а также позволит проводить исследования о существовании и степени их трансформации под влиянием оккультной и мистической традиций, «разделявшихся авторами периода модернизма»<sup>47</sup>.

Размышления Шор о природе человеческого κένωσις'α<sup>48</sup> могут показаться мистерией, повествующей о добре и зле сквозь призму христианской мифологии, щедро одобренной «античностью Серебряного века», мистикой и эзотерикой: «Философ устремляется к увиденной истине неистово; он всё приближается к ней и каждый шаг свой знаменует новой формулой всё о том же несказуемом...<sup>49</sup> Философия... – вовсе не путь святого. Может им стать к<a>к и профетическое искусство. Тогда она – богословие»<sup>50</sup>.

Платоновский дух витает над всеми рассуждениями автора, но это Платон, переосмысленный в духе «профетического искусства»:

Художник между собой и видением нагораживает мир мифов; иначе он сгорел бы от близости луча. Он ищет преломлений луча... Кажется, что философ и художник антиподы. Но на больших вершинах они друг в друга переходят: философ, предельно приблизившись к своему видению, может сгореть, испепелиться, но назад отступить нельзя, и спасается он в миф (Платон). Художник, устремляясь на мир, становится слишком широк и грозит взорваться; поэтому он собирается в фокусе мысли и начинает осознать (Данте)<sup>51</sup>.

После прочтения «Мнемологии» создаётся устойчивое впечатление, что окончательный смысл мифических символов, использованных для передачи мысли, не может быть выражен языком понятий. Лучше всего с этим справится «художник» и «пророк», о чём Ольга Шор и написала в своей книге о Микеланджело.

<sup>45</sup> Гоготшивили Л.А. Платонизм в зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 922.

<sup>46</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 142.

<sup>47</sup> Петров В.В. Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 61.

<sup>48</sup> Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. СПб., 2023. С. 73–79.

<sup>49</sup> Там же. С. 62.

<sup>50</sup> Там же. С. 145.

<sup>51</sup> Там же. С. 62.

### Список литературы

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Гогтишвили Л.А. Платонизм в зеркале XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 922–942.

Дешарт О. Введение // Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Брюссель. 1971. Т. 1. С. 7–227.

Евдокимов П. Православие / Пер. с фр. С. Гриб. М.: ББИ, 2002. 500 с.

Иванов В.И. Повесть о Светомире Царевиче / Подгот. изд. А.Л. Топоркова, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с.

Кошемчук Т.А. «Третья жизнь» Вяч. Иванова: история с умолчаниями, оправданиями и обвинениями // Крымский архив. 2015. № 2 (17). С. 128–153.

Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотовой, А.Б. Шишкина. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 13–65.

Рудник Н., Сеал Д. Письмо О. Шор (О. Дешарт) Ф.А. Степуну // Зеркало. 2021. № 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html> (дата обращения: 26.04.2024).

Шор О. Мнемология / Сост., предисл., подгот. текста и примеч. О.Л. Фетисенко. Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинский Дом», 2023. 240 с.

### On the Meaning of Memory

A Review on: Shor O.A. *Mnemologiya*. Ed., introduction, prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 229 p.

**Elena S. Petrikovsky** – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lenape69@mail.ru

The review presents to the reader the first published manuscripts of Olga Alexandrovna Shor, known as a biographer and publisher of the works of the Russian poet Vyacheslav Ivanov. The review examines in detail published Shor's manuscripts stored in the Roman Archive of Vyach. Ivanov, in particular the treatise "Mnemology", as well as individual notes included in the book. Olga Shor's philosophizing is proposed to be understood as a kind of mystical ontologism based on the concept of being as a starting point for describing the ontological memory and reality of an event. The connections and interactions of Shor's reflections in the treatise with the cultural context – the philosophy of Plato and Aristotle, the heritage of Vyach. Ivanov, neo-Kantianism, Russian and European religious and philosophical thought – are considered in outline. The author of the review expresses the hope that the first and very detailed publication of "Mnemology" will draw research attention to the author's philosophical work of Olga Shor. The return of such forgotten names and works to our intellectual space is also important because it opens access to the creative laboratory of the Silver Age, which was busy searching for a way out of the crisis of European culture and creating an original version of cultural philosophy. Considering the fact that Olga Shor left her work unfinished without preparing it for publication, which makes a serious critical analysis of this work incorrect, the review mainly clarifies the key points of the author's thoughts and offers an understanding of the author's intention.

**Keywords:** memory, Silver Age, Russian symbolism, neo-Kantianism, Vyacheslav Ivanov, culture, tragedy

**For citation:** Petrikovsky, E.S. O smysle pamyati [On the Meaning of Memory. A Review on: Shor O.A. *Mnemologiya*. Ed., introduction, prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko.

St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 240 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 107–119. (In Russian)

## References

Berdyayev, N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX i nachala XX veka* [The Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> Century], in: *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya*, Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 43–271. (In Russian)

Deshart, O. *Vvedenie* [Introduction], in: *Ivanov Vyacheslav. Sobranie sochinenij*, Brussels, 1971, Vol. 1, pp. 7–227. (In Russian)

Evdokimov P. *Pravoslaviye* [The Orthodoxy], Per. s fr. S. Grib, Moscow: BBI Publ., 2002, 500 p. (In Russian)

Gogotishvili, L.A. *Platonizm v zazerkal'e XX veka, ili Vniz po lestnitse, vedushchej vverkh* [Platonism Through the Looking Glass of the 20<sup>th</sup> Century, Or Down the Stairs Leading up], in: *Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii*, Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 922–942. (In Russian)

Ivanov, V.I. *Povest' o Svetomire Tsareviche* [The Story of Svetomir Tsarevich], ed. by A.L. Toporkov, O.L. Fetisenko, A.B. Shishkin, Moscow: Ladomir Publ., Nauka Publ., 2015. 824 p. (In Russian)

Koshemchuk, T.A. "Tret'ya zhizn'" Vyach. Ivanova: istoriya s umolchaniyami, opravdaniyami i obvineniyami ["The Third Life" of Viach. Ivanov: The Story of Omissions, Excuses and Accusations], *Krymskij arkhiv* [The Crimean Archive], 2015, No. 2 (17), pp. 128–153. (In Russian)

Petrov, V.V. *Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyj khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vyacheslava Ivanova i M. Voloshina* [Teleology, the Fourth Dimension and Time Running Backwards in the Works of Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, and Maximilian Voloshin], in: *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Texts], Vol. 3, sost. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russian)

Rudnik, N., Segal, D. *Pis'mo O. Shor (O. Deshart) to F.A. Stepun* [O. Shor's (O. Deshart) Letter to F.A. Stepun], *Zerkalo* [The Mirror], 2021, No. 17. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/pismo-o-a-shor-o-deshart-f-a-stepunu.html>. (In Russian)

Shor, O.A. *Mnemologiya* [Mnemology], introduction, ed., prep. of texts and commentaries by O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Pushkinsky Dom Publishing House, 2023. 240 p. (In Russian)

*А.А. Тесля*

### **Разговоры на письме: эпистолярный архив Н.А. Бердяева**

Рецензия на: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы /

Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент.

А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной.

М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с. (Серия: «Мысль и слово»)

**Тесля Андрей Александрович** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института образования и гуманитарных наук. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56; e-mail: [mestr81@gmail.com](mailto:mestr81@gmail.com)

Эссе рассматривает вышедшее в 2023 г. издание «Николай Бердяев: Эпистолярный разговор. Архивные материалы», содержащее в себе двустороннюю переписку Н.А. Бердяева и С.Л. Франка и письма к Бердяеву Н.О. Лосского и Ю.М. Панебратцева. Хронологические границы публикуемых писем соответствуют практически всему эмигрантскому периоду жизни Бердяева (1922–1948 гг.). В переписке Бердяева и Франка, составляющей основной объём книги, охватывается множество тем, начиная с судьбы русских эмигрантских философских исследовательских, образовательных и издательских институций, преимущественно в Германии и Франции, и заканчивая житейской неупорядоченной повседневностью 1920–1940-х гг. И, разумеется, большая их доля – обсуждение замыслов, процессов подготовки и публикации философских работ, истории журнала «Путь» (1925–1940 гг.). Письма Лосского (увы, ответные письма Бердяева до сих пор не обнаружены) более формальны, дистанцированы, но также отражают как многолетнее сотрудничество философов и их внимание к работам друг друга, так и восприятие интеллектуальной жизни советской России как во многом сохраняющей континуитет по отношению и к прошлому, и к связи с эмиграцией, в том числе за счёт персональной преемственности. Особенный интерес представляют письма Ю.М. Панебратцева (1900–1937 гг.), написанные в Париж из Советской России в 1930–1931 гг. и выражающие напряжённый философский поиск довольно молодого человека, пытающегося обрести в Бердяеве советчика и наставника на этом пути. Письма Панебратцева интересны и запечатлелим того, как в самом начале 1930-х гг. их автор по крупицам собирает воедино направления русского идеалистического философствования конца XIX – начала XX в. одновременно с обращением к большой европейской философской традиции, сознательно стремясь избежать влияния официальной философии. В целом рассмотренное издание представляет ценный вклад в изучение не только жизни и творчества Бердяева, но и, за счёт крупной роли последнего, истории русской эмиграции первой волны.



**Ключевые слова:** журнал «Путь», интербеллум, история русской философии, немарксистская философия в СССР, русская эмиграция

**Для цитирования:** Тесля А.А. Разговоры на письме: эпистолярный архив Н.А. Бердяева. Рецензия на: Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с. (Серия: «Мысль и слово») // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 120–125.

Издание открывается цитатой из знаменитой статьи Вильгельма Дильтея о литературных архивах, его утверждением, что письма, наряду с другими «непосредственными интимными проявлениями жизни», черновиками, набросками, есть то, «в чём дышит жизнь личности»<sup>1</sup>.

И действительно – перед нами парадокс, ведь именно через незаконченное (наброски) или сиюминутное, реплику в разговоре, письмо, написанное бегло (а ведь письма чаще всего пишутся именно в свободное время, в момент, когда «работа дня» уже закончена) – сохраняется и передаётся то, «в чём дышит жизнь личности», а созданное специально, целенаправленно, чтобы запечатлеть своё воззрение/понимание – оказывается нуждающимся в «оживлении». Но это парадокс лишь на первый взгляд – ведь законченное произведение, которое имеет в виду Дильтей, предполагает обращённость к неопределённому кругу лиц – а зачастую ещё и несёт в себе надежду на преодоление большей или меньшей, но в любом случае значительной временной дистанции, оставаться внятными не только «здесь и сейчас», но и годы и десятки лет спустя.

Письмо же, как и набросок – за исключением тех случаев, когда письмо целенаправленно пишется «в архив» или является «публичным письмом» (и тогда по сути оказываясь тем же произведением, лишь использующим эпистолярную форму) – имеет задачу быть внятными адресату или, в случае черновика – автору. Всё остальное в этом случае – уже некий избыток, нечто, получающееся попутно, но никак не являющееся целью автора (как и настоящий дневник – нередко оказывающийся не вполне понятным и самому автору годы спустя, прочитывающему его с усилием разобраться в тогдашних чувствах и размышлениях, в отсылках, некогда совершенно внятных писавшему, но ставших глухими годы спустя, откуда и бытовавшая – и, кажется, не вполне отошедшая в прошлое, практика переписки дневника как сохранения его понятности не только для какого-то будущего читателя, но прежде всего для самого автора).

Если философский текст способен автономно преодолевать большие временные отрезки (и мы можем толковать его не только в отрыве от знания об его авторе, т.е. том знании, которое не выводимо из самого текста, включено в него, но и в самом слабом представлении о времени его создания, напротив, из него как раз адресуя вопрос о времени его создания), то «архив» – это не отдельный текст, а их коллекция, где каждый отдельный фрагмент может быть ничем не примечателен, получая значение именно как элемент совокупности (в том числе и через вопрос о причинах его сохранности или выступая как уцелевший элемент множества других, однородных). И тем самым – дать возможность более близкого, более точного в смысле распознавания авторского голоса прочтения философского текста, расслышать за ним конкретные обстоятельства, ситуацию, из которой он вырос – не сводимый к ней, преодолевающий её, но именно потому и нуждающийся и в таком

<sup>1</sup> Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 6.

понимании, осознании мысли не как «реакции» на обстоятельства, а (в том случае, когда мысль действительно состоялась) как усилия их понимания или понимания сквозь них.

И если говорить об истории русской мысли – то потребность в понимании, осмыслении творческого наследия Бердяева, круга его интеллектуальных жизненных связей совершенно очевидна, уже в силу одного масштаба, разносторонности и долговременности его влияния. Собственно, в изданном «Эпистолярном разговоре» самого Бердяева – не очень много, лишь 33 письма, по преимуществу коротких, адресованных С.Л. Франку и его жене, да и эти письма в основном – короткие записки, беглые деловые сообщения. Но Бердяев присутствует как адресат – тем самым звуча и отголосками, высвечиваясь как образ в обращённых к нему посланиях. Книга представляет собой три очень сильно отличающихся друг от друга эпистолярных комплекса. Основная её часть – переписка Бердяева с Франком (78 писем), а затем следует публикация писем к Бердяеву Н.О. Лосского (20 писем и 1 письмо Лосского свояченице Бердяева, Евгении Юдифовне Рапп, с откликом на кончину философа) и девять писем к Бердяеву Юрия Михайловича Панебратцева.

Пожалуй, именно последние представляют особенный интерес – ведь если письма Франка и Лосского, весьма любопытные сами по себе, не дают ничего принципиально нового для реконструкции биографии или духовного образа их или их корреспондента, то письма Панебратцева – открытие практически неизвестного сюжета, истории русского интеллектуала в советской России, в 1930–1931 гг. вступающего в диалог с Бердяевым, повествующего о своих исканиях, философском движении в контексте, прямо враждебном его устремлениям. Он старательно, по крупицам, пытается собрать, осмыслить тексты, важные ему в религиозно-философском размышлении.

Первое письмо его Бердяев опубликует в «Пути» (№ 22 от июня 1930 г.), разумеется, сняв имя автора – но в архиве Бердяева сохранятся ещё восемь писем, за ближайшие полтора года (последнее помечено 28 августа 1931 г.)<sup>2</sup>. Он ищет свой путь, споря с близкой, осязаемой ещё почти прямым касанием предреволюционной мыслью – и пытается по крупицам собрать понимание происходящего в современной мысли, признаваясь во втором, очень объёмном, письме Бердяеву, от 14 апреля 1930 г., хлынувшем в ответ на уже неожиданный ответ из Парижа:

Я бы очень хотел переписываться с Вами. Интересует меня буквально всё: и современные религиозные искания, и церковная жизнь Запада, и искусство (особенно поэзия и музыка), и наука, и философские течения и социальные движения, и быт, и природа, и современный Восток, особенно Индия и Ганди, и Китай, и возможности «панмонголизма», и социализм, – и жизнь русских, их настроения и взгляды. Ведь я могу только урывками следить за духовной жизнью Запада (вообще за границей) по нашим газетам и журналам, иногда по отдельным издаваемым книгам... Но духовная атмосфера Запада для меня очень неясна<sup>3</sup>.

В том же втором письме Бердяеву (не считая короткой записки) – первом, которое пишется уже в ответ, а не в мечте о возможном отклике, Панебратцев рассказывает: «Моя мечта – учиться там, где преподают авторы “Души человека” и “Основ интуитивизма” – неосуществима. А я слышал, что там есть возможность свободно думать и верить?»<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> См. помимо вступительной статьи к публикации писем (с. 202–205) также: *Леонтьев Я.В.* Корреспондент Н.А. Бердяева Ю.М. Панебратцев в поисках мировоззрения (ранний период биографии) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 1. С. 23–29.

<sup>3</sup> Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 216–217.

<sup>4</sup> Там же. С. 216.

И всё возвращается раз за разом к соотношению веры и разума, замечая: «Относительно моего рационализма и стремления искать разумных оснований для всех вещей мне уже многие говорили. Но, очевидно, с этим я бессилён справиться. Знание я ставлю выше веры» (письмо от 6.VII.1930)<sup>5</sup>, чтобы в письме от 13.III.1931 размышлять:

“Sprung” Гегеля не есть «прыжок» о. Флоренского. Путь Флоренского таков: разум бессилён познать истину, у него нет даже достоверного начала, ему не с чего начать, отсюда – безграничный скептицизм, выход из которого в отказе от разума и «прыжке», риске веры, заявляющей догматически: «верую в триединство», «верую, потому что не понимаю». Путь Гегеля – вера в разум, даже не вера, а самосознание разума: отрешаясь от обыденного здравого смысла, от рассудка, мысль сосредотачивается на самой себе и с очевидностью видит, что она есть, что она есть всё и что она есть жизнь. Мысль открывается себе самой – эта интуиция непосредственна, так как мысль едина и одновременно она опосредована, так как мысль мыслит себя. В мысли субъект и объект едины, двуедины.

Правда, для меня неразрешён вопрос: можно ли из диалектики вывести всё сущее, т.е. есть ли мысль – всё?<sup>6</sup>

Это сочетание напряжённого разнообразного чтения и размышления – и наивных вопросов далёкому собеседнику: «...раз для Гегеля область чистой мысли предметом умственного созерцания, – то для понимания Гегеля необходимо самому обладать способностью такого созерцания: тогда должно стать очевидным и диалектическое развитие понятия. Но каким путем приобрести интуицию, аналогичную гегелевской, где найти ключ к его системе? Посоветуйте мне» (письмо от 8.V.1931)<sup>7</sup>. А посреди описаний своих поисков и размышлений, как раз оглядываясь на наследие отцов, отзывается – думается, в том числе и пытаюсь сжиться, как-то осмыслить и оправдать для себя всё происходящее: «И, несмотря на все мучения и горе, я благословляю нашу революцию как подлинную освободительницу от косного быта, от плоского рационализма, от розовых утопий, от обыденщины, от уверенности в прочности этого мира, от самодовольного доктринёрства» (письмо от 25.VIII.1930)<sup>8</sup>.

Если письма Панебратцева Бердяеву – это разговор непосредственно знакомых друг другу людей, попытка узнать друг друга через письмо, то разговоры на бумаге с Франком и Лосским<sup>9</sup> опираются на многолетнее личное знакомство, надстраиваются над ним. И прежде всего из этих писем видно большое значение Бердяева в истории первой русской эмиграции как редактора – издательства И.М.К.А. и издаваемого им журнала «Путь». Множество вопросов к Бердяеву обоих эмигрантских корреспондентов связано прежде всего именно с издательскими делами – не только возможностью (очень скудной в эмиграции) публично выразить и зафиксировать свои идеи, но и небольшим, но нередко, особенно для Франка, настоятельно необходимым материальным обеспечением. Напомним, что ведь «Путь» оказался по существу единственным эмигрантским философским изданием – все прочие возможности означали ещё и необходимость примеряться к аудитории, для которой философский язык являлся непривычным (а следовательно, не только утрачивать точность высказывания, но ещё и лишаться возможности затрагивать

<sup>5</sup> Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 219.

<sup>6</sup> Там же. С. 231.

<sup>7</sup> Там же. С. 234.

<sup>8</sup> Там же. С. 223.

<sup>9</sup> Любопытно, что в цитированном выше фрагменте Панебратцев мечтал и признавал неосуществимость своей мечты учиться там, где преподают Франк и Лосский, называя их по именам их больших работ (соответственно «Душа человека» и «Основы [правильно: “Обоснование”] инутивизма».

массу тем – там, где сам подступ требовал бы массы предварительных объяснений для «внешнего» читателя, невозможных уже по одной ограниченности объема). Однако здесь же сразу же необходимо отметить, что отношения помощи и зависимости носили отнюдь не односторонний характер – взаимовыручка, стремление воспользоваться каждой возможностью помочь другому, при понимании постоянно меняющихся условий, то, что и позволило им не просто выжить, но и творчески продолжать существовать в эмиграции. Так, в 1928 г. Франк оказывается занят подготовкой немецкоязычной антологии по истории русской мысли – и, стремясь обеспечить для неё статью Бердяева, старательно оговаривает условия, которые позволят тому получить за неё максимально возможный гонорар (см.: 89 и сл. – и аналогичные переговоры в 1926 г., см.: 62 и сл., 69 и сл.).

О степени фактической нужды много говорит письмо Франка Бердяеву от 30.X.1928, где он замечает ближе к концу:

Кстати, уже ещё одна просьба: если какая-нибудь Ваша статья или книга будет переводиться на немецкий язык, то имейте в виду, что я по совести могу себя признать хорошим, я готов сказать, безупречным переводчиком на немецкий язык. По крайней мере, мои статьи я пишу по-немецки без чьей-либо редакции или проверки, и слышу всегда похвалы своему немецкому языку. Я охотно взялся бы, за отсутствием другой, более живой работы, переводить Ваши работы<sup>10</sup>.

И то, что остаётся ещё вспомнить – что все эти письма, в которых так много тяжелых или просто смутных обстоятельств неустроенной жизни, это одновременно письма тех лет, когда их авторы создают свои самые завершённые, зрелые работы. Ведь для всех троих эмиграция окажется временем мощного нового развития – начиная с больших теоретических трудов Бердяева, где рубежной явится двухтомная «Философия свободного духа» (1927–1928), «Непостижимого» Франка (1939) и «Условий абсолютного добра» Лосского (1949) и целый ряд которых будет дожидаться своего опубликования уже многие десятилетия спустя после смерти их авторов.

### Список литературы

Леонтьев Я.В. Корреспондент Н.А. Бердяева Ю.М. Панебратцев в поисках мировоззрения (ранний период биографии) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 1. С. 23–39.

Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина; предисл., подгот. текста, примеч., коммент. А.А. Гапоненкова, Е.В. Сердюковой, И.О. Щедриной, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 303 с.

<sup>10</sup> Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы... С. 94–95.

## Written Conversations: N.A. Berdyayev's Epistolary Archive

A Review on: Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials.

Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries

by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina.

Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p.

**Andrey A. Teslya** – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow, scientific director of Research Center for Russian Thought Institute for Humanities. Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksander Nevskii Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: mestru81@gmail.com

The essay examines the book published in 2023 “*Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials*”, containing bilateral correspondence between N.A. Berdyayev and S.L. Frank, as well as letters to Berdyayev from N.O. Lossky and Yu.M. Panebrattsev. This book covers the chronological period from 1922 to 1948, during which Berdyayev was living in exile. The main focus of the book is the correspondence between Berdyayev and Frank, which covers a wide range of topics, including the fate of Russian philosophical research abroad, educational and publishing institutions in Germany and France, as well as the daily challenges faced by Berdyayev during the 1920s and 1940s. A significant portion of the correspondence also discusses the ideas behind Berdyayev's philosophical works, the process of preparing and publishing them, and the history of “Way” journal (1925–1940). Lossky's letters (unfortunately, Berdyayev's reply letters have not yet been found) are more formal and distant, but they also reflect the long-term collaboration between the philosophers, their attention to each other's work, and their perception of the intellectual life in Soviet Russia as continuing in many ways, both in relation to the past and in connection with emigration. Of particular interest are the letters written by Yu.M. Panebrattsev (1900–1937) from Soviet Russia to Paris between 1930 and 1931, expressing the intense philosophical quest of a relatively young man seeking advice and guidance from Berdyayev. Panebrattsev's letters provide an interesting insight into how, at the very beginning of the 1930s, he synthesized the trends of Russian idealistic philosophy from the late 19th and early 20th centuries, while also appealing to the great philosophical traditions of Europe, consciously avoiding the influence of official philosophy. The reviewed publication makes a valuable contribution not only to the study of Berdyayev's life and works, but also to the history of the Russian emigration of the first wave.

**Keywords:** “The Way” magazine, interbellum, History of Russian philosophy, non-Marxist philosophy in the USSR, Russian emigration

**For citation:** Teslya, A.A. Razgovory na pis'me. Epistolyarnyy arkhiv Nikolaya Berdyayeva. [Written Conversations. N.A. Berdyayev's Epistolary Archive. A Review on: Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials. Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 120–125. (In Russian)

## References

Leont'ev, Ya.V. Korrespondent N.A. Berdyayeva Yu.M. Panebrattsev v poiskakh mirovozzreniya (ranni period) [The Correspondent of N.A. Berdyayev Yu. M. Panebrattsev in Search of Worldview (Early Period of Biography)], *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*. 2022, No. 1, pp. 23–39. (In Russian)

*Nikolai Berdyayev: epistolyarnyy razgovor. Arkhivnye materialy* [Nikolai Berdyayev: An Epistolary Conversation. Archival Materials]. Ed.-comp. T.G. Shchedrina; introduction, ed., prep. of texts and commentaries by A.A. Gaponenkov, E.V. Serdyukova, I.O. Shchedrina, T.G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2023. 303 p. (In Russian)

*В.А. Ячменик*

**Современное прочтение наследия С.Н. Булгакова:  
обзор нового сборника**

Рецензия на: *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations* / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.

**Ячменик Вячеслав Александрович** – кандидат теологии, преподаватель богословского факультета. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6/1; e-mail: yachmenik94@mail.ru

В рецензии рассмотрен опубликованный в 2024 г. сборник статей “Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations” («Возводя Дом Мудрости. Сергей Булгаков и современное богословие: Новые подходы и интерпретации»), подготовленный по результатам международной конференции в Швейцарии к 150-летию со дня рождения Сергея Николаевича Булгакова. Ключевой темой сборника был заявлен вопрос о влиянии идей Булгакова на современное христианское богословие, и в рецензии рассматривается, в какой мере составителям и авторам статей удалось осуществить эту задачу. Автор кратко обзора материалы сборника, сгруппированные в несколько разделов, посвящённых персонализму и антропологии С.Н. Булгакова, его политическим, экономическим и экологическим воззрениям, софиологии, онтологии, экуменическим аспектам наследия русского мыслителя. По преимуществу основной интерес исследователей фокусируется на границе экклезиологии и антропологии, тем самым в сборнике объединяются современная социальная проблематика и софиология. Попытки использовать булгаковские концепции софиологии, кенозиса, халкидонской онтологии и т.д. для разрешения проблем современного общества, будь то политический или экологический кризисы, проблемы гендера или человеческой идентичности в общем, оставляют ощущение искусственности этих построений. Наиболее интересной линией сборника стала интеллектуальная биография Булгакова, которая собирается из разных исследовательских текстов в путь «от марксизма к идеализму» и от философии к богословию.

**Ключевые слова:** С.Н. Булгаков, софиология, персонализм, кенозис, русское богословие, русская философия, онтология, антропология

**Для цитирования:** Ячменик В.А. Современное прочтение наследия С.Н. Булгакова: обзор нового сборника. Рецензия на: *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations* / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2. С. 126–136.

В сентябре 2021 г. в Фрибургском университете (Швейцария) состоялась международная конференция «Возводя Дом Премудрости. К 150-летию со дня рождения прот. Сергея Булгакова», на которой собрались исследователи из США, Великобритании, Швейцарии, Франции, Италии, Греции и России<sup>1</sup>. По итогам совместной работы был опубликован сборник статей «Возводя Дом Премудрости. Сергей Булгаков и современное богословие: Новые подходы и интерпретации»<sup>2</sup>. При всём многообразии тем, которые затрагиваются в этом сборнике и свидетельствуют о масштабности личности и мысли о. Сергея, эта книга замечательна тем, что она наглядно демонстрирует, каким Булгаков и его значение видятся нам сегодня<sup>3</sup>.

Редакторами сборника выступили основной организатор конференции и редактор книги Барбара Халленслебен (профессор Фрибургского университета), Регула Цвален (научный руководитель Исследовательского центра имени Сергея Булгакова при том же университете), Аристотель Папаниколау (директор-соучредитель Центра православно-христианских исследований Фордемского университета) и Панделис Калаицидис (руководитель Волосской академии богословских исследований в Греции).

В написанной перечисленными выше лицами вступительной статье, с опорой на современную литературу, деконструируется историографический штамп, в рамках которого в русской религиозной мысли противопоставляются «модернистские» (к которым часто и относят С.Н. Булгакова) и «неопастристические» теологии (прот. Г.В. Флоровский и В.Н. Лосский). В этом смысле исследовательской задачей становится попытка наведения мостов как между двумя названными направлениями, так и между ними и нами. Такого рода синтез позволил бы, как пишут редакторы, «выйти к свежему видению христианского единства за пределами конфессиональных границ»<sup>4</sup>. Попробуем, рассмотрев содержание сборника, понять, в какой мере осуществилась эта задача.

Книга состоит из пяти разделов, которые тематически охватывают основные направления мысли Булгакова, мы будем следовать этой же структуре изложения.

### Персонализм и антропология

В статье Роузны Вильямса (Великобритания), с которой начинается антропологический раздел, рассматривается проблема личности Христа в наследии Булгакова и критика булгаковского подхода в тексте В.Н. Лосского «Спор о Софии». Если Лосский считал, что по Булгакову «воплотившийся Христос становится воплощённым знаком вневременной драмы внутритринитарных отношений и проводником туманной активности божественной “Софии”», то Вильямс пытается показать, что Лосский не смог понять «метафизические глубины» богословия Булгакова<sup>5</sup>. То, что

<sup>1</sup> См. обзор конференции: *Васильев Г.С.* Строя Дом Премудрости. Сергей Булгаков – 150 лет со дня рождения (обзор конференции в Фрибурге – 2–4 сентября 2021 г.) // *Русская философия*. 2021. № 2. С. 171–175.

<sup>2</sup> *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations* / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster, 2024.

<sup>3</sup> Подобные юбилейные сборники были изданы и в России. См., напр.: С.Н. Булгаков и современность. Творчество С.Н. Булгакова в историческом и современном контекстах / Отв. ред. К.Г. Исупов, Н.К. Сюндюков. СПб., 2022.

<sup>4</sup> *Hallensleben B. Zwahlen R.M., Papanikolaou A., Kalaitzidis P.* Building the House of Wisdom. Editors' Introduction // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations*. Münster, 2024. P. 14.

<sup>5</sup> *Williams R.* Sergii Bulgakov's Christology and Beyond // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology...* P. 26.

христология Булгакова является предметом дискуссий для современных исследователей, признаёт и сам автор статье. Но, несмотря на это, осмысление Булгаковым вопроса ипостасности в «халкидонской» перспективе (примиряющей Бога и человека) даёт возможность осознать духовную жизнь как «намеренное дарение жизни и созидание взаимности и солидарности»<sup>6</sup>.

Дэвид Бентли Харт (США) тоже развивает христологическую проблематику в наследии Булгакова, но рассматривает её не в ракурсе богословия, а в контексте метафизики личности. Харт «радикально» (как он сам пишет о новизне своего тезиса) обозначает, что метафизика Булгакова по своей природе является «монистической», поскольку всякая метафизика, по мнению американского философа, имеет склонность к монизму (основываясь на «изначальном, несводимом и универсальном принципе» – бытие, единое, Бог и т.п.). Однако монизм в булгаковском изводе, как продолжает Харт, поражает своей оригинальностью, поскольку «изначальным принципом» его метафизики является личность, и даже скорее «единая божественная Личность, которая есть всё, что есть, и будет в конце концов всем во всём»<sup>7</sup>.

Христология Булгакова осмысливается также в связи с проблемой кенозиса (к которому авторы сборника будут обращаться и в других его частях). Эту тему в своих статьях представили Сара Ливик-Мозес и Джек Паппас (оба исследователя – из США). В первой из указанных статей предлагается гендерное прочтение «кенотической иконичности» (Kenotic Iconicity). Автор считает, что в «кенотическом образе Троицы» прослеживается «и мужское, и женское начало», однако у Булгакова Троица «сохраняет необходимое единство обоих начал как единственную икону Богочеловечества»<sup>8</sup>. Это позволяет, в свою очередь, использовать «освобождающие аспекты этой иконичности для феминистского проекта»<sup>9</sup>. Если это действительно так, то было бы любопытно также проследить, как дискуссии начала XX в. о женском и мужском началах (какие Ж. Ле Ридер зафиксировал на материале венского модерна<sup>10</sup>) отразились на идеях современных богословов. Ливик-Мозес, однако, ищет основания для такого прочтения кенотизма Булгакова в феминистской интерпретации идеи кенозиса у Ханса Урса фон Бальтазара. Ссылаясь на соответствующие исследования Дж.Н. Мартин (Jennifer Newsome Martin), Ливик-Мозес видит близкие ходы мысли у Булгакова, поскольку в своей универсальной «иконичности» они одновременно исключают реальность половой дифференциации и сохраняют её бинарность.

Во второй статье о кенозисе эта идея в изложении Булгакова прочитывается в контексте критики С. Жижekom трансцендентального субъекта. Их близость Джек Луис Паппас видит в «метапсихологическом прочтении» немецкого идеализма. Но если Жижек рассматривает трансцендентальный субъект как внутреннюю патологию и травму, а рождение личности как утрату, то Булгаков, напротив, развивая идею кенозиса, связывает жизнь личности с самоотдачей как её самораскрытием<sup>11</sup>.

Ещё один блок статей первой части связан с проблематикой обожения, обожествления и преображения. В статье Марка МакИнроя (США) реконструируется

<sup>6</sup> Williams R. Sergii Bulgakov's Christology and Beyond // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 39–41.

<sup>7</sup> Hart D.B. Masks, Chimaeras, and Portmanteaux: Sergii Bulgakov and the Metaphysics of the Person // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 62.

<sup>8</sup> Livick-Moses S.E. The Kenotic Iconicity of Sergii Bulgakov's Divine-Humanity: Doctrinal, Anthropological, and Feminist Considerations // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 103.

<sup>9</sup> Ibid. P. 105.

<sup>10</sup> Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009. С. 149–320.

<sup>11</sup> Pappas J.L. Sergii Bulgakov's Fragile Absolute: Kenosis, Difference, and Positive Disassociation // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 107–122.



влияние Булгакова на исследования М. Лот-Бородиной 1930-х гг., посвящённых идее обожения<sup>12</sup>. Автор доказывает, что поскольку на труды именно Лот-Бородиной опирались все последующие исследователи идеи обожения в христианской традиции, а она усвоила булгаковское понимание этого концепта, то рецепцию этой идеи необходимо связывать с фигурой Булгакова. Равно такой же интерес представляло бы исследование, в котором было бы обозначено, к кому именно восходит понимание обожения, которые мы находим у Булгакова: к И.В. Попову, который ввёл тему обожения в академическое богословие начала XX в.<sup>13</sup>; или же ответ следует искать в философском контексте (как это делала Р. Коутс<sup>14</sup>). Такого рода исследования в сборнике не представлены. Однако в статье Джастина Койла (США) была рассмотрена антитеза обожения – идея человекобожия, которая помещается в контекст развития образа Сатаны после Ф. Шеллинга и рецепции этого образа у Булгакова<sup>15</sup>.

С идеей обожения в мысли Булгакова была связана проблема человеческого творчества в его соотношении с творчеством Божиим. В таком ракурсе религиозное осмысление творчества в наследии Булгакова было рассмотрено Деборой Кейсвелл (Германия)<sup>16</sup>. Помещая тезисы Булгакова во вполне ожидаемую сравнительную перспективу с Н.А. Бердяевым, она рассматривает проблему человеческой аутентичности в ракурсе идей творчества, свободы и индивидуальности. При общих интуициях и источниках Бердяев и Булгаков, как считает автор, всё же демонстрируют разное понимание творческой активности. Если для Бердяева в творчестве прежде всего проявляется человеческая свобода, то Булгаков осмысляет творчество как кенотический акт и жертву. Поэтому Кейсвелл считает, что в таком виде булгаковский проект оказывается наиболее жизнеспособным, поскольку позволяет реализоваться любви, которая в концепции Бердяева уходит на второй план.

Сюда же примыкает тема богословия как духовной практики. Иван Ильин (Россия) анализирует попытку преодоления имманентизма, как она представлена в булгаковском «Свете Невечернем»: через веру как связь с трансцендентным, молитву как трансцендирование и имяславие как центр молитвенной жизни. Автор статьи исходит из того, что богословский проект Булгакова связан именно с личным переживанием опыта церковной жизни, который выражается в молитве. И эта, как утверждает Ильин, «неразрывная связь между богословием и духовностью впоследствии [после выхода «Света Невечернего»] найдёт своё развитие в основных богословских трудах Булгакова»<sup>17</sup>.

---

<sup>12</sup> *McInroy M.* Bulgakov and Lot-Borodine as Shapers of Deification in the West // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology...* P. 63–75.

<sup>13</sup> См.: *Хондзинский П.В.* Эволюция представлений об обожении в богословском наследии И.В. Попова // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2022. № 40 (4). С. 306–332.

<sup>14</sup> *Coates R.* Deification in Russian Religious Thought: Between the Revolutions, 1905–1917. Oxford, 2019. P. 141–152.

<sup>15</sup> *Coyle J.S.* Bulgakov on Mangodhood – or, Satan after Schelling // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology...* P. 137–150.

<sup>16</sup> *Casewell D.* The Authenticity of Creativity: The Philosophical and Theological Anthropologies of Nikolai Berdiaev and Sergei Bulgakov // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology...* P. 123–136.

<sup>17</sup> *Ilin I.* “Transcende te ipsum”: Faith, Prayer and Name-Worship in Bulgakov’s *Unfading Light* // *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology...* P. 89.

### Политика, экономика и экология

Раздел, посвящённый социальной проблематике в мысли Булгакова, начинается с обстоятельной статьи Катрин Евтуховой (США) и Регулы Цвален (Швейцария). Они убедительно показывают на примере работы Булгакова в киевском журнале «Народ» (сам этот факт, насколько мне известно, не было пока обстоятельно изучено), что в политике тот был таким же страстным (в веберовском смысле) деятелем, каковым стал в философии и богословии<sup>18</sup>.

Реконструкция интеллектуальной биографии Булгакова продолжается и в статье Алексея Козырева (Россия). Реконструируя «Спор о Софии», автор вскрывает его «политическую онтологию» (в том смысле, в каком в своё время П. Бурдьё писал о М. Хайдеггере) и показывает, что разработка софиологии в русской философии отвечала прежде всего на вызовы современной эпохи<sup>19</sup>.

Если первая статья раздела посвящена «раннему» Булгакову, а статья Козырева – позднему, то Никос Куременос (Греция) анализирует своего рода промежуточный крымский период. Автор рассматривает, как в булгаковском тексте «У стен Херсониса» переосмысливается византийское наследие русской Церкви. Автор выделяет прежде всего две тенденции в критике этого наследия Булгаковым: влияние идеологии Просвещения и славянофильских представлений о русском народе<sup>20</sup>.

От истории мысли во втором блоке статей исследователи переходят к актуализации мысли Булгакова. Антуан Аржаковский (Франция) пытается увидеть в софиологии и персонализме основание для современной политической мысли, которая, по его мнению, находится в глубоком кризисе, потеряв связь с христианским представлением о человеке<sup>21</sup>. В статье Натаниэла Вуда (США) развивается тема политического потенциала персонализма Булгакова, который, с точки зрения автора, призывает человека к обожению, что даёт возможность решить «эту персоналистскую задачу в ответ на искажение и деградацию личности в наше время»<sup>22</sup>. Актуализацию политического богословия Булгакова, но уже в экономическом аспекте, рассматривают в своих статьях Дионисий Склирис (Греция) и иером. Тихон (Васильев) (Россия)<sup>23</sup>. В статье последнего указывается также на то, что софиология Булгакова имеет потенциал для осмысления современного экологического кризиса, и эта проблема развивается в статье Остена Холмса (США). Он указывает на «кенотическую

<sup>18</sup> В заключении статьи авторы проводят эту аналогию между веберовским политиком, осознающим свою деятельность как призвание, и политической работой Булгакова: *Evtuhov C., Zwahlen R.M. Seven Days of Narod: Sergei Bulgakov's Christian Socialist Newspaper // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 176.*

<sup>19</sup> *Kozyrev A.P. "The Sophia Dispute" in the Context of Political Ontology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 193–207.* В общих чертах с тезисом автора можно ознакомиться в его русскоязычной статье: *Козырев А.П. «Спор о Софии» в политическом контексте // Русская философия. 2023. № 1 (5). С. 89–107.*

<sup>20</sup> *Kouremenos N. Is It All the Greek's Fault? Reconsidering the Byzantine Legacy in Sergius Bulgakov's By the Walls of Cherson // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 177–192.*

<sup>21</sup> *Arjakovsky A. Sophiology and Personalism, Foundations of the New Political Science in the Twenty-First Century // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 209–219.*

<sup>22</sup> *Wood N. Sergii Bulgakov's Chalcedonian Politics of Personhood // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 235.*

<sup>23</sup> *Skliris D. The World as the Household of Wisdom: Political Theology and Philosophy of Economy // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 235–247; Vasilyev T. Rethinking the Language of Economics as a Systematic Christian Response to Economic and Ecological Crises in the Thought of Sergii Bulgakov // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 247–257.*

любовь-смирение [которая] отличает гуманизацию (понимаемую как эдемское владычество) от различных тиранических режимов отношения человека к своему миру»<sup>24</sup>.

### Софиология

Хотя софиологическая проблематика так или иначе затрагивается в каждой статье сборника, в нём также есть отдельный тематический раздел. В этом разделе реконструированы как богословские, так и философские основания булгаковского учения о Софии. Любовь Петрова (Россия) рассматривает, как Булгаков, используя и критикуя богословские категории Григория Паламы, пытался преодолеть платонизм. Софиология Булгакова может быть рассмотрена в рамках христианского платонизма, а по мере развития его идей можно обратить внимание на своего рода «переход от платоновского к паламитскому языку» и, соответственно, проблему «сопротивления двух онтологий друг другу»<sup>25</sup>. Но, как показывает автор статьи, следует говорить не столько о переходе от одного языка к другому, сколько об их временном сближении и дальнейшей критике паламизма. В этом смысле идеи Паламы интересовали Булгакова лишь в контексте преодоления платоновского понимания божественности и обоснования личностного понимания Бога в рамках христианской доктрины. В то же время категориальный аппарат паламизма, при всей его близости к софиологии, оказался в итоге чужд Булгакову, и чужд именно в триадологическом аспекте.

Наталия Ваганова (Россия) возвращает нас к незавершённой философскому спору между Булгаковым и Е.Н. Трубецким, начавшимся с публикации «Смысла жизни» Трубецкого<sup>26</sup>. Прежде всего в рамках этого спора речь идёт о различном прочтении платонизма. Трубецкой в своей критике отождествляет булгаковскую Софию с образом Демиурга из платоновского «Тимея», т.е. говорит о её гностическом понимании в «Свете Невечернем», в то время как сам Трубецкой пытается отождествить Софию с платоновскими эйдосами. Как видится, в таком ракурсе этой дискуссии открываются новые перспективы в изучении как софиологии Булгакова, так и софиологического проекта вообще, поскольку они позволяют критически осмыслить софиологию именно в рамках философии (а не богословия с вытекающей отсюда проблемой определения ортодоксии/гетеродоксии). Автор уже указывала на возникновение софиологии как на «момент кризиса философии в русском богословии»<sup>27</sup>, а аргументы, которые Трубецкой выдвинул против концепции Булгакова, иллюстрируют этот кризис.

Софиология рассматривается в сборнике не только в контексте интеллектуальных дискуссий и влияний, но и как ответ на те или иные личные духовные запросы. Джошуа Хит (Великобритания) рассматривает софиологию в контексте тем аскезы и пророчества, обнаруживая тем самым её связь с духовной практикой

---

<sup>24</sup> Holmes A.F. Bulgakov's Ecology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 271.

<sup>25</sup> Petrova L.A. The Reception of Palamite Theology in the Sophiology of Sergii Bulgakov // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 277.

<sup>26</sup> Vaganova N. An Unfinished Dispute. How is it Possible to Criticize Bulgakov's Sophiology at the Present Time? // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 289–300.

<sup>27</sup> Курсив в оригинале. См.: Ваганова Н.А. К истокам «спора о Софии»: Е.Н. Трубецкой как критик софиологии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 103. С. 81.

и эсхатологической надеждой<sup>28</sup>. Дарио Коломбо (Швейцария) развивает в своей статье аргумент о том, что основой понимания софиологии должна стать мариология: «Поскольку Бог стал человеком, мариологию следует понимать как персонифицированную софиологию»<sup>29</sup>. Павел Гаврилюк (США) ищет основания софиологии в проблеме смертности. Он акцентирует своё внимание именно на том, как Булгаков лично переживал проблему смертности человека, и развитие софиологии связывает с булгаковскими «ранними детскими переживаниями [смертности] и... его борьбой с раком горла в конце жизни»<sup>30</sup>. Этот биографический контекст любопытно было бы соотнести с осмыслением темы смерти в христианском богословии XX в., куда, как показала недавно С.А. Коначева, вписывается и софиология смерти<sup>31</sup>.

### Творение и онтология

Раздел, посвящённый онтологии творения, начинается с поисков источников мысли Булгакова. Калейб Хенри (Канада) фокусируется на марксизме Булгакова, проблематизируя «своеобразное переплетение марксистского материализма с кантовской критической философией» в ранних булгаковских текстах<sup>32</sup>. Тейлор Росс (США) обращает внимание на влияние Шеллинга в булгаковском «Свете Невечернем». И если Дж. Койл (см. выше) пишет о влиянии сатанологии Шеллинга, то Росс указывает на Шеллинга как на источник (естественно, не единственный) «софиологического глосса Булгакова о творении»<sup>33</sup>. Выявляя философские истоки идей Булгакова, Джон Милбанк (Великобритания) в своей статье обращает внимание на рецепцию Фихте в наследии Булгакова<sup>34</sup>.

Николаос Аспрулис (Греция) в своей статье представляет опыт сопоставления триадологии Булгакова с лингвистической моделью Троицы<sup>35</sup>. Он пытается соотнести «Философию языка» и «Трагедию философии» с современными спорами о триадологии в аналитической теологии, пробуя сблизить её с тринитарной моделью «материальной конституции» (объекты *a* и *b* имеют одни и те же части, но при этом обладают разными модальными свойствами) М. Реа и Дж. Броуэра. Тем самым обнаруживается потенциал исследований Булгакова в области философии языка для развития инструментов аналитической философии и теологии.

Как и в других разделах сборника, в четвёртой части в контексте проблем онтологии анализируются христология Булгакова. Брендон Галлахер (Великобритания) пытается понять, почему Булгаков в своей софиологии настаивает на панентеистическом видении творения. В поисках объяснения Галлахер развивает идею «халкидонской онтологии», которая есть «средство для радикально христоцентричного

<sup>28</sup> Heath J. Sophiology, Ascesis and Prophecy // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 301–316.

<sup>29</sup> Colombo D. Mariology as Personalized Sophiology. Sergii Bulgakov's Chalcedonian Theology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 330.

<sup>30</sup> Gavrilyuk P.L. The Training for Dying and Death: A New Reading of Bulgakov's Sophiology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 331.

<sup>31</sup> Коначева С.А. Онтология и софиология смерти: трансформации танатологического дискурса в философско-теологической мысли XX века // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 98. С. 50–67.

<sup>32</sup> Henry C. Sergii Bulgakov's Early Marxism: A Narrative of Development // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 351–363.

<sup>33</sup> Ross T. *Creatio ex sapientia* in Bulgakov's *Unfading Light* // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 379.

<sup>34</sup> Milbank J. Sergii Bulgakov: From Grammar to Wisdom // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 434–459.

<sup>35</sup> Asprulis N. From Social Trinity to "Linguistic Trinity": Sergii Bulgakov's Contribution to Analytic Theology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 419–433.

видения творения и искупления, где абсолютно немислимо, чтобы Бог не стал единым с нами в Иисусе Христе»<sup>36</sup>. Развивая тему кенозиса и смерти, Антонио Бергамо (Италия) рассматривает теологию события и тринитарную онтологию. Статья Бергамо представляет особый интерес, поскольку в нём представлена рецепция мысли Булгакова в современном итальянском религиозно-философском контексте, от первых переводов до полноценного восприятия и критики<sup>37</sup>.

### Экуменические перспективы

В разделе сборника, который посвящён «экуменическим перспективам», собственно экуменизм затрагивается лишь в работе Адальберто Майнарди (Италия). В своей статье он раскрывает «экуменическую мысль» Булгакова, представляя единственный в сборнике материал, который посвящён экклезиологическим идеям Булгакова<sup>38</sup>. Майнарди реконструирует как исторический контекст (т.е. участие о. Сергия в экуменических организациях), так и экуменический подтекст представлений Булгакова о единстве и границах Церкви.

Остальные статьи раздела посвящены проблеме рецепции идей Булгакова в иноконфессиональных (по отношению к православию) богословских контекстах. Пол Ладусёр (Канада) представляет общий обзор англоязычных монографий, в которых упоминается Булгаков, и обращает внимание на те аспекты, которые по преимуществу интересуют западного православного и не-православного читателя: панентеизм, персонализм и – в контексте эсхатологии – апокатастасис (всеобщее спасение). Однако автор статьи считает, что в этих аспектах богословия Булгаков скорее «лицетворяет, а в некоторых отношениях и достигает кульминации русского религиозного Ренессанса, чем выражает уникальную перспективу» своей мысли<sup>39</sup>.

Более предметно проблеме влияния Булгакова рассмотрели Оливер Дюр (Швейцария) и Грэм Макгиох (Бразилия). Макгиох описывает возможный вклад богословия Булгакова в латиноамериканскую теологию освобождения. Однако аспекты, действительно сближающие эти два богословских проекта, не обозначаются в статье, поэтому автор лишь поэтично описывает их (проекты) как два корабля, «молча плывущих в одних и тех же теологических водах параллельно, но в отрыве друг от друга»<sup>40</sup>. Дюр в «теологических водах» видит более ощутимую связь между софиологией и идеями посредничества и синергии в протестантском богословии. Автор, в частности, фиксирует близость ходов мысли софиологической синергии Булгакова и позднего Д. Бонхёффера<sup>41</sup>.

<sup>36</sup> Gallaher B. Sergii Bulgakov's Chalcedonian Ontology and the Problem of Human Freedom // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 408.

<sup>37</sup> Bergamo A. Sergii Bulgakov: Between Kenotic Theology of the Event and Trinitarian Ontology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 409–418.

<sup>38</sup> Mainardi A. The Vision of Unity. The Ecumenical Thought of Fr. Sergii Bulgakov // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 521–533. Хотя на самой конференции были сделаны доклады, посвящённые проблематике Церкви, но в сборник они не вошли и были опубликованы отдельно. См., напр.: Safoklov Yu. The Church in the State: Independent? Resistant? Cooperative? Imperial Legacy, Father Sergii Bulgakov and the Paradigm of Post-Secularism // International Journal of Orthodox Theology. 2022. Vol. 13. № 2. P. 141–167.

<sup>39</sup> Ladouceur P. Sergius Bulgakov and Modern Theology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 519.

<sup>40</sup> McGeoch G. Ships in the Theological Night? Sergius Bulgakov and Liberation Theology // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 487.

<sup>41</sup> Dürr O. "Your Labor Is Not in Vain". Sergii Bulgakov's Sophiology as a Key to a (Protestant) Theology of the Kingdom of God // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 489–500.

Наконец, в последней части сборника представлена статья прот. Павла Хондзинского (Россия), в которой Булгаков вступает в диалог не столько с современностью (как в большинстве статей сборника), сколько с древними отцами Церкви. На примере обращения Булгакова к блж. Августину в специальном экскурсе из заключения «Невесты Агнца» в статье показывается, что, как и для русской религиозной мысли, так и для Булгакова лично линия идей Августина является одной из центральных. Хотя Булгаков обрушивает свою критику на учение о предопределении, выдвигая Августину «карамазовский» упрек, вместе с тем он не решает поставленную Августином проблему христианской свободы, противопоставляя предопределению «всеобщее помилование»<sup>42</sup>.

\* \* \*

Подводя итоги и пытаясь понять, получилось ли у авторов сборника наметить путь к новому богословскому синтезу благодаря актуализации идей Булгакова в современном контексте, следует признать, что пока видны только смутные очертания этого пути. Заданные Булгакову вопросы, могут ли концепции софиологии, кенозиса, халкидонской онтологии и т.д. разрешить проблемы современного общества, будь то политический или экологический кризисы, проблемы гендера или человеческой идентичности в общем, оставляют ощущение искусственности этих построений. На их фоне в сборнике кажутся более фундированными исследовательские подходы, реконструирующие контекст и саму мысль Булгакова в её развитии. Вместе с тем, если исключать личные предпочтения автора, рассмотренный сборник статей является несомненным вкладом в изучение мысли Булгакова, особенно в англоязычном пространстве, и может оказаться полезным для желающих узнать эту научную традицию и расширить свой интерес к С.Н. Булгакову и русской религиозной мысли.

### Список литературы

Ваганова Н.А. К истокам «спора о Софии»: Е.Н. Трубецкой как критик софиологии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 103. С. 69–84.

Васильев Г.С. Строя Дом Премудрости. Сергей Булгаков – 150 лет со дня рождения (обзор конференции в Фрибурге – 2–4 сентября 2021 г.) // Русская философия. 2021. № 2. С. 171–175.

Козырев А.П. «Спор о Софии» в политическом контексте // Русская философия. 2023. № 1 (5). С. 89–107.

Коначева С.А. Онтология и софиология смерти: трансформации танатологического дискурса в философско-теологической мысли XX века // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 98. С. 50–67.

Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. 714 с.

С.Н. Булгаков и современность. Творчество С.Н. Булгакова в историческом и современном контекстах / Отв. ред. К.Г. Исупов, Н.К. Сюдюков. СПб.: РХГА, 2022. 252 с.

Хондзинский П.В. Эволюция представлений об обожении в богословском наследии И.В. Попова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 306–332.

Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.

<sup>42</sup> Khondzinsky P. Father Sergii Bulgakov's "Karamazov's Excursus" // Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology... P. 463–474.

Safoklov Yu. The Church in the State: Independent? Resistant? Cooperative? Imperial Legacy, Father Sergii Bulgakov and the Paradigm of Post-Secularism // *International Journal of Orthodox Theology*. 2022. Vol. 13. № 2. P. 141–167.

**Contemporary Reading of S.N. Bulgakov's Legacy: A Review of a New Book**  
Review on: *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations* / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.

**Vyacheslav A. Yachmenik** – Candidate of Sciences in Theology, Lecturer, Theological Department. St. Tikhon's Orthodox University. 6/1, Likhov pereulok, Moscow, 127051, Russian Federation; e-mail: yachmenik94@mail.ru

The review considers the collection of articles published in 2024, “Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations”, prepared as a result of an international conference in Switzerland to mark the 150<sup>th</sup> anniversary of the birth of Sergii Bulgakov. The key theme of the collection was the question of the influence of Bulgakov's ideas on contemporary Christian theology, and the review examines to what extent the editors and authors of the articles have succeeded in accomplishing this task. The author briefly reviews the materials of the collection, grouped into several sections devoted to S.N. Bulgakov's personalism and anthropology, his political, economic and ecological views, sophiology, ontology, ecumenical aspects of the heritage of the Russian thinker. In general, the main interest of the researchers is focused on the boundary between ecclesiology and anthropology, thus bringing together contemporary social problems and sophiology. Attempts to use Bulgakov's concepts of sophiology, kenosis, Chalcedonian ontology and etc. in order to solve the problems of modern society (political or environmental crises, problems of gender or human identity in general) leave a feeling of artificiality of these constructions. The most interesting line of the book is Bulgakov's intellectual biography, which is assembled from various research texts in a way “from Marxism to idealism”, and from philosophy to theology.

**Keywords:** S.N. Bulgakov, sophiology, personalism, kenosis, Russian theology, Russian philosophy, ontology, anthropology

**For citation:** Yachmenik, V.A. *Sovremennoe prochtenie naslediya S.N. Bulgakova: obzor novogo sbornika* [Contemporary Reading of S.N. Bulgakov's Legacy: A Review of a New Book. Review on: *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations* / Eds. B. Hallensleben, R. Zwahlen, A. Papanikolaou, P. Kalaitzidis. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 126–136. (In Russian)

## References

Hallensleben, B., Zwahlen, R., Papanikolaou, A., Kalaitzidis, P. (eds.). *Building the House of Wisdom. Sergii Bulgakov and Contemporary Theology: New Approaches and Interpretations*. Münster: Aschendorff Verlag, 2024. 536 p.

Isupov, K.G., Syundyukov, N.K. (eds.). *Bulgakov i sovremennost'. Tvorchestvo S.N. Bulgakova v istoricheskom i sovremennom kontekstakh* [Bulgakov and Modernity. The Work of S.N. Bulgakov in Historical and Contemporary Contexts]. St. Petersburg: RKhGA, 2022. 252 p. (In Russian)

Khondzinskii, P. Evolyutsiya predstavlenij ob obozhenii v bogoslovskom nasledii I.V. Popova [The Evolution of the Ideas about Deification in St. John Popov's Theological Legacy], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russian and Abroad], 2022, No. 4, pp. 306–332. (In Russian)

Konacheva, S. Ontologija i sofiologija smerti: transformatsii tanatologicheskogo diskursa v filosofsko-teologicheskoy mysli XX veka [Ontology and Sophiology of Death: Transformations of Thanatological Discourse in Philosophical and Theological Thought of the 20th century], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon Orthodox University Bulletin. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2021, Vol. 98, pp. 50–67. (In Russian)

Kozyrev, A.P. “Spor o Sofii” v politicheskom kontekste [“Sofia Controversy” in a Political Context], *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2023, No. 1, pp. 89–107. (In Russian)

Le Rider, J. *Venskij modern i krizis identichnosti* [Modernity and Crises of Identity]. Trans. in Russian by T. Baskakova. St. Petersburg: N.I. Novikov Publ., 2009. 714 p. (In Russian)

Safoklov, Yu. The Church in the State: Independent? Resistant? Cooperative? Imperial Legacy, Father Sergii Bulgakov and the Paradigm of Post-Secularism, *International Journal of Orthodox Theology*, 2022, Vol. 13, No. 2, pp. 141–167.

Vaganova, N. K istokam “spora o Sofii”: E.N. Trubeckoj kak kritik sofiologii [The Origins of the “Controversy about Sophia”: E.N. Trubetskoy as a Critic of Sophiology], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon Orthodox University Bulletin. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2022, Vol. 103, pp. 69–84 (In Russian)

Vasil’ev, G. Stroya Dom Premudrosti. Sergij Bulgakov – 150 let so dnya rozhdeniya (obzor konferentsii v Friburge – 2–4 sentyabrya 2021 g.) [Building the House of Wisdom: Sergii Bulgakov – 150 Years After His Birth (Review of the Friburg Conference – 2–4 September 2021)], *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2021, No. 2, pp. 171–175. (In Russian)



## Информация для авторов

Журнал «Отечественная философия» – научное издание Института философии РАН, нацеленное на решение двух задач: исследование отечественного философского наследия во всей его исторической полноте, а также актуализацию отечественной философской мысли в пространстве современной философии. Научные материалы публикуются в постоянно действующих отделах «Исследования», «Дискуссия», «Архив». Важнейшей задачей журнала является обеспечение научно-исследовательского процесса с помощью отделов «Критика и библиография» и «Научная жизнь».

К публикации **не принимаются** разделы диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, а также тезисы докладов.

Передавая в редакцию рукопись своей работы, автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не сдан в другое издание. Ссылка на «Отечественную философию» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна. Автор берёт на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имён и названий.

Объём статьи – до 1,5 а.л., включая ссылки, примечания, список литературы, аннотацию. Рецензия – до 1 а.л. Для рецензии также требуется аннотация, ключевые слова и список литературы.

Шрифт «Liberation Serif». Размер шрифта: название статьи, Ф.И.О. автора – 14 кеглем; подзаголовки, текст – 12; сноски – 10; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по ширине; поля: 2,5 см со всех сторон.

Абзацные отступы, нумерованные и маркированные списки и сноски делаются только автоматически. Переносы не ставятся (ни вручную, ни автоматически).

Примечания и ссылки на литературу оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией. В Список литературы включаются только те источники, которые упомянуты или процитированы в тексте статьи и снабжены ссылками.

Помимо основного текста, рукопись должна включать в себя следующие обязательные элементы на русском и английском языках:

1) сведения об авторе(ах):

- фамилия, имя и отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- место работы;
- полный адрес места работы (включая страну, индекс, город);
- адрес электронной почты;

2) название статьи;

3) аннотация (от 200 до 400 слов);

4) ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний);

5) список литературы.

Рукописи на русском языке должны содержать два варианта представления списка литературы:

1) список, озаглавленный «Список литературы» и выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке, затем – источники на иностранных языках;

2) список, озаглавленный «References» и выполненный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных. Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:

- автор (транслитерация);
- заглавие статьи (транслитерация);
- [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];
- название русскоязычного источника (транслитерация, курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
- выходные данные на английском языке.

Для транслитерации русскоязычных источников нужно использовать сайт <http://translit.ru>, в графе «варианты перевода» выбрать вариант «BSI». После блока русскоязычных источников указываются источники на иностранных языках, оформленные в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных.

Если список литературы состоит исключительно из источников на иностранных языках, «Список литературы» и «References» объединяются: «Список литературы / References». Список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа и помещается сразу после основного текста рукописи.

Порядок расположения обязательных элементов: в начале рукописи располагается русскоязычный блок (инициалы и фамилия автора, название статьи, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, текст статьи, «Список литературы»); в конце рукописи располагается англоязычный блок (название статьи, имя и фамилия автора, сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, «References»).

Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf. Рисунки должны быть предоставлены в редактируемом файле.

Редакция принимает решение о публикации текста в соответствии с рекомендациями редколлегии, главного редактора и с оценкой экспертов. Решение о публикации принимается в течение двух месяцев с момента предоставления рукописи. Номер журнала, в котором будет опубликована принятая к печати статья, определяется редакцией. Принятие статьи к публикации не означает её публикацию в ближайшем номере издания.

Редакция оставляет за собой право на редактирование материалов, согласовывая окончательный вариант с автором.

Журнал не имеет возможности выплачивать гонорары авторам. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 316. Тел.: +7 (495) 697-91-28; e-mail: of@iph.ras.ru; сайт: <https://np.iphras.ru>

Научно-теоретический журнал

## **Отечественная философия / National Philosophy 2024. Том 2. Номер 2**

**Учредитель и издатель:** Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-85108 от 25 апреля 2023 г.

Главный редактор: *В.В. Сидорин*

Зам. главного редактора: *А.Ф. Макарова*

Научный редактор: *М.В. Шпаковский*

Редактор: *К.В. Ворожжихина*

Зав. редакцией: *М.С. Чернянцева*

Отв. секретарь: *А.М. Куксюк*

Художник: *О.С. Гретчина*

Корректор: *И.А. Мальцева*

Подписано в печать с оригинал-макета 03.06.24.

Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif.

Усл. печ. л. 11,28. Уч.-изд. л. 12,19. Тираж 1000 экз. Заказ № 14.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о журнале «Отечественная философия» см. на сайте: <https://np.iphras.ru>